

В.А. Томберг

Антропософские рассмотрения Ветхого Завета

Валентин Арнольдович Томберг, уроженец Петербурга, в 22 года приехал в Таллин, где прожил все 20-е и большую часть 30-х годов. В Таллине он руководил русской антропософской группой Антропософского общества Эстонии (наряду с ней были также эстонская и немецкая группы), а с 1932 по 1934 год занимал пост генерального секретаря Антропософского общества Эстонии. В 1937 году Томберг покинул Таллин, некоторое время жил в Голландии, затем перебрался в Англию, где умер уже в начале 70-х годов.

"Антропософские рассмотрения Ветхого Завета" появились в 1933-35 годах. Эта книга являет собой часть грандиозного труда, посвященного исследованию Библии с точки зрения духовной науки, в который также входят "Антропософские рассмотрения Нового Завета" и "Антропософские рассмотрения Апокалипсиса".

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие

I. О СУЩНОСТИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

1. Основные направления современного оккультизма
2. Избранный народ

II. СУЩЕСТВО ЯГВЕ. ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В МИРОВОМ СВЕРШЕНИИ И В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. Ягве как носитель креста
2. Тайна Луны
3. Восьмая сфера
4. Ягве в земном свершении
5. Познание Ягве

III. АВРААМ, ИСААК И ИАКОВ

1. Переживания Троицы
2. Идея Отца в Аврааме и сыновняя жертва Исаака

IV. ДУХОВНАЯ ПОБЕДА ИАКОВА

1. Возникновение лжи в человеке и Космосе
2. Люциферическая сфера
3. Тройная духовная победа Иакова
4. Сущность двенадцати

V. ЗЛО В МИРОВОЙ КАРМЕ В СВЕТЕ БИБЛИИ

1. Своеобразие духовного познания Даниила
2. Троица мирового зла
3. Карма мирового зла в свете пророка Даниила

VI. ДУХОВНОЕ ВОДИТЕЛЬСТВО В ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ИСТОРИИ

1. Рождение совести человечества
2. Будда, Илия, Иисус

VII. КАРМА ИЗРАИЛЬСКОГО НАРОДА

1. Два главных кармических потока и истории человечества
2. Ягве и Ваал в судьбе Израиля
3. Кармическая миссия сущности Илии в ветхозаветной истории

VIII. МОИСЕЙ

1. Сущность мудрости Моисея
2. Путь Моисея через пустыню

IX. ДАВИД И СОЛОМОН

1. Судьи и цари
2. Давид
3. Соломон

X. ВАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ И МУДРОСТЬ ЗАРАТУСТРЫ

XI. СВЯТОЙ ДУХ И ДЕЙСТВИЕ СОФИИ В ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ДУХОВНОЙ ИСТОРИИ

1. История пророка Иезекииля
2. Сущность и действие Софии в ветхозаветной духовной истории

XII. ИИСУС ИЗ НАЗАРЕТА

1. Сошествие Христа и существо Иисуса
2. Существо Иисуса и невинная сестринская душа Адама
3. Существо Иисуса и натавов Иисус
4. Иисус из Назарета как сосуд Христа

Дополнение

ПРЕДИСЛОВИЕ.

К членам Антропософского Общества.

"Антропософские рассмотрения Ветхого Завета" должны послужить началом ряда дальнейших публикаций, к которым чувствует себя обязанным автор. Задачей этих предполагаемых регулярных публикаций является удовлетворение потребности в чисто антропософской исследовательской работе, которая существует в широких кругах Антропософского общества.

Содержание "Рассмотрений" родилось не путем рассудочной спекуляции и выдвижения гипотез или простых обобщений фактического материала лекций Рудольфа Штейнера.

"Рассмотрения" родились с помощью антропософского исследования.

Автор не в состоянии упомянуть все циклы, книги и отдельные лекции Рудольфа Штейнера, над которыми он работал, чтобы достичь результатов, которые предаются гласности в "Рассмотрениях"; достаточно лишь раз и навсегда сказать, что автор обязан Рудольфу Штейнеру всем, что он самостоятельно смог познать. Все, что он может сказать, коренится в жизненном труде Рудольфа Штейнера, так что к новым источникам познания, из которых он мог черпать, он был приведен также Рудольфом Штейнером. Так же как воздух, который вдохнули, трудно отделить от воздуха во внешнем мире, так трудно автору провести грань между выработанным им и тем, что было сообщено Рудольфом Штейнером.

Тот, кто знает антропософскую литературу, сам сможет отличить новое от уже данного; другие же должны будут ограничиться вопросом об истинности содержания "Рассмотрений", независимо от вопроса об их происхождении. Антропософски более чистым восприятием фактов и идей является первый вопрос об их истинности, а не вопрос об авторитете сообщающего их человека.

Равно должно быть сказано в начале, что автор не будет вступать ни в какую полемику. Письма полемического содержания также будут оставлены без ответа. Для этого у него просто нет времени. Бояться критики у него нет никаких оснований, ибо все

существенное, что было обнаружено в "Рассмотрениях", уже прошло критику, которую доставляет именно антропософский способ познания.

Наконец, автор должен еще просить немецкого читателя о снисходительности к языку "Рассмотрений". Автор - иностранец, и его знание немецкого языка несовершенно. Но он старался выражаться как можно более точно, чтобы по меньшей мере достигнуть ясности в способе выражения.

Ревель (Таллин), 4 ноября 1933 г. Валентин Томберг.

I. О СУЩНОСТИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА.

1. Основные направления современного оккультизма.

Непредвзятому читателю Библии, этой самой известной и непризнанной книги, прежде всего бросается в глаза то, что вся Библия говорит об общении с духовным миром. Это документ, свидетельствующий перед потомством о продолжавшемся тысячелетия общении с духовным миром и о последствиях этого общения. Божество (Элогим Ягве) говорит человеку, открывается человеку в видениях, ангелы появляются и говорят, пророки прозревают будущее и слышат слова сверхчувственных существ - это известно даже человеку, поверхностно знакомому с Библией, и он также должен признать, что Библия говорит о постоянном общении людей с духовными существами.

Но общение с духовными существами также представлено содержанием и практикой древних мистерий. Ведь древние мистерии тоже основывались не на "вере", но на сознательном общении со стоящими выше человека духовными существами, которых люди видели в духе, слышали, принимали в себя. Благодаря этому в человечество притекали откровения, легшие в основу великих культур. Эти откровения охранялись, им обучали, и в совокупности они образовывали священную мудрость мистерий, духовную науку, чьи методы меняются с каждой эпохой, но которая существует непрерывно вплоть до сегодняшнего дня.

Наука, покоящаяся на сознательном общении с духовным миром, то есть на сверхчувственных опытах, обозначается в западном мире словом "оккультизм". В дальнейшем мы будем пользоваться этим выражением, надеясь, что читатель будет связывать с ним знание, основанное на сознательных сверхчувственных опытах и никакое иное.

С этой точки зрения Библия является книгой, описывающей факты из области оккультизма. Не учение оккультизма, но факты, на которых зиждутся любые учения оккультизма. Так и то общение с духовным миром, которое описывается в Библии, является не учением оккультизма, но фактом, на котором основываются учения. Например, Библия не содержит в себе учения о карме и перевоплощении, однако наглядно показывает проявление кармы и появление вновь на Земле одной и той же индивидуальности. Что это действительно так, будет показано в этих "Рассмотрениях".

Чтобы приступить к содержащимся в Библии фактам, необходимо воспользоваться теми средствами, которые предоставляет нам оккультизм. В этой задаче нам не могут помочь ни литературно-исторический, ни абстрактно-философский подход, это в состоянии сделать лишь конкретный оккультизм. Но доступ к конкретному оккультизму открыт в наше время для широких кругов благодаря делу жизни Рудольфа Штейнера. Это произошло вследствие того, что он опубликовал в форме антропософски ориентированной духовной науки значительную часть конкретного оккультизма. Антропософия в том виде, как она предстает в книгах и печатных циклах лекций Рудольфа Штейнера, сама по себе еще не является конкретным оккультизмом. Она становится таковым в душах тех людей, которые не только признают ее истины, но и сами их познают. Конкретный оккультизм существует лишь в том случае, когда имеются живые оккультисты, иначе речь будет всегда идти лишь об антропософски ориентированных религиозных, философских,

научных и эстетических убеждениях. Но конкретный оккультизм заключается не в культивировании подобных убеждений, а в познании оплодотворяющих их фактов, взаимосвязей и существ сверхчувственного мира и исполнении вытекающих из этого обязанностей и задач.

Если мы постигаем оккультизм в этом духе, то мы будем иметь дело с триединством. Ибо трехчленности человека, оккультиста соответствует и трехчленность оккультизма. Подобно тому, как человек расчленен на дух, душу и тело, также и оккультизм расчленяется на евгенический, гигиенический и механический оккультизм. И подобно тому, как трехчленный человек является все-таки единым, так представляют единство и три большие области оккультизма. Антропософия, какой она предстает в сочинениях Рудольфа Штейнера, делает возможным доступ в эти три области конкретного оккультизма.

Три области оккультизма различаются как в своих задачах, так и в своих методах.

Механический оккультизм имеет задачей такое регулирование внешних сил природы, чтобы они соответствовали истинному назначению человечества;

Гигиенический оккультизм делает это по отношению к силам человеческой организации;

Евгенический оккультизм имеет задачей установить правильное отношение духовных сил к человеку, то есть регулировать его карму посредством рождения и смерти. Таким образом, механический оккультизм имеет дело с силами вне человека, действующими в природе;

Гигиенический оккультизм имеет своим предметом собственно человеческую природу;

Евгенический оккультизм касается непосредственно отношения человека к его задачам, которые ставит сверхчеловеческий духовный мир, то есть его судьбы.

Само собой разумеется, что эти три области оккультизма всегда представлены тремя живыми личностями, являющимися духовными водителями, каждый в определенной области. Это высшие авторитеты духовного знания человечества, которые, как правило, действуют в тиши ради блага человечества. Под образами Бенедикта, Феодосия и Романа, которые представляют трех великих посвященных в драмах-мистериях Рудольфа Штейнера, подразумевались представители трех областей оккультизма.

Легко увидеть, какой из этих образов соответствует той или иной области трехчленного оккультизма. В драмах-мистериях можно получить недвусмысленный ответ на этот вопрос, (кат. 14)

Сама Библия не менее ясно указывает на взаимодействие трех оккультизмов посредством представляющих их трех существ. В 18 и 19 главах Книги Бытия описана встреча Авраама с "тремя ангелами" в дубраве Мамре и истребление Содома. Если представить этот эпизод так, как он может быть описан при помощи духовнонаучных средств, мы будем в состоянии понять его как событие взаимодействия великих посвященных трех родов оккультизма.

Авраам переживает духовные события в обычном дневном сознании, то есть не покидая физического тела, как это имеет место при глубоком сне. Он переживает присутствие Ягве-Элогима. Но сверхчувственное видение исчезает, и вместо него перед ним предстают три мужа. Он узнает в них посланцев, появление которых предвещало его сверхчувственное переживание. Это посланцы Божества, которое он только что лицезрел.

Таким образом, сверхчувственное переживание переходит в чувственное. Там, где только что говорил Бог, теперь стоят лишь трое мужей. Благоговение, которое он только что ощущал перед Богом, Авраам переносит на его посланцев. Полный благоговения, он предлагает им гостеприимство. Они принимают приглашение и вкушают у него пищу. Тогда один из трех возвещает ему, что Сара в течение года родит ему сына. Сара слышит это, но ей кажется это невероятным, потому что они с Авраамом слишком стары как родители. Но тот, кто знает тайны евгенического оккультизма, повторяет предсказание,

которое затем оказывается правдой. Евгенический оккультизм, в тех случаях, когда его законы соблюдены, содействует рождениям вплоть до возраста, который современная "всезнающая" наука считала бы невозможным. Однако не в столь отдаленном будущем она будет принуждена пересмотреть свои утверждения.

Тем самым исполнена задача первого из трех. Они разделяются, и два других направляются к Содому. Они видят свою задачу в том, чтобы решить судьбу этого города. А именно, должно было быть решено, насколько болен этот очаг культуры и жизнеспособен ли он еще вообще. Стоял вопрос, исцелим ли еще Содом или, как очаг заразы, он должен быть уничтожен.

В дальнейшем воспроизводить частности нет необходимости. Тот, кто являлся представителем целительного оккультизма, имел достаточную возможность поставить диагноз Содому, а именно то, что Содом нравственно неисцелимо болен. В соответствии с этим диагнозом действовал представитель механического оккультизма: Содом был уничтожен при помощи огня после того, как Лот со своими близкими покинул город.

Три ангела, которые навестили Авраама в дубраве Мамре, но которые вместе с тем упоминаются как трое мужей, вкушавших пищу у Авраама и направившихся к Содому, где они переночевали в доме Лота, являются тремя великими посвященными трех родов оккультизма, чье взаимное действие было необходимо для решения участи Содома.

Невозможно также постигнуть подлинное значение "поклонения мудрецов Востока" младенцу Иисусу, описанного в Евангелии от Матфея, если не понимать того, что этим указано на тот факт, что весь белый оккультизм того времени приветствовал появление высшей индивидуальности. Он делал это в лице своих трех представителей, из которых каждый представлял одну из трех областей оккультизма.

Эти факты должны восприниматься антропософами со всей мыслимой серьезностью. Им необходимо не только теоретически признавать, что на Земле всегда живут трое посвященных, но и соответственным образом ощущать. В сущности, в Антропософском обществе всегда должно было бы господствовать настроение, которое приблизительно можно выразить в следующих словах: "великие посвященные здесь; они имеют учеников, через которых могут говорить; существует еще более глубокая мудрость и еще более высокое обучение, чем то, которое запечатлено в имеющихся книгах; каждый, кто потрудится и будет сочтен достойным этого, может иметь доступ к этой мудрости, к этому обучению.

Должен быть прочувствован вес следующих слов Рудольфа Штейнера из его книги "Как достигнуть познания высших миров?": Но здесь надо иметь в виду две вещи. Во-первых, тот кто серьезно стремится к высшему ведению, не остановится ни перед какими усилиями, ни перед какими препятствиями, чтобы найти посвященного, могущего ввести его в высшие тайны мира. Но, с другой стороны, каждый может быть уверен в том, что посвящение найдет его при любых условиях. Если в нем есть серьезное и достойное стремление к познанию".

Если каждый достойно и серьезно ищущий человек может найти посвященного, то тогда посвященные должны существовать всегда. Если бы Рудольф Штейнер был единственным посвященным и после него не было бы никого другого, то вышеприведенные слова были бы неверны. Но они верны невзирая на то, что внутренне многие антропософы в настоящее время явно сомневаются в истине этих слов, то есть вообще не считают возможным, что могут появиться новые ведающие. На самом деле, это не только возможность, но необходимость, признание которой - долг каждого антропософа, для которого дело важнее, чем личные желания.

После этого необходимого отступления обратимся вновь к вопросу о сущности Библии.

Если мы воспринимаем Ветхий Завет как сообщение об оккультных фактах, то перед нами, естественно, встает вопрос: которая из трех областей оккультизма является наиболее характерной для Библии? Другими словами: является ли Библия книгой

механического, гигиенического или евгенического оккультизма? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо охватить взором Библию в целом.

Ветхий Завет содержит в себе историю осуществления задачи, которая в течение примерно пятнадцати столетий исполнялась на основе договора, заключенного между человеческой общиной и духовным миром. Это история договора между группой людей и одним божественно-духовным существом. И все то, что Библия описывает как события, испытания, откровения и судьбы, связано воедино духовными нитями этого договора.

Содержание договора, заключенного с Авраамом и возобновленного во времена Моисея, Давида и вавилонского пленения, может быть выражено двумя положениями:

"Я есмь" - это Господь

и "Бог станет человеком;

Он родится в колене Израилевом".

Первое положение содержит обязательство израильской общины перед духовным миром. Второе положение содержит обетование духовного мира израильской общине.

Основной характер израильского духовного потока в истории был определен Обязательством исповедания "Я есмь". Это духовное направление отличалось от других, окружающих его течений тем, что обязано было всем своим содержанием исключительно силам человеческого Я. В то время как другим народам духовное в природе и светилах открывалось через астральное тело, тем личностям, которые были вождями в израильском духовном течении, духовное содержание мира открывалось только через Я. Самым большим прегрешением против обязательства придерживаться Я в Израиле считалось отправление культа природы и звезд. Поклонение священным холмам, священным рощам и т.д., которое у других народов составляло важнейшую часть религиозной жизни, в Израиле было запрещено. Ибо эти обряды имели целью общение с духовным в мире при помощи сил астрального тела при выключении Я; тогда как общение с духовным, которое должно было осуществляться в Израиле, было возможным лишь благодаря тому, что выключались силы астрального тела, подсознательные силы, для того, чтобы Я без помех могло стать средством общения с духовным миром.

Благодаря этому общению было создано и сохранено израильское культурное течение.

Люди, которые могли сознательно осуществлять это общение, были пророками, которых было значительно больше, чем упоминается в Библии, так как существовала непрерывная преемственность пророчества от Авраама до Малахии. Эта преемственность была возможна потому, что существовало духовное обучение пророчеству, причем каждый пророк подготавливал себе преемника при помощи средств этого обучения.

Уже в своих методах обучение пророков было во многом схоже с методами современной духовной науки. Ибо и оно также исключало все подсознательное, все телесное и руководствовалось исключительно ясными силами человеческого сознания. В полном покое, исключив все побуждения, выполняли ученики пророков свои упражнения с тем, чтобы приучить себя к глубокому молчанию перед духовным миром. Когда это молчание достигало известной степени, начинал говорить духовный мир. Все, воспринимаемое таким образом, пророк сообщал другим. Так велась к своей цели израильская народная община.

Этой целью было осуществление обетования священного рождения Мессии. Все в жизни израильской народной общины должно было быть устроено так, чтобы по истечении многих поколений могло возникнуть соответствующее тело, в котором мог бы действовать Христос. И бесчисленные подробности предписаний о питании, гигиене, взаимоотношениях полов и т.д., которые содержатся, например, в книге Моисея, правильно понимаются лишь тогда, когда их понимают не как аскезу (так как в Израиле не существовало никакой телесной аскезы, так же как и в настоящее время не существует никакой телесной аскезы для учеников и посвященных подлинного христианского оккультизма), а как целенаправленное регулирование жизни, направленное на осуществление будущего рождения тела для Христа.

Если достаточно серьезно не осознать, что история Израиля была историей подготовки тела Иисуса, тогда не понять и того исключительного значения, которое придается в Библии правильному браку и правильному рождению. Здесь мы имеем дело с сознательным применением законов наследственности, причем этой задаче подчинены и судьбы отдельных личностей.

Библия является описанием подготовки священного рождения. Это единственное существующее в мире великое произведение евгенического оккультизма. В наши дни не существует ни одного писания, кроме Библии, содержащего такое большое число тайн евгенического оккультизма. Глубокие взаимосвязи, существующие между рождением и кармой с ее задачами на протяжении многих воплощений, яснее всего могут быть познаны по Библии.

Это относится в первую очередь к Ветхому Завету. Ветхий Завет является наиболее ценным документом евгенического оккультизма, который человечество сохранило из прошлого. Новый же Завет (четыре Евангелия) имеет для конкретного оккультизма иное значение. Центр тяжести здесь необходимо искать не в области евгенического оккультизма (хотя Новый Завет содержит факты, означающие завершение одной и начало новой эпохи в истории евгенического оккультизма), но в другой области оккультизма. Он описывает факты, которые могут привести к познанию глубочайших тайн гигиенического оккультизма. Так, не говоря о многих исцелениях духовных, душевных и телесных недугов, описанных в Евангелиях, центральное событие, которое стоит в средоточии евангельского повествования, - Мистерия Голгофы, может и должно быть воспринято прежде всего как высочайшее деяние исцеления глубочайшего недуга человечества.

Четыре Евангелия содержат наиболее ценное из того, что человечество может знать о целительном оккультизме. Человечество не сохранило ни одного документа прошлого, который содержал бы больше тайн целительного оккультизма, чем Евангелия.

Однако Библия в целом состоит из трех частей, ибо Апокалипсис Иоанна столь же явственно отличается от Евангелий, как эти последние отличаются от книг Ветхого Завета. Если Ветхий Завет описывает подготовку к Христову событию в земной истории, Евангелие описывает само это событие, то Апокалипсис описывает будущие последствия этого события. Однако Апокалипсис не содержит истории поколений, как это делает Ветхий Завет, а также - описания жизни и страстей одного-единственного существа, как это делает Евангелие, но он описывает будущие человеческие и космические события. Он показывает космические последствия человеческого воплощения Христа. Эти последствия не только духовно-морального порядка, но они относятся также и к своего рода природным событиям. Апокалипсис показывает, какое воздействие на силы природы окажет в будущем духовно-моральное. В Апокалипсисе точно описываются изменения во внутренних слоях Земли и в эфирных слоях вокруг Земли как результат воздействия моральных причин. Содержанием космической драмы Апокалипсиса Иоанна является не только борьба за человечество, но и борьба за природу. Тем самым Апокалипсис указывает на факты, которые лежат вне области евгенического и целительного оккультизма. Ибо воздействие человечески - духовного на внечеловечески-духовное составляет предмет механического оккультизма. Механический оккультизм содержит знание о воздействии духовного в человеке на внешние силы природы, и в этом смысле Апокалипсис является единственным сохраненным человечеством документом механического оккультизма.

Поскольку задачей автора этих сообщений является не описание целительного оккультизма, и тем более - механического оккультизма, он ограничится соображениями о Ветхом Завете как основном документе евгенического оккультизма. Остальные два раздела Библии будут привлечены только в той степени, в какой невозможно полностью разделить как Библию, так и три области оккультизма. Библия является нераздельным целым именно потому, что она содержит важнейшие факты из трех областей оккультизма, которые сами представляют собой нераздельное целое. Ибо как без Евангелия не может

быть понят Ветхий Завет, так без Апокалипсиса не может быть понято Евангелие. Весь Ветхий Завет - это повествование о подготовке событий, которые описаны в Евангелии, а Апокалипсис показывает, ради чего совершены эти события.

Столь же нераздельны три области оккультизма, когда они выступают в жизни. Нельзя исцелить человека, не учитывая его кармических и наследственных обстоятельств, нельзя также исцелить человека, не имея в своем распоряжении целительных средств, которые могут быть созданы только при помощи механического оккультизма. Это только один пример, но можно было бы привлечь еще много других, чтобы показать, что три области оккультизма составляют единое целое и могут правильно исполнять свои задачи только во взаимодействии.

Однако в этих сообщениях будет все же предпринята попытка рассмотреть, исходя из Ветхого Завета, одну область оккультизма, ибо так необходимо. Но автор просит читателя этих сообщений учесть, что при описании этих вещей над ними свершается насилие. Это болезненно, но в настоящее время необходимо.

Так, в дальнейшем мы будем иметь дело с Ветхим Заветом как свидетельством египетского оккультизма. Но прежде чем коснуться частностей этого свидетельства, необходимо прежде ответить на один вопрос общего характера, а именно вопрос об "избранном народе", с которым был заключен упомянутый завет. Чем является "избранный народ" и в чем сущность "избрания"?

2. Избранный народ.

История Израиля - это история избранного народа, то есть народа, миссия которого состояла в подготовке события общечеловеческого значения. Однако после того как это событие совершилось, видимо, уже нет причин для существования "избранного" народа. Можно было бы подумать, что со времени мистерии Голгофы все человечество стало таким "народом".

Но эта мысль противоречит описанному в Апокалипсисе будущему событию последнего избрания 12 колен Израиля после того, как будут пройдены все испытания земных судеб человечества. 12 x 12 "тысяч" избранных являются, согласно Апокалипсису, конечным итогом земного развития при переходе Земли в стадию Юпитера.

Таким образом, мы поставлены Апокалипсисом перед тем загадочным фактом, что "избранный народ" будет существовать также и в далеком будущем. Чтобы понять это, мы должны прежде ответить на вопрос: если "избранный народ" будет существовать в отдаленном будущем - вплоть до конца земного развития - насколько далеко он может быть прослежен в прошлом? Каково происхождение "избранного народа"? Является ли момент исхода из Египта фактически началом истории "избранного народа"?

Мы лучше всего пойдем сущность "избранничества" и значение "избранного народа", вечного Израиля, таким, каким оно понимается в Апокалипсисе, если рассмотрим прошлое человечества с точки зрения исследования истоков этого "избранного народа". Тогда мы должны вернуться к временам, когда западнее Европы, на территории впоследствии ушедшего под воду континента Атлантиды, цвела своеобразная культура. Она отличалась от современной в первую очередь тем, что основывалась на совершенно иных способностях человека. Ибо современная культура основывается на мыслительной способности человека и на опытах, которые он может приобрести благодаря своим внешним чувствам; атлантическая же культура основывалась на способностях, которые мы теперь назвали бы "магическими". Эти способности атлантов заключались в том, что между человеком и окружающей его природой существовала гораздо более внутренняя связь, чем это имеет место у современного человека. Внешние процессы в природе были для атлантического человека одновременно и внутренним переживанием; в то же время, внутреннее переживание атлантического человека влияло на внешние природные процессы. Воля была способна управлять не только членами человеческого тела, но также

и внешними силами природы. Так, например, произнесенное слово обладало властью, о которой сегодня - где бы это ни проповедовали или ни декларировали - более уже не имеют понятия. Оно могло исцелять и умерщвлять, созидать и разрушать - благодаря природной силе, сопутствовавшей ему.

Использование этих магических сил составляло основу атлантической культуры, но злоупотребление ими стало причиной гибели атлантического континента. Ибо способностью влиять на жизненные процессы природы злоупотребляли с целью своекорыстного распространения власти в широких размерах. Злоупотребление магическими силами зашло так далеко, что угрожало разделению населения Атлантиды на две группы: меньшую группу людей, господствующих благодаря магической власти, и большую массу людей, принужденных к повиновению. Тем самым исчезла бы всякая возможность развития человечества в направлении к свободе. Черная магия сделала бы невозможным продолжение развития, если бы не произошла атлантическая катастрофа. Эта катастрофа уничтожила культуру, которая все больше и больше развивалась в направлении к черной магии.

Но упомянутая катастрофа коснулась не всех жителей атлантического континента. Были и те, кто избежал катастрофы. Это произошло не случайно, а благодаря тому, что вокруг верховного вождя сплотилась община людей, и он своевременно увел ее в другое место. Это были люди, которые не являлись ни применяющими черную магию, ни ее жертвами. Из таких людей образовалась община, которая под руководством Ману покинула Атлантиду и направилась в Центральную Азию.

Так была "избрана" часть атлантического населения, которая осуществила исход из Атлантиды. Мы видим, как впервые появляется "избранный народ". Это - первое избрание и первый исход.

Задача исхода состояла не только в том, чтобы покинуть Атлантиду, но также и в поиске определенной области, где могла бы быть основана новая, способная к развитию культура. "Избранный народ" под водительством Ману шел в свою "страну обетованную". После долгих странствий он достиг ее. Там, в Центральной Азии, был основан первый рассадник арийской культуры, корень всех позднейших послеплатонических культур.

Эта начальная арийская община так же, как позднее израильский народ, заключила "договор" с духовным миром. Обязательства, которые следовали из этого договора, составили содержание законов Ману. Эти законы организовывали жизнь людей таким образом, чтобы Небо и Земля, духовный и чувственный мир уравновешивали друг друга. Ибо только при таком равновесии возможно развитие свободной личности, которое как раз стало невозможным в Атлантиде. С другой стороны, чистота арийского импульса должна была соблюдаться необходимостью избегать смешения с другими народностями, оставшимися на более низкой ступени развития. Эти два принципа: верность Земле и кровное обособление "избранного народа" от народностей, которые были заражены упадочной атлантической культурой, - составили основание первого "союза" первого "избранного народа" после первого исхода.

Впоследствии из этой общины Ману развилась древнеиндийская культура, развитие которой приняло направление, отличное от древнеарийского принципа. Ибо индийская культура развивала сильное предпочтение к духовному сопровождаемое презрением к земному. Тем самым был нарушен первоначальный принцип Ману. Гармоничного соотношения Небес и Земли больше уже не существовало. Вследствие этого индийская культура была уже не в состоянии выполнять задачи послеплатонического человечества. Необходимо было основать новую культуру, способную продолжить развитие в нужном направлении. Так осуществился второй исход и возник второй "избранный народ", который сохранил верность древнеарийскому импульсу и основал новую культуру на иранском плоскогорье.

Эта культура получила свое духовное основание благодаря великому Заратустре. Оно заключалось в заповеди борьбы против Аримана на стороне божественного солнечного

существа Аурамаздао. Однако значение борьбы против Аримана состояло не только в определенной внутренней установке и в определенном образе жизни. Ее задача заключалась также в защите арийства от могучего туранства.

Туранство сохраняло как раз темные стороны атлантической духовной культуры, и поэтому представляло собой величайшую противоположность тем импульсам, которые внедрял великий Заратустра. Таким образом, борьба с туранскими народностями была вопросом жизни для иранской культурной общины. Она могла сохранить себя лишь героически отказываясь от малейшего компромисса с туранской духовностью.

Ибо духовное течение сильно лишь до той поры, пока не идет ни на какие компромиссы. Это имеет значение для нашего времени; не менее относилось это и ко времени первого великого размежевания чистой духовной культуры Заратустры с темной природной духовностью туранства.

Но героический дух древних персов со временем ослабел. Вместо него возникло "примирительное" настроение компромисса, в котором хотели найти покой от вечного напряжения воли, которого требовала верность духу великого Заратустры. Это внутреннее ослабление привело к внешнему поражению: в борьбе Ирана с Тураном победил последний.

Поражение сделало невозможным дальнейшее развитие древнеперсидской культуры в духе ее подлинных задач. И снова случилось так, что те, кто остался верен духу великого Заратустры, покинули иранскую землю и основали культурные центры в Месопотамии и Египте. "Избранный народ", который не желал воспринять чуждые импульсы, покинул иранскую культурную область с тем, чтобы основать в других странах новую культуру.

Эта новая культура разделилась на два течения: халдейское и египетское культурные течения, которые великий Заратустра основал через своих учеников.

Задача египетско-халдейской культуры заключалась в том, чтобы свято сохранять великие врата духовного мира - врата рождения и врата смерти - до тех пор, пока святое Рождение и святая Смерть не откроют эти врата для всего человечества. Народы этой культуры должны были подготовить рождение того Существа, которое жертвенной смертью доставило бы человечеству высшее благо. Поэтому мистерии рождения и мистерии смерти должны были содержаться у этих народов в чистоте, чтобы событие Христа могло совершиться на подготовленной почве. Халдейский народ был призван стать хранителем мистерии рождения, а египетский - хранителем мистерии смерти.

Но оба хранителя нарушили верность. В Халдею проник туранский элемент и отравил духовную жизнь этой страны. Распространившийся среди народов Месопотамии и Сирии культ Астарты и Ваала привел к пониманию рождения, прямо противоположному тому, которое должно было бы возвращаться.

Здесь неуместно говорить обо всех подробностях этого темного культа; достаточно сказать, что все детали этого культа были направлены на то, чтобы изгнать все духовное, все святое из взаимосвязи матери, отца и ребенка. Половая жизнь отрывалась от ее божественных источников и подчинялась демоническим силам, рождение становилось механизированным. Для этого все первенцы должны были умерщвляться. Это мероприятие имело целью уничтожить сознательное любовное ожидание нисходящих душ в человечестве и заменить его бессознательным механическим воспроизводством человеческих существ.

Если бы это удалось, то на Земле должно было бы совершенно прекратиться появление высоко духовных людей. Ибо высокодуховные души могут родиться лишь тогда, когда их сознательно ожидают. Основным условием их появления является содействие свободного человеческого сознания родителей. Таким образом, понятно, что являлось целью упомянутого культа: воспрепятствовать рождению Христа.

Как в Халдее было материализовано рождение, так в Египте была материализована смерть. Великая идея преодоления смерти воскресением, которая культивировалась в священных мистериальных центрах Египта, была подменена стремлением сохранить

внешний облик, телесную форму. Введя культ мумий, Египет погрешил против мистерии смерти, как Халдея - против мистерии рождения, предавшись культу Ваала.

Так, в Халдее было поругано рождение, в Египте - смерть. Поэтому ни халдейское, ни египетское духовное течение не могло подготовить почвы, на которой мог появиться Иисус Христос.

Снова возникла необходимость избрания и исхода. Маленькая группа халдеев под руководством Авраама отделилась от халдейского народа и образовала новое племя. Это племя отправилось в Египет, где умножилось до народа. Можно понять, почему оно могло вырасти до народа именно в Египте, если вдуматься в то, что грех Египта состоял в принижении смерти, но не в принижении рождения. Новый народ был защищен в Египте от испорченного халдейского влияния. Он мог сохранить там свойственное ему чистое отношение к рождению. Но ему нельзя было слиться с египтянами, чтобы не утратить подлинную идею воскресения. И он должен был как народ выселиться и из Египта, подобно тому как он, как отдельное племя, изошел из Халдеи. Это произошло под руководством Моисея, который повел четвертый "избранный народ", народ Израиля, в его "Землю обетованную".

Когда и этот народ также изменил своему назначению, он был уведен в Вавилон, откуда "избранная" часть была позже приведена обратно. Это было последнее избрание перед появлением Иисуса Христа, благодаря чему рождение и смерть вновь приобрели свое божественное значение в сознании человечества.

Но закончилась ли на этом история "избранного народа"? Мы не будем сейчас касаться истории средневековья и Нового времени, которые пока не дают нам нужных данных для ответа на этот вопрос. Вместо этого обратим свой взгляд в будущее, на время шестой культурной эпохи. Шестая послеплатоническая культурная эпоха будет отличаться от современной именно тем, что человечество будет разделено на две обособленные общины: на меньшую, состоящую из людей, воспринявших в свое сознание импульс Христа, и на большую общину, состоящую из людей, отвергнувших этот импульс.

Община духовной части человечества заложит основание культуры социальной справедливости, которая будет морально отличаться от культуры остального человечества так же отчетливо, как в настоящее время внешняя цивилизация Европы отчетливо отличается от цивилизации уроженцев Африки. Обе части человечества будут различаться и физически, так что будут существовать две человеческие расы, которые будут отличаться друг от друга духовно, душевно и телесно.

Эти вещи должны восприниматься не абстрактно, а насколько возможно конкретно. Антропософы, собственно говоря, уже давно должны были усмотреть, какое конкретное значение имеет антропософское движение для будущего. Речь идет не только об убеждениях или идеях, но и о начале конкретного образования рас - о первых начатках поколений, которые в последовательной смене должны спиритуализироваться вплоть до приобретения способностей людей шестой эпохи.

Будущее нуждается не только в идеях, но и в телах, так как оно должно осуществиться не только на Небе, но и на Земле. И сила идей сохраняется лишь благодаря тому, что она охватывает также и земное.

Если же выросшие дети антропософских родителей отворачиваются от антропософии, что происходит нередко, и отдаются другим стремлениям, то вовсе не нужно говорить о "карме" и "свободной воле", но скорее надо поставить вопрос: была ли антропософия родителей достаточно убедительна для детей, так чтобы те воспринимали через нее больший приток жизни, чем через что-либо иное во внешнем мире? Поставив вопрос так, можно сделать открытие, что от одного поколения к другому из антропософии может перейти лишь столько, сколько пережито сердцем. Головная антропософия не имеет значения для дальнейшего продолжения в поколениях антропософской жизни, здесь имеет значение только антропософия сердца. И для молодого поколения антропософия убедительна настолько, насколько она живет в сердце. Только пережитое сердцем будет

иметь продолжение в будущем, формируя тела вплоть до шестой культурной эпохи. Головная антропософия есть дело отдельного человека, антропософия же сердца - дело человечества. Это она станет в будущем силой, которая даст духовному человеку шестой эпохи необходимую организацию для того, чтобы он мог жить на земле.

Мы живем в эпоху, когда снова был заключен "договор" с духовным миром, цель которого - подготовить шестую культуру. Этот договор требует преданности духовному миру и постоянного напряжения для того, чтобы поддерживать непрерывное сознательное общение с конкретным духовным миром. Источники, из которых проистекают все новые познания конкретно духовного, не должны никогда иссякнуть, ибо лишь благодаря постоянному притоку духовного познания может сохраниться живым Антропософское общество. Оно бы иссякло, несмотря на богатую литературу, которой обладает, если в течение длительного времени оно не получало бы прямого притока из духовного мира. Ничто не может заменить этот приток, он - жизненное условие духовнонаучного движения, и это движение может выполнить свою задачу в духе всего вышесказанного только если оно охватывает сердца. А это возможно лишь тогда, когда внутри этого движения не прекращается сознательное общение с духовным миром. Одна только традиция не способна сохранить его живым. Если умолкнут откровения из духовного мира, умолкнет и сердце, а это означало бы духовную смерть всего движения.

Таким образом, история "избранного народа" продолжается и в далеком будущем. Это история кармического потока душ, особым образом связанных с импульсом Христа. Это все те же индивидуальности, которые в течение многих инкарнаций осуществляют дело, являющееся делом Христа. Пророки Израиля вновь появятся для того, чтобы сохранить в современности общение с духовным миром, подобно тому как оно беспрерывно сохранялось в прошлом. Так кармическое течение - "избранный народ", вечный Израиль, - будет протекать от эпохи к эпохе для того, чтобы в критические для человечества времена насаждать ростки новых культур после упадка старых.

Итак, мы выстроили понятие "избранный народ" - каким он является в истине, а это нам будет необходимо, чтобы постигнуть Библию, какова она в истине, ибо Библия содержит историю "избранного народа", которая есть история Христова импульса. Кармическая община, которая в атлантическое время была особо связана с солнечным оракулом, община солнечных людей, есть "избранный народ", который в течение всего земного развития призван стать подготовителем, носителем, вестником того солнечного Существа, которое мы знаем как Христа.

После того, как мы выработали себе правильное понятие о Ветхом Завете как о книге египетского оккультизма, а также понятие об "избранном народе" как о кармическом течении импульса Христа, мы достигли третьего основополагающего вопроса, ответ на который совершенно необходим для понимания Библии:

Кто тот Бог, который в Библии именуется Ягве, и в каком отношении находится он к кармическому Христову течению и самому Христу?

Следующее рассмотрение будет посвящено вопросу о сущности Ягве и его космическому и историческому значению.

II. СУЩЕСТВО ЯГВЕ. ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В МИРОВОМ СВЕРШЕНИИ И В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. Ягве как носитель креста

Чтобы постичь существо Ягве, нет иного пути, кроме как рассматривать его во взаимосвязи со всем космическим свершением. Ибо невозможно и нельзя вырывать существо духовных иерархий (если хотят понять его) из взаимосвязи с другими духовными иерархиями. В физическом мире можно рассматривать отдельный предмет сам по себе; в духовном же мире отдельное познается лишь через его взаимосвязь со

всеобщим. Поэтому в этом рассмотрении, посвященном существу Ягве, прежде всего необходимо описать совокупное действие духовных иерархий.

Мы попытаемся построить это описание таким образом, чтобы оно было не абстрактно-философским, но чтобы его истина непосредственно говорила сердцу. Ибо есть области, где аргументация столь же непригодна, как появление в повседневной одежде на торжестве высочайшей радости или глубочайшей печали. Поэтому одна часть этого рассмотрения будет содержать описание некоторых важных взаимосвязей, которые будут изложены в повествовательной форме.

В первоначале всего сущего Существо Отца промыслило мысли всех существ и вещей. После того, как Оно промыслило все мысли мира, Оно опочило. Новые мысли больше уже не создавались Отцом, ибо все мысли вплоть до окончания мира были продуманы Им, то есть созданы в самом начале. Покой Творца на "седьмой день", о котором идет речь в книге Бытия, означает именно то, что все мысли творения были окончательно промыслены.

Но мысли Отца пребывали бы в вечности только как мысли, если бы Сын не вдохнул в них жизнь. Сын дышит жизнью, и Он вдыхает ее в вечные мысли Отца. Через это они становятся живыми сущностями.

Однако все еще имеется много мыслей, которые покоятся в сфере Отца и в которые Сын еще не вдохнул жизнь. Оживление мыслей Отца Сыном продолжается постоянно, и так возникает новое в мировом бытии.

Но в мировое свершение мысли Отца, ставшие сущностями, вступают лишь благодаря Духу, который осуществляет их в действительности. Они воплощаются, направляемые волей Духа, проникающего их, в мир деяний.

Так, благодаря деянию вечной Троицы возникает мировое свершение. Но это возникновение - весьма сложный процесс, в котором принимают участие бесчисленные существа. Существа духовных иерархий действуют под водительством Божественной Троицы. Но они действуют таким образом, что их деятельность различается в зависимости от Сущности Троицы, под водительством которой они стоят. Существуют иерархии Отца, Сына и Духа, задачи которых соответственным образом различаются.

В целом первая иерархия (Серафимы, Херувимы, Престолы) стоят ближе всего к Отцу, вторая иерархия (Господства, Силы, Власти) - к Сыну, и третья иерархия (Архаи, Архангелы, Ангелы) - к Духу. Эти три иерархии действуют в соответствии с импульсами, исходящим от Троицы.

Так обстоит дело вообще. Если же рассмотреть конкретную действительность в подробностях, то открывается, что три основных божественных Сущности действуют во всех трех иерархиях. Каждая из трех иерархий внутренне тройко расчленяется, причем каждый из этих членов соподчинен одной из трех основных Сущностей Троицы.

Так оживляющий импульс любви Сына действует именно через Серафимов, Власти и Архангелов; свет мудрости Духа - через Херувимов, Силы и Ангелов; тогда как воля Отца раскрывается через Престолы, Господства и Архаев.

Если мы рассмотрим теперь всеобщую истину соподчинения трех иерархий, то получим следующее распределение духовных иерархий согласно трем изначальным Сущностям мира:

Серафимы принадлежат к иерархии Отца, в которой они являются представителями Сына; Херувимы представляют Дух внутри иерархии Отца; Престолы - чистые представители принципа Отца.

Господства являются духами, представляющими Отца внутри иерархии Сына;

Силы - представители Святого Духа внутри иерархии Сына.

Власти Элогимы являются чистыми представителями Сына внутри иерархии Сына.

Архаи являются духами-представителями Отца внутри иерархии Духа;

Архангелы являются духами-представителями Сына внутри иерархии Духа;

Ангелы - чистые представители Святого Духа.

Из этого сопоставления, представленного сначала в схематичном виде, можно увидеть, что иерархия Властей (Элогимов) - это иерархия Христа в мировом свершении. Через нее преимущественно действует Существо Христово, ибо Власти суть Христовы духи внутри иерархии Христа.

Далее, Власти расчленяются на семь сонмов. Это членение отвечает семи планетарным сферам, которые являются полем действия Властей. Каждый из этих сонмов объединяется в единство одним существом, которое обладает водительством внутри соответствующей планетарной сферы. Поэтому в оккультизме говорят о "семи Элоигмах", совокупность которых являет собой "Полноту" (Плерому) космической жизни, ибо она охватывает семь планетарных сфер.

Итак, если в последующем мы будем говорить о семи Элогимах, то при этом нельзя выпускать из внимания тот факт, что под этим подразумеваются семь ведущих существ иерархии Властей; однако не следует думать, что иерархия Властей состоит лишь из семи существ.

Если хочешь постичь космического Христа, то будет верно направить взгляд на семь Элогимов как на тех, кто открывает Христа в Космосе. С другой стороны, если хочешь постичь семь Элогимов, то должен направить взгляд на жизнь Иисуса Христа на Земле, описанную, например, в Евангелии от Иоанна. Ибо если во Христе жила "Полнота", то есть совокупность семи Элогимов, то Его земное деяние должно обнаруживать эту семирочность.

В медитативном переживании этого откровения через жизнь Христа на Земле состоит семиступенчатый путь христианского посвящения. Этот путь проходит также и сегодня; он лишь принадлежит к одной из более высоких ступеней, чем те ступени, упражнения в которых даны в книге Рудольфа Штейнера "Как достигнуть познания высших миров" (часть первая). Существует лишь один путь христианской эзотерики; различаются лишь ступени этого пути.

Христова ступень христианского пути посвящения состоит из семи упражнений, которые заключаются в медитации над семью ступенями страстного пути Иисуса Христа. Эти ступени следующие:

- Омовение ног.
- Бичевание.
- Возложение тернового венца.
- Несение креста.
- Распятие (мистическая смерть).
- Воскресение.
- Вознесение.

Сквозь эти семь событий, которые одновременно представляют медитативный материал для определенной ступени пути к посвящению, гласит мировое Слово. Оно гласит сквозь семь тонов, чье созвучие открывает "Полноту", живущую в Иисусе Христе. Понять эти семь событий - значит понять Христа как "Полноту" (Плерому), то есть взаимодействие семи Элогимов, Элогимность.

Каждое из семи событий Христова пути отвечает существу одного из семи Элогимов. Так, первый Элогим - это тот, который правит в Космосе духовно-эфирным потоком "Омовения ног". Ибо "Омовение ног" - это не просто человеческий процесс, но космический; там, где высшее служит низшему вместо того, чтобы господствовать посредством силы, совершается "Омовение ног". Так, например, в судьбе каждого человека совершается постоянное "Омовение ног" благодаря тому, что Ангел служит человеку. Ибо Ангелы-Хранители не господствуют над хранимыми людьми, но служат им, склоняясь из духовных высей в низины земных судеб.

Нельзя также понять и белых оккультистов, если не воспринимать образ их действия как Омовение ног. Воля к господству - это первое, что они слагают с себя; пустота воли к власти и внешнего авторитета ощущается ими вплоть до инстинктивных движений

подсознательной жизни. Они хотят только служить и ничего боле. Поэтому высочайшие посвященные человечества действуют в тиши; в тиши несут они заботу о человечестве и в тиши служат ему величайшую службу.

Подобно тому, как Омовение ног является космическим процессом, руководимым первым Элогимом, так и шесть остальных ступеней Христова пути являются космическими процессами, за которыми стоят шесть остальных Элогимов. Мы можем говорить об Элогиме "Омовения ног", "Бичевания", "Возложения тернового венца", "Несения креста", "Распятия", "Воскресения" и "Вознесения".

При рассмотрении этих ступеней Христова пути нам бросится в глаза один факт: Христос омыл ноги, подвергся бичеванию, возложению тернового венца, был распят, воскрес и вознесся на небо, но крест за Него нес другой. Шесть ступеней Его пути были пройдены Им одним; на одной ступени, ступени Несения креста, Он был представлен другим.

Этот факт вплотную приводит нас к тайне Ягве и шести солнечным Элогимам. Ибо к основным истинам духовной науки принадлежит то, что "Полнота" шести Элогимов жила во Христе как в Духе Солнца; один Элогим действует лишь наряду с шестиричностью солнечных Элогимов. Этот, стоящий отдельно Элогим и есть то самое существо, которое обозначается в Библии как Элогим Ягве. Он является четвертым Элогимом, Носителем креста в Космосе. Он является тем самым существом, которое приняло на себя несение космического креста.

Для того, чтобы постичь значение существа Элогима Ягве в мировом свершении и в истории человечества, мы должны рассмотреть процесс космического Несения креста. Это даст нам один из важнейших ключей к постижению Ветхого Завета.

2. Тайна Луны

Со словом смерть обычно связывают представление о разлагающемся трупе. И процесс разложения обычно понимают как образ действия смерти в природе.

В действительности же этот образ не есть образ смерти. Ибо разложение - это только процесс передачи субстанции одного отдельного живого организма живому организму всей Земли. Смерть не присутствует здесь; здесь совершается жизненный процесс. Напротив, субстанция трупа через разложение отвоевывается у смерти и включается в кругооборот живой природы.

Верным образом смерти был бы, следовательно, не образ процесса разложения, а образ неразлагающегося трупа. Ибо в разложении действует жизнь Земли, и лишь в окочении раскрывается смерть. Если часть мирового свершения вырывается из потока времени и становится застывшей частью пространства, тогда мы имеем дело с действительно мертвым телом, с настоящим трупом.

Жизнь - это пространство, находящееся в потоке времени; смерть - это застывание времени в пространстве. Если время становится пространством, утрачивает господство над обликом, тогда оно умирает и становится трупом.

Это ощущали в древности. Поэтому крест был образом застывшего взаимодействия времени и пространства, символом смерти.

Если мы постигнем, что крест означает застывшее в пространстве время, то мы получим соответствующее действительности понятие Несения креста. Несение креста - это совместное бытие с мертвой, то есть окоченевшей частью прошлого, которая должна быть именно "несома", поскольку сама она недвижима. Так, например, факт воплощения человека в минеральном теле есть Несение креста. Мы постоянно "несем" наш крест, наш труп, так как мы восприняли в наше физическое тело минеральные субстанции. Таким

образом, каждый воплощенный человек есть "носитель креста", ибо в течение жизни он несет чуждое истинному существу его физического тела мертвое минеральное тело.

Однако Несением креста является не только инкарнированное бытие в минеральном теле; Несение креста может совершаться также в иных областях бытия. Так, например, закосневшее в догму, прежде живое учение означает Несение креста для духовной жизни человечества. Крест религиозной и научной догматики лежит тяжелым бременем на многих душах, родившихся в западной культуре.

Но Несение креста - это не просто человеческий процесс, но также и космический. Как Омовение ног является космическим событием, так является им и Несение креста. Но где в Космосе можем мы наблюдать факт Несения креста? Существуют ли в космической жизни явления, которые оказываются Несением креста? Иными словами, где может находиться в Космосе мертвое тело, труп, "несомый" живыми космическими существами?

Столетиями поэты прославляли в своей поэзии "целомудренную царицу ночи". Луна как дарительница серебристого ночного света была постоянно предметом поэтического почитания. Но что представляет собой Луна как космическое тело? Она есть мертвое тело, труп, который кружит вокруг Земли и который Земля несет с собой на своем космическом пути. Луна - это застывший сгусток прошлого Земли, часть отмершего прошлого, которое сопровождает Землю.

Если бы субстанция, уплотнившаяся в Луну, не покинула Землю в лемурийскую эпоху земного развития, то замерла бы вся жизнь на Земле. Ибо жизнь Земли не смогла бы одолеть столь отвердевшую субстанцию смерти, связанную с ней. Так благодаря вмешательству и помощи духовного мира избыток мертвого был удален из Земли. Один из семи Элогимов, которые давали излучаться с Солнца в мир формирующим импульсам, покинул свой солнечный оплот, чтобы отделить от Земли Луну, окоченевший труп Земли, и действовать с нее далее в будущем. Благородному жертвенному деянию Элоги-ма Ягве обязана Земля и земное человечество возможностью дальнейшего развития. Ибо если бы Элогим Ягве, отрекаясь от солнечного бытия, не принял бы на себя креста Земли, то тогда существа Земли были бы подавлены бременем этого креста.

В настоящее время, когда не существует ни одного высокого духовного существа, которое не было бы очернено, искажено и превращено ложью в свою противоположность, одна из самых серьезных обязанностей антропософов заключается в том, чтобы снова отыскать слова благоговения и истины и снова воздвигнуть перед человечеством в его истинном облике непризнанное, искаженное, обезображенное и очерненное, но тем не менее возвышенное существо Элогима Ягве как космического Носителя креста. Ибо благодарность необходима не только нам, людям, но и духовным существам.

Духовные существа, разумеется, не нуждаются в нашей благодарности, но мы сами нуждаемся в ней ради нашего человеческого достоинства. Ибо недостойно людей быть неблагодарными и обходить молчанием ложь, клевету и искажение возвышенного духовного существа, которому мы необычайно обязаны как люди. Лунные власти, принадлежащие к сонму Ягве, могут ведь нести, подобно своим братьям, высокий солнечный знак над своим челом, но они несут серебряный знак Луны, потому что так лучше для человечества. То, что они избрали древле живой, окоченевший труп Космоса, чтобы дышать и жить там, произошло не из предпочтения к мертвому, но чтобы спасти и защитить слабое пламя человеческого на Земле.

Поэты сделали Луну неисчерпаемым источником чувствительности для человечества. Но где те поэты, которые нашли достойные слова для истинной красоты, для моральной глубины космической жертвы Луны? Почему нет сердец, которые вместо того, чтобы умягчаться и исходить грустью, чувствовали бы пламя, которым пылает Луна, пламя жертвенной любви Элогима Ягве?

Ибо жертва Элогима Ягве есть нечто гораздо более великое, нежели кажется на первый взгляд. Здесь должно соучаствовать сердце, чтобы постичь это во всей полноте. Ибо Элогим Ягве - это не только Носитель креста, мертвого в Космосе, но гораздо

больше: Он тот, кто связывает Зло в Космосе, держа в удалении от Земли "восьмую сферу".

Тут мы вступаем в область, которая относится к тайнам конкретного оккультизма. Но и той части этой области, о которой можно говорить, будет достаточно для того, чтобы гораздо, гораздо глубже постигнуть сущность Элогима Ягве.

3. Восьмая сфера

Поток космической эволюции протекает через семь состояний или "манавантар". Эти состояния описаны в "Тайноведении"

Рудольфа Штейнера и обозначены им как состояния Сатурна, Солнца, Луны, Земли, Юпитера, Венеры и Вулкана. Семь состояний эволюции обозначаются также как "сферы", которые, однако, появляются не одновременно, а во временной последовательности. Так проходит эволюция, если ее течение протекает нормально, через семь "сфер" или ступеней бытия.

Однако в космическом свершении существует возможность соращения с пути нормальной эволюции. Это обусловлено деятельностью трех иерархий Зла, оказывающих сопротивление трем иерархиям Добра. И в той мере, в какой это сопротивление оказывалось успешным, в Космосе складывалась "сфера" (или состояние бытия), которая не принадлежит к семи "сферам" нормальной эволюции. Она лежит за пределами нормального эволюционного потока. Поэтому в оккультизме она обозначается как "восьмая" сфера.

О восьмой сфере в определенных оккультных кругах существует два наполовину истинных представления, которые могут повести за собой опасные последствия, поскольку содержат некоторую долю истины.

Первое представление состоит в том, что с восьмой сферой идентифицируют Луну. Говорят, что восьмая сфера - это Луна. Как следствие этой полуистины среди широких кругов распространилось настроение, выражающееся в клевете на Ягве, что опять-таки ведет к отрицанию Ветхого Завета, без которого, однако, Новый Завет не может быть понят во всей его глубине. Мысль, что Луна - это восьмая сфера, вызывает в широких кругах чувство антипатии к Ветхому Завету, что наносит смертельный удар пониманию Евангелий.

Необходимо точно знать, что всякая мысль вызывает со временем чувства, которые определяют путь воли, ведя ее или в правильном, или в ложном направлении. В данном же случае речь идет о широко задуманном плане отвратить от христианства волю многих людей.

Другое полуистинное представление о восьмой сфере переносит ее внутрь Земли. Внутренность Земли, внутренние слои Земли считаются восьмой сферой.

Следствием этого воззрения является недооценка Луны, отрицание миссии Ягве, из-за чего возникает настроение отсутствия интереса к Ветхому Завету, что делает опять-таки невозможным более глубокое понимание Евангелий.

Идентификация Луны с восьмой сферой ведет к клевете на Ягве; идентификация внутренности Земли с восьмой сферой ведет к отрицанию Ягве; но оба эти представления имеют один общий результат: они препятствуют познанию космического значения христианства.

Оба эти воззрения, как было сказано, истинны наполовину. Они содержат ровно столько истины, чтобы выманивать чувство истины из душевных глубин человека; но они содержат также ровно столько неправды, чтобы направить это чувство истины в ложном направлении.

Ибо истина о восьмой сфере заключается в том, что восьмая сфера, находящаяся между Землей и Луной, как зависит от Луны, так и находится в связи со внутренностью Земли. Внутренность Земли - это та часть Земли, которая подпала владычеству восьмой

сферы; Луна же - это космическая крепость, которая удерживает восьмую сферу в связанном состоянии.

Определенные слои внутренности Земли представляют область владычества восьмой сферы внутри земной планеты, тогда как Луна привлекает к себе саму восьмую сферу и тем самым удаляет ее от Земли.

Чтобы понять этот процесс, необходимо представлять до известной степени свойства субстанции восьмой сферы.

Та физическая материя, которую мы знаем, является застывшей духовностью. Благодаря тому, что астральное становится эфирным, а эфирное застывает, возникает физическое вещество. Оно является ставшим неподвижным духом. Физическая материя не составлена из элементов, а распадается на элементы. Вследствие того, что эфирная субстанция, застывая, распадается, возникают "составные части" физического вещества. Тем самым, химия имеет дело лишь с явлениями распада; органический же генезис вещества остается за пределами области ее опыта.

Наряду с органической и неорганической субстанцией существует еще, однако, возможность третьей субстанции. Ибо наряду с жизнью (органической субстанцией) и смертью (неорганической субстанцией) существует возможность призрака. Субстанция-призрак ни мертва, ни жива; лучше всего сравнить ее с электромагнитной субстанцией. Призрак не живет, он также и не мертв, но он образован из электричества, наделенного ощущением и сознанием.

Основное свойство этой субстанции - в противоположность эфиру - это исходящее от нее всасывающее воздействие. Подобно тому, как все эфирное всегда обладает склонностью к излучению, так субстанция восьмой сферы обладает постоянной склонностью к всасыванию.

Эта склонность является внешним выражением сущности ариманического, ибо Ариман является той сущностью в Космосе, которая стремится всосать в себя все существа. Поэтому субстанция восьмой сферы, являющейся оплотом Аримана в Космосе, обнаруживает то же самое основное свойство *.

* Об отношении Люцифера к восьмой сфере здесь говорить невозможно. Это сложно и потребовало бы объяснений, которые далеко увели бы нас от нашей задачи.

Через это основное свойство восьмой сферы становится ясно, каким образом восьмая сфера может быть связана в определенном месте Космоса. Для этого должно быть создано тело, приведенное в соприкосновение с этой сферой, но в котором одновременно должно иметься достаточно внутренней силы сопротивления всасывающему действию восьмой сферы, чтобы не исчезнуть в ней. Стало быть, в Космосе должно существовать тело, к которому бы присасывалась восьмая сфера, но которое одновременно должно было быть проникнуто силой, способной противостоять восьмой сфере.

Этим телом в Космосе является Луна, а сила, которая с Луны оказывает сопротивление восьмой сфере, есть духовная власть Элогима Ягве.

Действуя с Луны, Элогим Ягве удерживает в своей власти восьмую сферу. Следствием этого является тот факт, что вплоть до определенного времени восьмая сфера удерживается в отдалении от Земли.

Не существует никакой непосредственной связи человечества с восьмой сферой, эта связь может быть только косвенной, на окольном пути через шестой внутренний слой Земли.

Поэтому "преисподню" для человека нужно всегда искать еще внизу, ибо ни одно человеческое существо еще не попадало в восьмую сферу. Тем, что это так, человечество обязано жертвенному деянию Ягве, который хранит человечество от восьмой сферы.

4. Ягве в земном свершении

Из предыдущего можно было увидеть, что во внеземном Космосе Элогим Ягве является борцом против Аримана. Последствия этой внеземной борьбы благотворны для

Земли и земного человечества, но борьба Ягве с Ариманом совершается за пределами земной планеты.

Однако Библия часто говорит о непосредственном вхождении Ягве в земное свершение. Он открывается благодаря элементарным силам Земли, гласит к пророкам, направляет судьбы народов. Эти факты дают повод спросить: какое участие принимает существо Элогима Ягве в земном свершении? Не косвенно через Луну, а через непосредственное участие, о котором идет речь в Библии?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно рассмотреть тот момент в развитии Земли, когда началась карма земного человечества. Это момент "грехопадения", то есть начало люци-ферического внедрения в человеческую организацию. Внедрение это выразилось в том, что астральное тело человека стало самостоятельным по отношению к духовным иерархиям. Оно было высвобождено из состояния глубокой связанности с миром иерархий, из-за чего возникла карма человечества (но еще не отдельного человека). Ибо из высвобождения астрального тела из мира иерархий возникли заблуждения, болезнь и смерть.

Так выразилось люциферическое внедрение; в духовном мире причиной этого стал процесс в мире иерархий, который, согласно традиции, можно обозначить как "падение Ангелов". Этот процесс можно постичь внутренне, если представить его себе как конфликт между исполненной мудрости любовью и страстным состраданием. Иерархия Ангелов, которая в период древней Луны была столь тесно связана с астральными телами людей, что управляла функциями Я внутри человеческой организации, в первой половине земного развития отказалась от своей власти над человеческим астральным телом, чтобы предоставить место человеческому Я.

С тех пор Ангелы инспирируют человеческое Я, не нарушая его свободы. Они суть советчики и хранители; но они не являются повелителями. Само собой разумеется, что найти факты, которые "противоречат" этой истине (как и всем предыдущим мыслям и фактам), легко. Можно, например, возразить, что бывают все-таки случаи, когда Ангел не только "говорит", но и действует. Да, бывают случаи, когда Ангел действует столь сильно, что его влияние простирается вплоть до физического тела.

Против этих фактов нечего возразить. Они как раз верны. Но что касается понимания этих фактов, то - если понимать их только как "влияние" - можно будет возразить, что Ангелы придают силу добру в человеке, но они не принуждают к добру. Они указывают на добро, и после того, как человек его свободно выбрал, укрепляют его. Признать добро за добро человек должен сам; но магия добра принадлежит Ангелу* (или иному иерархическому существу, под защитой которого может находиться данный человек).

* Это имеет силу только в настоящее время. В будущем, начиная с шестой культурной эпохи, человек сможет развивать силы белой магии также и из самого себя.

Иерархия Ангелов отказалась от такого рода связи с человеком, которая существовала на древней Луне. Этот отказ следует понимать именно как деяние исполненной мудрости любви, любовного предвидения. Ангелы отстранились от человека, чтобы предоставить человеческому Я пространство для его развития.

Часть иерархии Ангелов повела себя иначе. Были Ангелы, которых устрашили предстоящие человечеству испытания и опасности свободы. Они сокрушались о человечестве, и движимые страстным состраданием, решили вести человечество, чтобы уберечь его от предстоящих страданий. Они взбунтовались против решения высших богов и избрали путь, противоположный пути духов, служивших истинному благу человечества. В то время как Ангелы, действующие в духе истинного поступательного развития, отстранились от человека, отказавшись от власти, люциферические Ангелы еще глубже низошли в человеческую организацию, чтобы принудительно спасти людей. С тех пор каждый человек наряду со своим Ангелом-Хранителем имеет люциферического Ангела, который столь тесно связан с его астральным телом, что может быть обозначен также как "люциферический двойник".

Вследствие "падения Ангелов", то есть превращения люциферических Ангелов в люциферических двойников, произошло вышеупомянутое высвобождение человеческого астрального тела из-под водительства богов. Это выразилось в эгоизме, с природной силой овладевшем человеческим существом в конце лемурийской эпохи.

Человечество полностью подпало бы этому эгоизму, если бы иерархии Добра не приняли меры противодействия. Они заключались в том, что снизу, из человеческого эфирно-физического был сформирован поток, противодействующий эгоизму, исходящему из астрального тела человека и Я. В глубинах подсознания человеку была привита сила, которая вновь воссоздала равновесие, необходимое для развертывания свободного Я. Ибо если бы человеку не была привита стихийная сила любви, то он целиком подпал бы элементарной силе эгоизма.

"Благодаря люциферическому импульсу человек приобрел сильное побуждение к самоутверждению; благодаря импульсу Ягве он приобрел не менее сильное побуждение к утверждению другого. И именно Элогим Ягве привил способность любви земной части человека. Благодаря этому человек получил способность быть настроенным не исключительно на самого себя, но также и на других. Как противовес люциферической устремленности Я возникла в человеке импульсированная Элогимом Ягве устремленность к Ты.

Стоит подумать, сколь крайне эгоистичными были бы люди, если бы мужчина и женщина, родители и дети, сестры и братья, и родственники не имели бы любви друг к другу, если бы человек имел интерес лишь к самому себе, окруженному абстрактным "человечеством". Тем, что в древнейшие времена, задолго до События Христа, человечество было способно к жертве, оно обязано земному воздействию Элогима Ягве, который привил крови человека способность к любви.

На Земле Элогим Ягве является тем, кто преодолевает разобщенность человечества; в Космосе он преодолевает восьмую сферу. Действуя с Луны, он побеждает Аримана; на Земле он побеждает Люцифера.

Дух Ветхого Завета никогда нельзя будет понять, недооценивая исторического значения Ягве как победителя Люцифера на Земле. Ибо от священных писаний других культур, например, от индийских священных писаний, Библия отличается именно тем, что в своем стиле, форме и содержании она свободна от люциферического. Стоит сравнить, например, историю царя Давида из Книги Царей с жизнеописаниями Кришны или Будды, сохранившимися до нас в индийских преданиях. Здесь - объективное духовно-реальное сообщение без приукрашивания человечески-земного, без принижения духовно-божественного; там - сообщение, в котором человечески-земное присутствует лишь постольку, поскольку оно пригодно как средство выражения сверхчеловечески-божественного. Здесь дело сводится к описанию духовных и внешних фактов; там дело сводится как раз к изображению сверхчувственных событий, которые сверх того описываются в сильно эстетизированной и стильной форме.

Библия отличается от древних восточных религиозных памятников и по содержанию. Аскетическое отрицание мира, свойственное как восточным памятникам, так и раннецерковной христианской литературе, полностью отсутствует в Библии. Ни один пророк, ни один герой Ветхого Завета не является аскетом в восточном или христианско-церковном смысле. Умерщвлению инстинктов в Библии придается немалое значение, но это, скорее, подчинение их высшим и дальним целям.

В Библии, конечно, есть своего рода аскеза, но аскеза чисто душевно-морального рода. Она заключалась в том, чтобы подчинить свои личные склонности велению долга. Страх, гнев и внутренние удобства подлежали преодолению, чтобы совершать деяния, которых требовало осуществление миссии Израиля. Так, например, израильский народ был мирным народом. Он ненавидел войну и испытывал отвращение к крови. И несмотря на это вел беспощадные войны на уничтожение против народов, приверженных упадочным культурам. Такова аскеза в библейском смысле - преодоление собственного

ради объективной необходимости. Ибо лишь такая аскеза свободна от люциферического, от чего не свободна аскеза в обычном смысле.

Аскеза в обычном смысле, как она понималась в средневековой Европе, была в действительности подготовкой к ариманизации европейского человечества. Ибо если бы основное положение: всякий спиритуальный человек должен быть аскетом, - было действительно проведено вплоть до последнего предела, то это привело бы к тому, что воплощающиеся души находили бы прием только у родителей, неполноценных в спиритуальном отношении, то есть они должны были бы расти в таких условиях наследственности и воспитания, которые погашали бы их спиритуальность. Ариманизация рождения - неизбежное следствие люцифе-ризированой аскезы.

Истинно христианскую аскезу нужно искать поэтому в истории поколений Грааля, которые начались Иосифом Аримафейским и окончились Лознгрином, - вместо того, чтобы искать ее в монашестве и отшельничестве западной и восточной церковью. Равным образом, аскеза Библии - более высокая, чем та аскеза, которая подразумевалась в Упанишадах или Пуранах. Ибо в аскезе Библии открывается дух космического Носителя креста, Элогима Ягве, и вследствие этого она является несением креста в жизни. Подчинение своей личности кармическому предназначению (что можно делать также вполне радостно), духовному долгу является несением креста, является основным моральным импульсом Ветхого Завета.

Без понимания этого основного морального импульса Библии, которое возможно благодаря постижению космической и земной миссии Ягве, Библия остается не только загадкой, но даже камнем преткновения для современного человека, в чьем подсознании еще продолжают действовать отзвуки католически-церковного мировосприятия.

Легко можно возразить на вышесказанное: время Ветхого Завета миновало; после Мистерии Голгофы человечество свободно от кровных связей. Действующий через кровь импульс Ягве заменяется чисто духовным импульсом Христа.

Но прежде чем делать это возражение, следовало бы подумать, что импульс Ягве не противоречит импульсу Христа, но представляет часть его. Подобно тому, как белый свет может выявить семь основных цветов, так и импульс Христа может открываться в семи видах (через семь Элогимов). Импульс Ягве - именно один из семи родов откровения импульса Христа. И то, чему было оказано содействие через явление "Полноты", то есть шести других родов Откровения, на Земле во Христе Иисусе, было тем событием, что к импульсу Ягве присоединились шесть остальных.

Свобода от кровных связей заключается не в том, что кровь теряет свое значение, а в том, что она отныне становится способной не быть исключительно носителем импульса Ягве, но носителем совокупности семи Элогимов, то есть совершенного импульса Христа.

Поскольку в средние века свобода от кровных связей строилась экзотерически, эта точка зрения была люциферической; поскольку она воспринималась эзотерически, например, в течении Грааля, она была христианской. Ибо в течении Грааля речь шла не об отрыве душевной жизни от крови, а об облагораживании крови посредством привнесения в кровь не только душевного, но также и духовного. Благодаря этому кровные связи становятся точным выражением к отпечатком духовно-кармических связей.

Освобождение от кровных связей после Мистерии Голгофы заключается в первую очередь в том, что не люди уже связываются кармически через кровь, но кармические связи теперь определяют кровные узы. И подобно тому, как в дохристианское время дальний по крови брак был преступлением, так будут в будущем все яснее видеть, что кармически дальний брак означает не только моральное преступление, но также и преступление по крови.

В шестой послеатлантической культурной эпохе духовно-кармический близкий брак составит основу развития на протяжении поколений точно также, как, например, в раннеегипетское время близкий по крови брак был основой развития в течение поколений.

Таким образом, мы рассмотрели сущность Элогима Ягве как космического Носителя креста, который ведет борьбу в Космосе с восьмой сферой и с разобщением - на Земле, и вместе с тем получили ответ на вопрос об отношении Ягве ко Христу, к иерархиям Добра и Зла, к Космосу и к Земле.

Нам надлежит теперь ответить еще на один вопрос, связанный с сущностью Ягве, а именно: в чем заключается отношение Ягве к человеческому сознанию? Каким образом познавался Ягве в человеческом сознании?

5. Познание Ягве

В предыдущих рассмотрениях была предпринята попытка показать, как существо Ягве несет космический крест, на котором позже был распят Христос. Ибо прежде, чем Христос стал Духом Земли, им был Элогим Ягве. Именно он действовал в земном элементе в те времена, когда Луна являлась лишь частью Земли, и которая для блага Земли должна была быть отделена от нее на время. Поэтому в древние времена говорили о семи планетарных сферах: Сатурне, Юпитере, Марсе, Солнце, Венере, Меркурии и Луне. Земля при этом не упоминалась. Однако не следует думать, что Земля принималась за восьмую сферу. Земля как самостоятельная сфера среди остальных семи не упоминалась на том основании, что на ее место ставилась Луна.

Лунная сфера, простирающаяся от Земли до орбиты Луны, - это эфирное тело Земли. Поэтому, если хотят обозначить сверхчувственную часть Земли, то говорят не о "Земле", а о "Луне". Луну рассматривают (и правомерно) как совесть Земли. Ибо совесть Земли - это существо Элогима Ягве, воздвигнувшего лунную крепость для защиты Земли от восьмой сферы.

Для того, чтобы познать существо Ягве, нет необходимости покидать физически-эфирную часть человека, способствующую дневному сознанию, - чтобы подняться к высшему в человеке, астральному телу и Я. Его можно было бы найти, пробудившись своим Я в той части физически-эфирной организации человека, которая находится между физическим и эфирным телом. Кровь - это субстанция, представляющая пограничную область между физическим и эфирным. Ей надо немного для того, чтобы стать эфирной; с другой стороны, и самые твердые части физического тела строятся из крови.

Элогим Ягве действовал в эфирных частях крови; там могла произойти встреча человеческого сознания с ним. Теперь же кровь - это физический орган человеческого Я точно так же, как нервная система является органом астрального тела, а система желез - эфирного тела. Сознание крови есть вместе с тем сознание Я; импульс крови есть охарактеризованная в предыдущем разделе, привитая от Ягве человеку способность любви. И мы постигаем всю историю описанных в Библии отношений людей с Ягве, если понимаем ее как две проходящие через весь Ветхий Завет параллельные линии: проходящую в подсознании линию воздействия импульса Ягве на кровь и проходящую в сознании линию познания Ягве в Я.

В первой линии Ягве открывается как "мудрость крови" во второй же линии - как "мудрость Я". Например, фигуры Фамари и Руфи принадлежат именно к первой линии, линии интуиции Ягве посредством крови. Пророки принадлежат главным образом ко второй линии, линии инспирации Ягве посредством Я.

В первой линии Ягве действовал как водитель израильской народной общности; во второй линии Ягве гласил через пророков. Жизнь и познание - через эти врага человек встречал существо Ягве. Необходимо только представлять себе это двойное отношение к Ягве как можно более конкретно. Ягве фактически означал жизнь для членов израильской общины. Слова жены Иова: "Отрекись от Господа и умри", - содержат буквальную истину. Ибо отречение от Ягве означало смерть, ведь эфирная жизненная сила крови исчезла бы вследствие такого отречения. Ягве как существо второй иерархии обладал властью над жизненной силой, что именно и было высказано в словах жены Иова.

Итак, израильский народ был связан с Ягве через свою жизненную силу, однако в не меньшей мере и посредством сознания. Ибо вся духовная жизнь Израиля, вплоть до его внешней цивилизации, коренилась в откровении Ягве. Не только закон, но также и все детали устройства страны, особые задачи отдельных городов, святилища в Иерусалиме и так далее покоились на сознательных отношениях с существом Ягве. Ягве был источником всех познаний, искусств и установлений в Израиле.

Но эта укорененность в существе Ягве имела еще одну сторону. То было отношение к смерти, которое было свойственно личностям Ветхого Завета. Они противились смерти; состояние после смерти было для них чем-то, находившимся за пределами их интересов, не говоря уже об их надежде и уповании. Но заблуждаются, если принимают это отношение к смерти за материализм. Ибо в материализме утверждают материальное и отрицают духовное, чего нельзя сказать о личностях Ветхого Завета.

Они утверждали дух, который мог переживаться цельным, то есть состоящим из тела, души и духа, человеком.

Развоплощенная человеческая природа была для них несовершенной. И они полагали, что более совершенной человеческой природе должно быть дано более совершенное откровение духа. Они знали - из опыта - связь с духом на Земле. И они переживали смерть как прискорбное прекращение этой связи. Из-за духа, открывающегося в земном, ценили они земную жизнь, не ради материи. Ибо высокий Дух, которого они знали, Элогим Ягве, открывался лишь в земном бытии. Смерть означала отрешение от Элогима Ягве, с которым чувствовали себя связанными всеми жилками своего существа.

Было ли это ощущение иллюзией?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо еще раз рассмотреть космическую сущность Элогима Ягве с иной стороны.

Покинув Солнце и низойдя из солнечной сферы в сферу Луны, Ягве перестал быть дневным богом, каковыми являются остальные шесть солнечных Элогимов, и стал ночным божеством. С космической точки зрения, Ягве отказался от сферы Света, чтобы низойти в сферу Тьмы. Благодаря этому он принес свет во тьму и стал ночным божеством света.

Так обстоит дело, если рассматривать деяние Ягве космически. Если же рассматривать его с земной точки зрения, то имеет место обратное. Благодаря его отказу от действия с духовного Солнца, которое ярче всего сияет во время земной полуночи и в самое темное земное время, на Рождество, он стал в земном отношении дневным божеством, то есть той самой сущностью, которая может быть пережита в земном дневном сознании человека. Его можно было встретить, будучи в физическом и эфирном теле, то есть во время бодрственного состояния. Но земной день - это космическая ночь, и так Ягве стал ночным божеством, которое открывалось Аврааму в полуденное время.

В мире духовного света, в солнечной сфере, куда восходят души умерших после периода камалоки, Элогим Ягве не мог быть найден*, ибо он покинул эту сферу. Он пребывает в лунной сфере, которую человек субъективным образом переживает после смерти именно как "камалоку". Здесь человек занят своей собственной судьбой; у него нет тогда свободного взгляда на существо Элогима Ягве.

* В настоящее время существует возможность взаимодействия с Ягве после смерти, но использовать эту возможность может лишь великий посвященный.

Таким образом, мы видим, что ощущение смерти как отрешенности от Ягве у библейских личностей не основывалось на иллюзии. Как раз является верным то, что через смерть отрешались от Ягве. Это было трагическим в переживании смерти ведущими израильскими личностями, а не материалистическим настроением, как часто поверхностно считают.

Трагичность отрешенности от Ягве через смерть едва ли может быть ощутима глубже, чем это сделал псалмопевец. "Обратись, Ягве, и избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей. Ибо в смерти нет памятования о Тебе; во гробе кто будет славить Тебя?" (Псалом 6; 5, 6)

Этот же самый трагически тон слышится нам у пророка Исая:

"Ибо не преисподняя славит Тебя, не смерть восхваляет

Тебя, не нисшедшие в могилу уповают на истину Твою.

Живой, только живой прославит Тебя, как я ныне..." (38; 18, 19).

После смерти прекращается отношение к Ягве - только живущий может познать Ягве. Познание Ягве - это познание живущих, ибо Ягве встречаются в состоянии между рождением и смертью, но не в состоянии между смертью и рождением. Ибо Элогим Ягве есть Бог космической ночи - он светит во мраке.

Жизнь между рождением и смертью - это ночь души. Но душа обретает в этой ночи свет, который для нее означает жизнь. Этот свет во тьме есть Христов свет Элогима Ягве, свет духовного Солнца мира, отраженный молодой Луной.

Теперь мы выстроили необходимые понятия, чтобы суметь ориентироваться в Библии. Библия как книга египетского оккультизма, избранный народ как кармический поток, существо Ягве как космический Носитель креста - таковы понятия, которые должны сослужить нам большую службу в дальнейшем рассмотрении - как познание пробуждающих тонов в душе читателя. Эти мысли будут тихо звучать в глубине души, и это пробудит у многих интимное понимание того, что иначе едва ли было бы принято.

В следующем рассмотрении речь пойдет о том, чтобы уловить основной импульс Ветхого Завета при его вступлении в историю Израиля. Этот основной импульс открывают пути трех фигур Ветхого Завета: Авраама, Исаака и Иакова. Последующее рассмотрение будет посвящено этим трем фигурам как важной главе в истории египетского оккультизма.

III. АВРААМ, ИСААК И ИАКОВ

1. Переживания Троицы

Три основные силы душевной жизни человека - мышление, чувствование и воление - укоренены в Космосе так же, как и субстанция человеческого тела. Как телесная жизнь немыслима без света, воздуха и питания, которые доставляет ей окружающий человека внешний мир, так немыслима душевная жизнь без притока из надчеловеческого духовного окружающего мира сил, источники которых обозначаются как "Отец", "Сын" и "Святой Дух". Если лишить человеческое тело света, воздуха и питания, оно погибнет; если лишить человеческую душу космического мышления, чувствования и воления, она засохнет как срезанная ветвь. Ибо как нервная система нуждается в свете, ритмическая система в воздухе, а система обмена веществ - в питании, так мышление, чувствование и воление нуждаются в свете Духа, любви Сына и силе Отца.

Медитация Камня Основы, которую Рудольф Штейнер дал как духовную основу жизни Антропософского общества, является действительно средством усиления, пронизания теплом и светом основных сил человеческой души. По своему содержанию, чеканке слов и ритму она является мыслимо (единственно) пригодным средством, способным соединить душу с озаряющим ее, оживляющим и укрепляющим космическим Духом.

Треугольник Отца, Сына и Святого Духа в четырехугольнике Востока, Запада, Севера, Юга - это духовная фигура, которая может вести к важнейшим результатам духовного познания. Она может вести также к тем результатам, которые позволяют считать за истину следующее.

Человек трояким образом указывает на космическую духовность, и его душевная жизнь гармонична до тех пор, пока он правильно поддерживает связь с Троицей Духа. Если он находится в одностороннем отношении к Духу, то подвергается определенной опасности.

Если, например, человек ориентируется исключительно на Святой Дух, он может подпасть ложному духу, Люциферу. Это можно понять, приняв во внимание основной характер переживания Духа, Сына и Отца. Основной характер переживания Духа - это радость, переживание радости свободы. В традиционном христианстве это переживание обозначается как "радость о Духе Святом". Это довольно точное обозначение, ибо переживание Духа всегда сопровождается чувством радости. Это воодушевляющее переживание свободы.

Сына переживают как праобраз человека в целом. Это переживание не является радостью, но является переживанием совести. Оно постоянно призывает к деянию. Деятельная сила - вот что струится в душу из переживания Сына.

Отец же переживается не в радости и не в деятельной силе, а в глубочайшем раскаянии. Отца познают, переживая себя как ничто, будучи потрясенными так, что желают видеть себя уничтоженными на пороге сферы, в которой можно почувствовать дыхание Отца. Поэтому переживание Отца есть примирение со смертью. С фактом смерти примиряются, ибо знают, что там есть Отец. Только переживание Отца вызывает слезы потрясенного раскаяния; они всегда - знак того, что дуновение Отчего Существа достигло души.

Если стремления человека односторонни, он может, например, вместо того, чтобы стремиться к Святому Духу, стремиться к радости Святого Духа, но это стремление - люциферическое. Если ищут радость Духа вместо самого Духа, то подпадают люциферическому искушению. Это случилось, например, с духовной жизнью индийской культуры. Индийская культура была предрасположена к достижению познания Отца. Но этого не произошло, потому что древняя Индия предпочла одностороннее духовное переживание. Вследствие того, что эта культура стала люциферической, возникла необходимость в появлении древнеперсидской культуры. Так началась карма послееатлантических культур.

Следствием одностороннего переживания Сына становится душевный строй, который можно охарактеризовать следующим образом.

Мир деяний - это Земля. Заблуждения, страдания, зло господствуют не на Небе, а на Земле. Следовательно, и преодолены они должны быть на Земле посредством деяний. В духовном мире действуют иерархии, там деяния человека малозначительны; на Земле же они являются решающими. В духовном мире все упорядочено, поэтому безраздельное внимание должно уделяться физическому миру. - Отсутствие интереса к духовному миру и исключительная концентрация на чувственном мире являются следствиями односторонней ориентации на принцип Сына. Следствием этой односторонности становится подпадение ариманическому соблазну.

Одностороннее утверждение принципа Отца в наши дни еще не ведет к подпадению духовной противосиле. В наше время действует лишь псевдо-Дух и псевдо-Сын, то есть Люцифер и Ариман как Антихрист. Но в кармическом будущем люди подпадут третьей противодействующей силе, если они (фаталистически ориентированы в наши дни. Ибо фатализм это плод односторонней ориентации на принцип Отца, он выражается в полной внутренней пассивности по отношению к миру. В будущем, когда в мире начнет действовать псевдо-Отец, эта пассивность станет необычайно опасной. Ибо настанет время, когда Азур выступит как карма Аримана, подобно тому, как, со своей стороны, Ариман выступил как карма Люцифера.)

Трех опасностей духовной односторонности можно избежать лишь в том случае, если рассматривать Божество мира как триединство. Троица Вечно Благих есть единство, как единство должна рассматривать ее человеческая душа. Если она разъединяет это единство, то тогда она подпадает Троице Зла.

Но, живя во времени, человек всегда бывает до известной степени односторонним. Эта односторонность со временем, разумеется, выравнивается, но в каждый данный момент человек акцентирует всегда одну из трех сущностей

Божественной Троицы. При этом появляются также - до известной степени - те склонности души, которые, если их предоставить самим себе, могут сделаться упомянутыми заблуждениями.

Для того, чтобы понять фигуры Авраама, Исаака и Иакова, нужно иметь в виду как положительную, так и отрицательную сторону переживания Божественной Троицы. Ибо эти три фигуры, от которых исходит поток наследственности и кармы Израиля, ведущий к рождению Мессии, представляют тройственное проявление Божества в этом потоке. Тайна жизни и предназначения трех этих индивидуальностей - это тайна разделения сил Отца, Сына и Святого Духа в том творении египетского оккультизма, которое резюмировано в Евангелиях Луки и Матфея в форме перечня поколений обоих мальчиков Иисусов.

Три глубоких духовных импульса, действовавших через поколения предков обоих мальчиков Иисусов, впервые проявились в трех патриархах. Ибо существовало три духовных импульса, взаимодействие которых подготовило появление Христа на Земле, и именно через трех патриархов они выступили впервые. Эти три импульса коренятся на Небе; они - выражение троичности Бога. Поэтому было необходимо сначала рассмотреть переживание Троицы в человеческой душе со всеми его светлыми и темными сторонами для того, чтобы суметь понять фигуры Авраама, Исаака и Иакова не только биографически, как личностей, и не только исторически, но и космически.

2. Идея Отца в Аврааме. и сыновья жертва Исаака

Если мы спросим себя, почему у начала истории Израиля стоят три личности? Почему недостаточно было одного патриарха, чтобы дать основной импульс истории Израиля? Почему Библия говорит о "Боге Авраама, Исаака и Иакова"? Теперь мы в состоянии ответить на эти вопросы. Три личности стоят у начала истории Израиля потому, что если бы была только одна, то вся история Израиля неизбежно подпала бы одной из трех опасностей духовной жизни: духовному эгоизму, материализму или фатализму. Ибо Триединство - это единство, и если от него отделяют одну из его сторон, то тогда вступают на один из трех ложных путей. Для того, чтобы этого не случилось с Израилем, существовали три личности, которые влили три исходных импульса израильской истории в поток наследственности и кармы этого народа.

Три импульса должны были действовать вначале, чтобы предохранить развитие Израиля от фатализма, материализма и духовного эгоизма. Ибо оно неизбежно приняло бы фаталистическое направление, если бы, например, один Авраам передал ему исходный импульс. Покорность Авраама воле Отца, если бы он один был основой духовной жизни Израиля, вызвала бы к жизни фаталистический народ. Для того, чтобы этого не случилось, как противовес была необходима собственная, доходящая до богоборчества воля Иакова.

Но духовный строй Израиля был бы душевно абстрактным, если бы коренился лишь в Аврааме и Иакове. Он обнаружил бы двойственную жизнь закона и силы при отсутствии связующей любви. Без импульса, переданного Исааком, духовный строй Израиля был бы бессердечным. Ибо как Авраам воплощал мысль Израиля, а Иаков - его волю, так Исаак воплощал жизнь Израиля.

Свое предназначение Израиль получил через Авраама, в Исааке оно исполнилось жизнью, а благодаря Иакову - силой.

Миссия Израиля никогда не была бы в состоянии овладеть эфирным телом, если бы действовал один импульс Авраама. Она действовала бы тогда только в астральном теле - лишь благодаря импульсу Исаака низошла она в \Эфирное тело. Но она не смогла бы проникнуть в физическое тело, если бы не пришел импульс Иакова.

Лишь благодаря тому, что совместно действовали три импульса, общечеловеческая природа смогла сделаться подвластной миссии Израиля. Ибо Авраамом, Исааком и Иаковым было положено начало тройственному потоку наследственности в поколениях

Израиля: мысли Израиля в подсознании астрального тела, жертвы Израиля в подсознании эфирного тела и победы в подсознании физического тела.

Таким образом в истории отразились мысль Отца, жертва Сына и победа Духа. Ибо вся история ветхозаветного времени есть не что иное, как исполнение мысли Отца о подготовке Сыновней жертвы ради будущей победы Духа.

Таким образом, мы можем сказать также, что Ветхий Завет - это по преимуществу книга мысли Авраама, тогда как Новый Завет - это книга, исполненная жертвы Исаака, Апокалипсис же представляет книгу будущей победы Иакова. Ибо Ветхий Завет - это книга мысли Отца, Новый Завет - жертвы Сына, а Апокалипсис - книга будущей победы Духа.

Поэтому всю Библию можно понять лишь тогда, если понимаешь Ветхий Завет. Ибо Ветхий Завет снимает покров с идеи всего целого.

Этот факт освещает также те опасности, которые связаны со все сильнее развивающимся в наше время отрицанием Ветхого Завета. Более того, он вскрывает истинные основания этого отрицания, которые заключаются в намерении истребить в человеческом сознании - скрываясь под различными масками - идею Библии, то есть познание Христова импульса.

Читатель может воспринять это как предостережение-, всякое духовное течение, которое дробит Библию и объявляет одну из ее частей менее ценной, действует в духе сокрытого мирового зла, ибо вред, который причиняется человечеству этим, перевешивает все благородное и истинное, что может принести такое течение.

Ход жизни Авраама необходимо рассматривать и как откровение идеи Израиля. Не следует думать, что мысли Авраама представляют мысль Израиля; идеи Израиля воплощает судьба Авраама.

Речь идет о том, чтобы осознать одну важную истину: пророчество заключается в возвещении будущего не только через слово, но также и через судьбу. Будущее может стать явленным самой (человеческой) жизнью. Существуют не только пророчества, но также и пророческие жизненные пути, которые как таковые являются объективными пророчествами. Такие жизненные судьбы имеют, однако, не одно лишь познавательное значение, но также и значение семян будущей судьбы, которые помещены в сверхчувственный организм Земли, чтобы раскрыться в течение истории человечества.

Жизненный путь Авраама надлежит представлять себе как силовые линии в астральном организме Земли, представляющие основные направления судьбы народной общности Израиля в будущем. Они образуют астральный праобраз судьбы Израиля. Течение жизни Авраама, если воспринять его как образ, может сделать понятной общую историю Израиля.

Если взять, например, пространственную арену истории Израиля, то она охватит три области - Палестину, Египет и Месопотамию. В пределах этих трех стран разыгрывалась судьба Израиля от начала вплоть до Мистерии Голгофы. Но область, в которой разыгрывалась судьба Израиля, - та же самая, где странствовал Авраам. Месопотамия, Ханаан и Египет - это те страны, где останавливался в своих странствованиях маленький род Авраама. Границы области странствований Авраама определили границы пространственной арены истории Израиля. То, что это не было случайностью, а мерой, предопределенной из будущего, можно усмотреть из следующего места Библии (Ягве говорит Аврааму):

"Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки ..." (1 кн. Моисея 13; 15) "Встань, пройди по земле сей в долготу и ширину ее, ибо Я тебе дам ее." (1 кн. Моисея 13; 17)

Другими словами, Аврааму сообщается, что он должен странствовать, чтобы определить область, которая будет принадлежать его потомству. Тем самым его странствования приобретают значение вступления во владение ради будущего. Страна, которая должна принадлежать Израилю, должна быть увидена Авраамом. Он должен

связать ее со своим сознанием. Его астральное тело должно принять участие в астральной конфигурации этой страны - тогда эта страна делается владением. Ибо подлинное, не внешнее вступление во владение страной совершается последовательно. Сначала происходит запечатление определенного астрального содержания в астральность страны, затем - на второй ступени - нисхождение этой астральной запечатленности в эфирные силы страны с тем, чтобы, наконец, выступить и на физическом плане. Если достигнута третья ступень, появляется определенная область, где кармическая общность людей может беспрепятственно осуществить свою задачу, то есть вступить в обладание "землей обетованной".

Таким образом подготавливаются ведущими духовными существами определенные области и местности для исполнения определенных задач. Сначала на определенном месте создается астральная оболочка, которая становится эфирной, чтобы в конце концов наполниться физическими людьми. Так возникают духовные центры в истории человечества. Но при этом не следует смешивать центр и людей. Никогда нельзя забывать, что освящается место, а не люди, которые собираются там. Люди должны лишь исполнить долг в духе освященного места. Исполнят ли они этот долг, зависит от человеческой свободы.

В священном месте действует один строгий закон. Освященное место мстит людям, которые изменяют своему духу. Ибо уже спустя короткое время догматизм, вызванный к жизни в месте, избранном для духовной жизни, ведет к астральной порче, а допущенный там дух компромисса - к ударам судьбы, которые делают невозможным дальнейшие действия этих людей на этом месте. Освященное место уничтожает и изгоняет все недостойное его.

Так стояли развалины иерусалимского храма в ожидании более достойных потомков тех самых людей, которые были уведены в вавилонское пленение. Также должны были умереть лишь все те, которые оказались неверны божественному водительству, осуществлявшемуся через Моисея в пустыне, пока под водительством Иисуса (Навина) израильский народ не вступил на почву "земли обетованной". С другой же стороны, наряду с культом Ягве в палестинской области существовали лишь низшие культы, связанные с испорченной духовностью.

Одним только общим понятием "карма" многого не решить. Лишь понимая карму как ткань совместных действий многих законов во многих областях бытия можно найти доступ к действительности. И к законам действительности, объединенным в карме, принадлежит также вышеупомянутый закон освященного места.

Со времени Авраама Палестина находилась под действием этого закона. Значение странствования Авраама по палестинской области заключалось в том, чтобы освятить эту землю. Ибо уже за тысячелетия до этого она была избрана для того, чтобы стать почвой, на которую могла ступить нога Иисуса Христа.

Но запечатление зачатка будущего палестинской области совершилось не только благодаря странствованиям. Авраам выкапывал колодцы (1 кн. Моисея 26; 18), воздвигал алтари (там же 12; 7, 13; 18), насаждал деревья и проповедовал "от имени Господа, Вечного Бога" (там же 21; 33). Другими словами, во время своих странствований Авраам основывал центры познания Ягве и культа Ягве. Его странствования имели также значение распространения нового мистериального течения, а именно - течения Ягве, области его странствований.

На этом пути разрастался "род", чьим князем был Авраам. Вокруг него собрались люди разных племен и народов, которые, однако, имели одно общее - понимание нового откровения. И именно проповедь Авраама составила основу для формирования новой народности. Мистерия Ягве была магнитом, притягивавшим людей, призванных образовать зачаток нового народа.

Тем самым Авраам посредством слова соединил людей палестинской области с будущей задачей. Тем не менее проповедь не была единственным деянием Авраама,

подготавливающим будущее. Кроме того, он совершал деяния, которые коснулись также трех природных царств страны. Ибо алтари, которые он воздвигал, были предназначены для жертвы животных, тогда как деревья, которые он насаждал, и колодцы, которые он выкапывал, были деяниями, распространявшимися на растительное царство и минеральное царство (вода). Таким образом, странствуя, Авраам подготавливал свою будущую задачу четырьмя средствами: речами, жертвами, растениями и выкапыванием колодцев, которые относились к четырем царствам - человеческому, животному, растительному и минеральному царствам "земли обетованной".

Эти деяния Авраама не следует представлять как церемониальные формальности. Он исполнял мистериальные действия. Смысл таких действий понятен, если поразмыслить, что духовный мир действует в физическом мире посредством кармы. Силы духовного мира могут действовать на физическом плане лишь в том случае, когда человеческая воля создала доступ для них. Человеческие деяния, совершаемые с полным сознанием, - это врата для действия богов на Земле. Так, например, копание "колодца в том месте, где переживалась духовная инспирация, было мистериальным действием, которое делало возможным проявление этой инспиративной силы на этом месте в будущем. Не следует думать, что разговор Иисуса Христа с самаритянкой случайно произошел возле колодца, вырытого Иаковом. Женщина, которая черпала воду из этого колодца, смогла душевно услышать Христа, поскольку разговор произошел у колодца, который был вырыт в далеком прошлом из мистериальных побуждений.

Не стоит также недооценивать насаждение деревьев, если представить себе, почему Павел мог действовать лишь в той области, где росло оливковое дерево, - объяснение, которое дал Рудольф Штейнер в цикле "Христос и духовный мир" (кат. 149).

Если рассмотреть теперь течение жизни Авраама, можно увидеть четыре события, имевшие первостепенное значение в его жизни. Встреча с Мельхиседеком, встреча в дубраве Мам-ре, рождение Исаака и жертвоприношение Исаака - важнейшие события в жизни Авраама, которые имеют не только личное значение, но и объективно определяют будущее.

Необходимое о встрече с Мельхиседеком и о таинственной сущности, которая подразумевается в Библии под этим именем, Рудольф Штейнер сообщил в цикле о Евангелии от Матфея. Но эту встречу можно было бы рассмотреть еще с одной точки зрения, а именно с точки зрения начала пророческой традиции Израиля, которая началась с Авраама и закончилась Малахией. Ибо эта традиция началась в то мгновение, когда Мельхиседек благословил Авраама. Он перенес на него ту самую способность, которая позднее, на протяжении всей истории Израиля, передавалась через благословение или помазание. Так Исаак благословил Иакова, Моисей благословил Иисуса, Самуил помазал Давида и благословил Натана и т.д. Встреча Авраама с Мельхиседеком - это вместе с тем пробраз духовной традиции израильского пророчествования.

"Служение Мельхиседека" было долгом, который каждый пророк должен был исполнить в отношении своего преемника.

Начиная со встречи с Мельхиседеком, началось историческое исполнение этого служения, то есть история Израиля в подлинном смысле этого слова. Ибо история Израиля - это путь, который вел от пророческой вечери Мельхиседека к действительной вечере Иисуса Христа. В начале истории Израиля высокий посвященный дал хлеб и вино; в конце его истории сама Сущность Солнца дала хлеб и вино. От вечери Мудрости к вечере Любви - в этом заключается история Израиля.

В чем заключается дар пророчества, который был передан описанным образом?

В сношении с духовным миром познание отличается от откровения так же, как собственный опыт отличается от описания физического мира, сделанного другим. Как в физическом мире, например, можно или самому путешествовать, или слушать рассказы других людей, так и в духовном мире можно либо самому исследовать, либо воспринимать откровения духовных сущностей. В первом случае руководящими являются

собственные усилия человека; во втором случае - милость духовных существ. При собственном познании исследует человек, при откровении гласит духовный мир.

Дар пророчества заключается именно в способности к восприятию откровений. Пророки, в точном смысле этого слова, не предпринимали исследований в духовном мире, а говорили от имени духовного мира. От этого, например, всеобщий закон перевоплощения был неизвестен в школе пророков. Он не был им открыт. Было известно лишь, что пророки рождаются снова, но что это факт, имеющий значение для всех людей, было неизвестно.

Однако не все личности Ветхого Завета, считающиеся пророками, были пророками в чистом виде. Так, например, Даниил не был пророком в обычном смысле этого слова. Он был посвященным, который собственными усилиями исследовал духовный мир. Он читал в духовном мире, причем он исходил из своих собственных вопросов. Поэтому существа духовного мира называли его также "мужем воли". Царь Давид также не был пророком, но человеком, который был обязан своими сверхчувственными опытами собственным усилиям. Равным образом и Иосиф, сын Иакова, который от рождения был наделен кармической способностью "толкования снов", то есть чтения писем духовного мира.

Те же, кто получил "благословение", становились пророками. Это "благословение" не следует представлять себе как выражение одного лишь благорасположения, но как действие, которое приводило в движение определенный орган эфирного тела - цветок лотоса. Тогда через этот орган мог говорить духовный мир. Так, через благословение Мельхиседека был приведен в действие определенный орган в эфирном теле Авраама (этот орган имеет также физическое выражение). Через это Авраам стал первым пророком Израиля и основателем традиции пророков.

Но на основании вышеприведенных фактов не следовало бы делать вывод, что пророки имели меньшее значение, чем духовные исследователи. В действительности это не так. Ибо откровение, которое передавалось человечеству через пророков, обладало во многих случаях большим значением для человечества, чем результаты исследования отдельных посвященных.

Более того, посвященные отказывались иногда от собственного исследования для того, чтобы суметь передать человечеству более высокие откровения. Они отрекались от собственного знания для того, чтобы через них мог гласить духовный мир.

Такому отказу человечество обязано откровениями, которые были даны ему через Исайю. В случае с Исайей мы имеем дело с высочайшим посвященным древних мистерий, который явился в Израиле в качестве пророка. Рудольф Штейнер сообщил важный факт о том, что некоторое число посвященных мистерий появилось в Израиле в качестве пророков. К таким посвященным принадлежал также и Исайя.

С другой стороны, нельзя также делать вывод, что собственное знание и откровение взаимно исключают друг друга в пределах одной жизни. В действительности в пределах одной жизни существовали периоды откровения и познания. Но могли происходить еще более сложные взаимодействия обеих установок в отношении духовного мира. Но обсуждение этих более сложных случаев далеко увело бы нас от нашей непосредственной задачи; истинно же в общем то, что пророки в вышеохарактеризованном смысле были посредниками откровения.

Итак, с момента встречи Авраама с Мельхиседеком началась линия откровения в судьбе Израиля. Это была самостоятельная линия в сношении с духовным миром, которая глубоко отличалась от линии древних мистерий. Ибо в мистериях Египта, например, речь шла о высвобождении человека из физического тела во время трехдневного храмового сна; в Израиле же речь шла о нисхождении духовных существ вплоть до физического тела.

В мистериях астральное тело запечатлевалось эфирному телу, выделившемуся из физического тела, свои сверхчувственные впечатления во время храмового сна; в

израильском же духовном течении, напротив, посредством эфирного тела впечатления передавались Я, пребывающему в физическом теле.

Таким образом, традиция Израиля началась, когда Мельхиседек, несший в себе эфирное тело Сима, дал Аврааму хлеб и вино и благословил его, то есть влил сильный импульс в эфирное тело Авраама. И Моисей принял эфирное тело великого Заратустры, чтобы дать влиться в израильскую духовную жизнь новому могучему откровению.

Познание, которое сделалось возможным благодаря астральному телу, обозначается как "воздух" или "дух", а мистериальное посвящение - как "возрождение из духа или воздуха".

Познание, которое стало возможным в Израиле благодаря эфирному телу, обозначалось как "познание воды", а новое сознание, которое пробуждалось благодаря этому, как "рождение из воды".

Линия древнего мистериального посвящения, которое происходило в ночном мраке храма, завершилась воскрешением Лазаря, совершенном Христом при ясном свете дня. Тогда Христос выступил как высочайший посвященный течения познания воздуха. Равным образом Христос был Тем, Кто завершал линию познания воды, поскольку Он посвятил глубокой ночью освободившегося от физического тела Никодима. Тогда прозвучали слова о необходимости объединения обоих течений: человек должен снова родиться из воды и воздуха. И подобно тому, как Христос вывел мистериальное посвящение из ночной тьмы на дневной свет, так направил он израильское посвящение из дневного света в область ночного сознания.

Авраам и Никодим - это имена, которые очерчивают линию израильского посвящения. При этом Никодим является одновременно посвященным нового ночного посвящения, которым сделалось древнее дневное посвящение, подобно тому, как Лазарь-Иоанн был посвященным нового дневного посвящения, которым сделалось древнее ночное посвящение.

Метод, который был обозначен как "служение Мельхиседека", нашел свое завершение в сверхчувственной беседе Христа с Никодимом, и тем достиг своей цели - он привел ко Христу. Но то, что обозначено абстрактным выражением "метод" означает в действительности судьбу, судьбу Израиля, которая возвела Авраама в его достоинство.

Если линия откровения Израиля вела ко Христу, то содержанием ее также было обетование рождения сына. И именно обетование сына в старости пережил Авраам во время второго великого события его жизни, во время встречи в дубраве Мамре. О значении этой встречи говорилось уже в первом рассмотрении в связи с фактом постоянного взаимодействия трех посвященных. Здесь речь идет лишь о том, чтобы подчеркнуть, что Авраам и Сара получили обетование рождения сына.

Трудно говорить об этих вещах в резко очерченных понятиях. Но автор стремится все же говорить только так, ибо таково веление времени. Однако существуют вещи, где это настолько трудно, что рискуешь говорить расплывчато. Но это не расплывчатость мысли, а несовершенство инструмента, который выражает ее. В данном случае дело заключается в том, чтобы как можно яснее высказать ту истину, что обещанный сын Авраама одновременно означал обетование рождения вечного Сына. Для Авраама - и объективно также для всего человечества - сын означал не только событие его личной жизни, но откровение через действительное событие. Рождение Исаака само по себе было откровением, которое пробудило в душе Авраама понимание тайны отношения вечного Отца к вечному Сыну.

Как это было возможно?

Нисхождение души к земному рождению совершается по ступеням. Обычное профаническое сознание имеет дело лишь с последней ступенью этого нисхождения. Оно поставлено лишь перед фактом рождения на физическом плане - низшей ступенью в цикле процесса рождения. Ибо прежде, чем душа достигает мира явлений, она нисходит через миры имажинации, инспирации и интуиции. В прошлом это нисхождение не всегда

оставалось сокрытым от сознания родителей; в будущем оно также не будет оставаться таковым. В прошлом люди были в состоянии переживать сознательно процесс рождения, прежде чем он достигал физического мира. Нисходящее существо познавали еще в сверхчувственном мире. Поэтому люди были в состоянии также давать настоящие имена новым земным людям. Имя выражало познание, которое открывалось в сверхчувственном мире через нисходящее существо.

В будущем - и именно на европейском Востоке - снова проявится эта способность. Евгенический оккультизм распространится в такой форме, что будет все больше людей, которые будут воспринимать в процессе рождения не только его нижние, но также и его сверхчувственные ступени. Будут не только знать, что родится человек, но также и для чего он родится. Смогут слышать миссию, внутреннее слово нисходящей души. И снова станут искать имя, которое отвечает этому слову. Это будет познанием кармы.

Но карма - это нечто двойное. С одной стороны, это искупление более ранней вины. Такова земная карма, начавшаяся с грехопадения. Но есть еще небесная карма, которая представляет праидею всякой человеческой души. Ибо всякая душа - это идея Отца, которая вечной звездой светит через все инкарнации. И смысл существования, земной кармы заключается именно в том, чтобы временная, земная карма согласовалась в будущем с вечной небесной кармой.

Если рождение души на Земле ожидается с полным сознанием, она может открыть себя посредством интуиции и инспирации, прежде чем она откроется как характер, темперамент и телесный облик. Так посредством Я Исаака Авраам познал идею жертвы Сына. В рождении Исаака Авраам познал Мистерию Рождения вечного Сына на Земле и Его жертвы. Тайну Сыновней жертвы открыла ему звезда Исаака. И это откровение стало сущностным ядром всей истории Израиля.

Часто проводится аналогия между смертью и посвящением. Легко заметить, что сферы, которые человек проходит после смерти, - те же самые, в которые человек вступает посредством инициации. Но редко когда осознается, что и рождение может быть посвятельным процессом. И тем не менее это так: подобно тому, как ступени подъема человеческого пути познания отвечают ступеням подъема после смерти, так ступени нисхождения откровения духовного мира отвечают ступеням нисхождения к рождению.

Поскольку в пророческой традиции речь идет именно об откровении, его переживают в рождении, а не в смерти. Смерть не имела большого значения для израильской духовной жизни; лишь сквозь врата рождения сиял свет духовного мира. Поэтому тщетно искать в Библии ту мудрость, которая светит через врата смерти; ни в каком другом древнем памятнике человечества не найти столь чисто сияющего откровения духовного мира через врата рождения, как в Библии.

Так и Аврааму открылась тайна Сына через рождение Исаака. Рождение было для него посвятельным процессом, имевшим решающее значение для всей истории Израиля.

Но еще большее пророческое значение имело для будущего то событие в жизни Авраама, когда он был готов принести своего сына в жертву на алтаре. Это событие представляет собой пророческое обобщение идеи Израиля. Оно является выражением имажинации этой идеи во внешней истории народа. Поколения взирали после того на образ отца, жертвующего своим сыном, и подготавливали через это свои души к постижению Мистерии Голгофы.

Но для того, чтобы понять это событие (и не только в его пророческом значении, но и как человеческое деяние), необходимо еще раз рассмотреть Божественную Троицу, а именно в ее отношении к человеческой свободе.

Троица для конкретного оккультизма - это не "понятие" или "принцип", а взаимодействие трех космических сфер. Вверху действует сфера Отца, где совершается зачатие праидеи; посередине действует сфера Сына, где в нисходящие из сферы Отца идеи вдыхается жизнь, это - сфера изначальной жизни. Ниже сферы Сына действует сфера

Духа, где нисходящие из сферы Сына наделенные жизнью идеи Отца принимают облик, то есть становятся прообразами.

Таким образом, можно говорить о сферах праидей, изначальной жизни и праобразов.

Однако процесс познания человека противоположен божественному творческому процессу. Сила мысли делает познаваемой для человека сферу Духа, тогда как чувство может восходить до сферы Сына, и лишь воля в состоянии проникнуть вплоть до сферы Отца через интуицию. Конкретному созерцанию сфера Духа предстает как отливающая и светящаяся всеми цветами радуги окружность; ведь радуга - это низошедшая вплоть до чувственного восприятия имажинация |сферы Духа. Сфера же Сына представляется как бело-голубое облачное образование. Ибо эта сфера не содержит никакой формы. Это звучащая облачность.

Древние индусы достигали в своем познании сферы Сына, т.е. сферы отсутствия форм, сферы смерти форм; но они не могли подняться до сферы Отца, то есть сферы Воскресения.

Это стало возможно лишь в христианстве - после того, как Христос через смерть вошел к Отцу, чтобы там, "где Он, были также и люди.

Человеческое сознание находится в различном отношении к этим трем сферам. Так, например, в третьей послеатлантической эпохе свобода была возможна только в сфере Духа. И лишь в мысли мог быть свободен человек. Сферы Сына и тца были, напротив, закрыты для человеческой свободы, лишь в новозаветное время, то есть после Мистерии Голгофы, человеческой свободе открылась также и сфера Сына благодаря тому, что Христос стал Владыкой кармы. В будущем это произойдет также и со сферой Отца. Но в ветхозаветное время для человеческой свободы имела значение лишь сфера Духа.

Но Авраам был личностью, которая восходила вплоть до интуитивного познания сферы Отца. Это произошло в важный момент, когда он отправился вместе с Исааком на вершину холма, чтобы там принести в жертву сына. Авраам находился в том состоянии сознания, когда интуиция воли владела всем его существом. В тот момент, когда он вознес руку, чтобы принести Исаака в жертву, он действовал, исходя в своем сознании из сферы Отца; это не он вознес руку, а вечная изначальная основа мира - Отец. Ибо в сфере Отца не было свободы, не было выбора.

И как Авраам в качестве вечного Отца возносил руку для жертвы, так Исаак был в это мгновение вечным Сыном. Ибо он не противился тому, чтобы быть принесенным в жертву. Он был исполнен инспирации Сына. Его сознание находилось в сфере Сына, где в то время равным образом еще не было свободы.

Таким образом, можно сказать: жертвоприношение Исаака Авраамом было не только пророчески символическим, но в действительности мысль Отца присутствовала в воле Авраама, и жертва Сына, который навеки отдавал жизнь, была в чувстве Исаака. Вместе с тем, Отец и Сын действительно присутствовали в это мгновение на физическом плане - как действительное пророчество о жертвенной Смерти и Воскресении. Ибо процесс, происходивший в воле и чувстве при жертвоприношении Исаака, указывает не только на грядущую жертвенную Смерть, но также и на Воскресение. Благодаря тому, что жертва не была принята, Авраам внутренне пережил воскресение своего сына. Ибо в своей воле Авраам уже принес Исаака в жертву; то, что вопреки этому тот был оставлен ему живым, он пережил как чудо воскресения.

Жертвоприношение Исаака - центральное событие в жизни Авраама. В нем чувственно наглядно проявилась идея Отца у Авраама и Сыновняя жертва Исаака. Тем самым исполнилась и пророческая миссия Авраама.

Если мы рассмотрим теперь жизненный путь Исаака, то обнаружим, что Исаак стремился главным образом к одному. к возобновлению дела отца там, где оно было предано разрушению. Так странствовал Исаак и снова открывал колодцы, которые выкопал Авраам, но которые были засыпаны. Засыпанные колодцы отца он заново наполнил водой - вот образ, дающий нам возможность глубже понять сущность Исаака.

Поэтому мы можем также сказать: подобно тому, как Божественный Сын вдыхает жизнь в мысли Божественного Отца, так Исаак оживил колодцы отца своего Авраама.

"И вновь выкопал Исаак колодези воды, которые выкопаны были во дни Авраама, отца его, и которые завалили Филистимляне по смерти Авраама; и назвал их теми же именами, которыми назвал их отец его." (1 кн. Моисея 26; 18)

Эти "колодцы живой воды" - наиболее ясный и глубокий образ дела жизни Исаака. Ибо жизненная задача Исаака состояла в том, чтобы оживить то, что познал Авраам. Он был призван воспринять в жизненное тело импульс, который Авраам нес в астральном теле. Так как жизненное тело - это носитель памяти, Исаак создал живую традицию - "живую воду", которую пили поколения. Исаак снова назвал раскопанные колодцы своего отца старыми именами - он сохранил прошлое. Но это не было его единственной задачей. Он отыскал в настоящем источники живой воды. Ибо таков был смысл истинной традиции: не только снова раскапывать засыпанное, но копать также в настоящем, чтобы найти "источники живой воды".

Ведь израильская духовная жизнь заключалась не только в том, чтобы записать откровение, данное через Авраама, и затем передавать его от поколения к поколению, но она состояла также в том, чтобы появилось много пророков, которые бы - каждый в свое время - находили "источники живой воды" инспирации. Ибо истина находится в текучем состоянии; источник должен постоянно изливать новую воду, иначе вода станет застойной и не будет более живой, как это произошло в случае с книжниками и фарисеями. Книжники и фарисеи были как раз теми людьми, которые подменили текучую живую истину мертвой традицией. Они были кармически призваны к тому, чтобы заморозить поток истины во времени и ограничить пространство моральной фантазии внешней добропорядочностью, и чтобы тем самым воздвигнуть в израильской духовной жизни крест, на котором должен быть распят Христос.

Ибо деревянный крест Голгофы был лишь внешним выражением. того духовного факта, что Израиль уже давно приготовил крест для Мессии - в виде окоченевшего познания и окоченевшей морали.

Если сравнивать жизненные пути Авраама и Исаака, то можно установить одну черту, присущую им обоим, а именно: и Авраам, и Исаак были в исключительной степени послушны духовному миру. Они не были вестниками свободы, они несли в мир послушание. Чтобы лучше понять это, следует - в духе предыдущего изложения - принять во внимание, что они были представителями Отца и Сына. Будучи представителями

Отца и Сына, они не могли быть свободными во время третьей послеплатонической культурной эпохи. Но иначе обстояло дело у Иакова. В противоположность Аврааму и Исааку Иаков внес импульс свободы в историю Израиля. Ибо он представлял Дух, в котором заключалась свобода.

Конкретное отношение Авраама к духовному миру было противоположным отношению Иакова. Воля Авраама была импульсирована из сферы Отца, и из нее поток откровения вступил в его мышление. Из воли в мышление - таков был путь откровения у Авраама.

У Иакова же, наоборот, мышление нисходило вплоть до воли. Поскольку же в мышлении (по причинам, о которых речь впереди) была возможна свобода, то и пробужденная этим мышлением воля Иакова была свободна.

Путь Авраама вел от Духа к Отцу. Свое призвание Авраам исполнил в то мгновение, когда он совершенно предался Отцу. Это мгновение было высшей ступенью его жизненного пути.

Путь Иакова, напротив, вел от Отца к Духу. Высшим мгновением его жизненного пути было достижение высшей степени свободы, когда он победоносно дал иное направление судьбе после ночи духовной борьбы с посланником Божиим. Свобода в Духе - таков был вклад Иакова в историю Израиля.

Иаков в сильнейшей мере воспринял в себя люциферический импульс. Воспринял и преобразил его, а не поддался ему. Ибо духовная борьба Иакова с посланником Божиим была прежде всего восстанием, мятежом, но чем кончилась эта борьба? "Я не оставлю Тебя, пока Ты не благословишь меня" - этими словами положена заключительная стадия борьбы.

И посланник Божий благословил Иакова, то есть он признал факт преображения люциферического в Иакове. Ибо борьба божественных иерархий против люциферического состоит не в одолении его путем силы, а в том, чтобы внутренне преобразить его.

Сущности божественных иерархий совершают жертвенные деяния, которые вызывают у Люцифера восхищение и любовь. Люциферическое "одолевается" примером жертвенных деяний; оно внутренне преобразуется любовью, которую они внушают ему. "Я не оставлю Тебя, пока Ты не благословишь меня", - это слова преображенного люциферического. Любовь к Духу, которая не хочет отстать, пока Дух не воспримет ее, составляет существо преображенного люциферического. Иаков был тем, кто последовал Духу не из внутренней или внешней необходимости, а исходя из свободы после решившей судьбу ночи духовной борьбы у переправы через Иордан. С тех пор он следовал Духу исходя из любви. Поэтому он был назван Израилем, а его имя стало именем, то есть определением, народа, в котором должен был родиться Иисус.

Ибо свободная любовь к Духу была целью истории этого : народа, будущим плодом древа закона. Эта свободная любовь к Духу делала души восприимчивыми к факту присутствия Христа на Земле. Именно свобода Израиля-Иакова побуждала рыбаков на Генисаретском озере оставлять свои сети и лодки, чтобы следовать за Тем, Кого они познали не по Писанию и пророчеству пророков, а по любящему сердцу. Ибо они не спрашивали, откуда Он и Сын какой матери и отца Он, из любви избрали они Его пути, ибо эти рыбаки на Генисаретском озере были детьми Израиля.

В Израиле-Иакове жило соединение мысли Отца в Аврааме и Сыновней жертвы Исаака как свобода в Духе; в нем смысл и жизнь Израиля приобрели силу, которую может дать только свобода. Ибо это не способность к усилиям, которая означает истинную силу в духовном мире, а воля, действующая из свободы.

Не следует, однако, думать, что эта характеристика Иакова противоречит тому, что можно найти в начале второй главы этого исследования. Скорее следует обдумать, что Иаков был сыном Исаака, то есть его свобода была дочерью послушания божественной любви, которая низошла свыше на Исаака. И лишь как сын Исаака Иаков смог возжечь в Духе ту личную любовь, о которой шла речь. Если бы Исаак и Авраам не предшествовали Иакову, то свобода Иакова была бы всего лишь мятежом. Будь Иаков сыном Авраама, а не сыном Исаака, он сделался бы фанатиком закона. Лишь будучи третьим, Иаков смог стать тем, кем он был. Мысль Авраама и любовь Исаака стали в нем достоянием свободной личности. Будучи первым, Иаков был бы воплощением необузданного произвола; будучи вторым, он был бы фанатиком закона; будучи третьим, он стал носителем духовной силы, то есть свободы в Духе.

Итак, Израиль-Иаков стоит у начала истории Израиля как фигура, которая не без основания дала свое имя народу, чья судьба составляет содержание Ветхого Завета. Поэтому последующее рассмотрение должно быть посвящено Израилю-Иакову.

IV. ДУХОВНАЯ ПОБЕДА ИАКОВА

1. Возникновение лжи в человеке и в Космосе

При рассмотрении жизненного пути Иакова бросается в глаза его основная черта - уже при своем первом вдохе Иаков был включен в борьбу. Он должен был бороться при своем рождении за право первородства против Исава; он должен был бороться за свое

внутреннее право первородства против внешнего права своего брата; он должен был бороться за любимую Рахиль; он должен был вынести двадцать лет тяжелого труда у Лавана, чтобы быть вправе вернуться на родину, у врат которой ему пришлось выдержать высочайшую борьбу - борьбу с Посланником Божиим. По праву можно сказать, что Иакову пришлось завоевывать свою подлинную судьбу: ничего не получал он в качестве дара, всего приходилось ему достигать путем преодоления препятствий. Истинная судьба Иакова была как бы окружена поясом неистинных положений и фактов; чтобы достичь истинного, ему надлежало всякий раз прокладывать себе путь сквозь пласт неистинного.

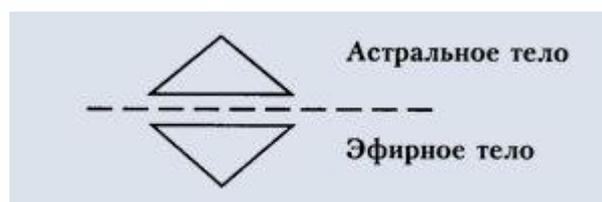
Так было с его положением в родительском доме, где он был истинно перворожденным сыном в смысле права на "благословение" как духовное наследие своего отца; однако внешние условия противоречили этому духовному факту. Подобным же образом ему пришлось сначала натолкнуться на неистинное, когда он сватался к Рахили: обманом к нему в палатку была введена Лия. Ему пришлось долго ждать, пока его истинная супруга не родила ему сыновей, с которыми он чувствовал себя внутренне связанным. Иосиф и Вениамин были его последними сыновьями и единственными, которых он любил. Но и здесь между ним и его любимыми сыновьями воздвигается стена неправды. Иосиф был продан в Египет, но отец прожил много лет в убеждении, что его растерзал дикий зверь. В конце концов ему пришлось также пожертвовать Вениамином, ибо он думал в неистине, что тот будет платой за спасение всего рода, которую назначил неведомый египтянин.

Факты эти отчетливо показывают, что путь судьбы Иакова в целом представляет собою столкновение с ложью. Все врата на истинном пути его предназначения были преграждены ложью; всякий факт его жизни, отвечавший его предназначению, был прикрыт слоем неправды. Познание хода судьбы Иакова принадлежит к самым потрясающим пере-живаниям, какие можно получить от библейских событий. Ибо в этом пути судьбы открываются могучие взаимосвязи не только человеческого, но также и космического кармического трагизма.

Приведенные факты из жизни Иакова ведут, естественно, к вопросу: почему судьба Иакова была такова? Чем кармически обоснована эта судьба?

В предыдущем рассмотрении было указано на люциферический характер душевной жизни Иакова. Иаков был в высокой степени личностью, а сильное сознание личности во времена до Мистерии Голгофы было возможно лишь у таких душ, которые несли в себе сильный люциферический уклон. Этот уклон заключается в том, что астральное тело становится самостоятельным по отношению к окружающему его духовному миру. Это происходит вследствие того, что подобное астральное тело изливает из себя сильные чувства симпатии и антипатии, окружающие астральное тело своего рода угаром, как бы облачным слоем. Вокруг астрального тела образуется облачный пояс. Этот пояс отделяет астральное тело от окружающего его духовного мира и является причиной того, что оно становится самостоятельным по отношению к нему.

Но только эти симпатии и антипатии возникают не из совместной жизни с Ангелом, а из совместной жизни с люциферическим Ангелом. Последний же инспирирует людей таким образом, что дает вливаться своей инспирации не через врата человеческого Я, а непосредственно в астральное тело, то есть он действует глубже вниз, нежели нормальный Ангел. Из-за этого поток его инспираций - без переключения у границы обоих членов существа человека - нистекает прямо в эфирное тело, где он становится своей противоположностью. Ибо в отношении отдельных членов существа человека господствует закон отражения. Если, например, в астральном теле живет в сознании треугольник, обращенный вершиной вверх, то (в случае, если он не переносится правильно вниз благодаря вмешательству Я) он отражается в эфирном теле как треугольник, обращенный вниз.

Так люциферический Ангел оказывается причиной лжи. Он делает астральное тело самостоятельным по отношению к окружающему духовному миру, чтобы иметь его целиком под своим влиянием. Тогда он инспирирует его, причем при нисхождении в эфирное тело эта инспирация вызывает неистинное. Вследствие этого процесса эфирное тело оказывается окруженным поясом ложных имагинаций. Вокруг него образуется сфера, представляющая отражение того, что люциферический Ангел влил в астральное тело.

Люциферический Ангел не инспирирует неправды; его инспирация обладает полной значимостью в астральном мире. Но то, каким способом он это делает, вызывает неправду в эфирном теле. Эта неправда уплотняется в форму пояса, окружающего эфирное тело. Он - непроницаем для света; он отбрасывает тени внутрь эфирного тела. Так происходит помрачение определенной части эфирного тела. А этот мрак является как раз тем пространством, куда может вступить Ариман. Ариманический двойник гнездится в тех самых частях эфирного тела, которые помрачены люциферическим Ангелом. Так Ариман выступает как карма Люцифера.

Ариманический двойник - это существо, наделенное часто утонченной интеллектуальностью, впившееся в помраченное Астральное тело и Эфирное тело, часть эфирного тела. Оттуда он помрачающе действует на сознание человека. Однако исходящий от ариманического двойника мрак не является одним лишь отсутствием света. Он является скорее против-светом или также против-разумом по сравнению с разумом иерархий, к которому принадлежит также и чисто человеческий разум как разум четвертой иерархии. Если люциферический Ангел заслоняет свет иерархий, то ариманический двойник распространяет активную тьму, которая погашает сознание духовного в объективной действительности и распространяет в окружающем физическом объективном мире ложь. В результате субъективная неправда, вызванная люциферическим Ангелом, становится объективной ложью благодаря ариманическому двойнику.

Таков процесс возникновения лжи в человеческой судьбе. В Космосе совершается подобный же процесс. Прежде всего следует представить себе мир иерархий как текущий из Божества свет. И тут внутри этого светового мира Люцифер становится в оппозицию к богам относительно того, каким образом человечество должно быть ведомо богами. Он хочет вести человечество иным образом, нежели это делают боги (см. 2-е рассмотрение). Через это Люцифер становится препятствием для света богов. Из духовного мира он отбрасывает вниз тень. Эта тень доставляет Ариману космическую точку нападения для того, чтобы войти в эволюцию. Ибо без тени, падающей от Люцифера, Ариман вообще не имел бы возможности вмешаться в эволюцию - он постоянно был бы подавлен и ослеплен светом иерархий. Он не смог бы действовать, ибо тогда для него не было бы поля деятельности, и он не смог бы наблюдать, ибо свет иерархий непроницаем для взгляда Аримана. Но поскольку Люцифер создает свободное от света пространство, возникает почва, где может развернуться Ариман.

Каким образом можно представить себе "тень", вызываемую в Космосе Люцифером?

Солнце светит не только в полдень, но также и в полночь. Его дневной свет ощутим физически; его ночной свет - духовен. Люцифер был тем, кто перенес духовное сияние Солнца глубже вниз. Так часть духовного света Солнца стала физической. Но этот физический свет Солнца в духовном мире есть тень, падающая от Солнца. Зримый свет Солнца - это люциферическая тень в Космосе.

Но тот факт, что Люцифер перенес свое действие глубже вниз, имел важные последствия для эфирного организма Земли. А именно, вследствие упомянутого выше закона отражения образовалась эфирная сфера, пояс вокруг Земли, где неистинные отражения истины духовного мира окружают эфирное тело Земли. Люциферическая сфера окружает Землю (см. лекцию Рудольфа Штейнера от 7 октября 1923 г. о Пасхальной

имагинации, кат. 223/229), и это она отбрасывает в земное бытие тень от света духовного Солнца.

Как было уже сказано, отбрасываемая Люцифером тень помогает Ариману вмешаться и в космическое, и в земное свершение. Земля - живое существо, она имеет ариманического двойника, подобно тому как может иметь его отдельный человек. Восьмая сфера, удерживаемая Ягве на расстоянии от Земли, есть ариманический двойник Земли*. В тени Люцифера как ариманический двойник Земли возникает в Космосе восьмая сфера.

* В примечании ко второму рассмотрению было указано основание того, почему там неуместно было говорить об отношении Люцифера к восьмой сфере. Здесь это отношение становится понятным.

Относительно субстанции и основных свойств восьмой сферы речь шла во 2-ом рассмотрении в связи с миссией Элогима Ягве. Но каким образом следует представлять себе люциферическую сферу?

2. Люциферическая сфера

Постичь какую-либо сферу в Космосе - это значит быть в состоянии ответить на вопрос: какие морально-духовные интенции лежат в ее основе? Ибо внешнее описание духовной действительности не имеет ценности, если оно не является образом определенной истины. Конкретные факты имеют значение лишь постольку, поскольку они способствуют постижению истины; инициация означает не умножение количества непостижимых фактов, а уразумение открывающейся в ней тайны. Не голое созерцание панорамы фактов, а проникающее познание составляет цель инициации. Ибо путь инициации - это путь, ведущий к соединению с космическим разумом, то есть к постижению намерений духовных иерархий. Конечно, эти намерения могут стать понятными на основе симптоматических фактов чувственной природы, но факты при этом сами являются симптоматическим средством выражения определенных морально-духовных истин.

Стоит сравнить, например, описание сверхчувственных миров, которое дает в своих книгах ("Астральный план", "Ментальный план" и т.д.) Ч.Ледбитер, с изображением этих миров Рудольфом Штейнером. Если Ледбитер описывает сверхчувственные миры таким образом, что читатель без усилия со стороны своего разума обогащает свою память некоторым числом фактов, то Рудольф Штейнер изображает сверхчувственные миры так, что читатель может познать морально-духовный смысл этих миров, то есть он чувствует себя обогащенным в своей разумности. Познание великих тайн бытия составляет основу розенкрейцерского принципа посвящения (розенкрейцерского - в принципиальном, а не в традиционном смысле). Принцип этот тем самым, разумеется, еще не исчерпан, ибо великие посвященные - это не только знающие, но также и любящие и жертвующие, но основу образует Михаил принцип расширения разумения.

По этой причине, если мы ставим вопрос о морально-духовной интенции, лежащей в основе люциферической сферы, то это является не интеллектуальной спекуляцией, а лишь верным соблюдением вышеупомянутого принципа нашего духовного движения.

В культурной жизни человечества наблюдаются два основных направления воли. Одно выражается в поиске путей и средств к изгнанию смерти из человеческой судьбы. Так, например, американец Мильфорд написал книгу под названием "Безобразие умирания". В этой книге он высказывает убеждение, что человечество, избрав иное направление воли, могло бы изгнать из мира умирание. Безобразие отделения от тела могло бы прекратиться. Люди могли бы вечно вести телесное бытие. Бессмертие в теле - вот то, чего домогается одно направление воли.

Другое направление воли стремится к вечному блаженству в свободном от тела бытии. Немало людей на азиатском Востоке, а также в церковном христианстве в томлении взирают на небо и ради вечного блаженства усердно исполняют предписания

своих религиозных исповеданий. Освобождение от земной юдоли скорби, достижение невоплощаемости - вот то, что составляет внутренний пафос этих людей.

Если бы первое направление воли пришло к своему полному развертыванию, человечество в конце земного развития вошло бы в восьмую сферу. Ибо именно восьмая сфера и есть то место в Космосе, где все находится вне области человеческой кармы, обнимающей смерть и рождение. Тогда душе уже больше нет надобности покидать тело, ибо она больше уже не черпает силы из области иерархий, а черпает их у Аримана, чьим членом становится.

Если же, напротив, другое направление воли достигло бы своей полной зрелости, тогда человечество уже во время шестой культурной эпохи вступило бы в люциферическую сферу. Ибо люциферическая сфера есть "рай" всех, презирающих жизнь, и всех, кто заблуждался относительно жизни. Это сфера "освобождения", позволяющая казаться ненужным нисхождению к новому рождению на Земле.

Люциферическая сфера есть "ложный Девахан" в Космосе, Восьмая сфера может быть понята как противо-камалока. Стремление не умирать - это, в сущности, бегство от суда, который вершится в состоянии камалоки, это стремление избежать встречи с мировой Совестью. А восьмая сфера - это именно то место, куда мировая Совесть не имеет доступа*. Люциферическая сфера, напротив, это "Девахан", откуда не ведется работа над поступательным развитием Земли и подготовкой будущих инкарнаций, но где вкушают блаженство освобожденного бытия. В сущности, она есть морально перевернутый действительный Девахан. Ибо в то время, как взгляд существ подлинного Девахана обращен к Земле, взгляд существ люциферической сферы отвращен от Земли. В подлинном Девахане осуществляется громадная работа на благо земного развития, его блаженство - это блаженство деятельного служения. В люциферической же сфере речь идет о блаженстве успокоения в довольстве, ее блаженство - это блаженство сна со сновидениями.

** Разумеется, лишь на определенном отрезке космического развития.*

Бегство от Совести мира - вот устремление, ведущее по направлению к восьмой сфере; прогрезить во сне мировую Совесть - вот путь к люциферической сфере;

С точки зрения космической реальности, люциферическая сфера - это сфера объективной космической фантастики, она - царство лжи (ибо всякая фантастика есть ложь) в Космосе. Призрак и ложь - таково существо восьмой сферы и люциферической сферы.

Но со временем всякая ложь становится призраком. Ибо в тени Люцифера развертывается Ариман свое существо. Поэтому конечная участь люциферической сферы (если не вступятся иерархии) - стать добычей Аримана. Так произойдет это в макрокосмосе, так происходит это в микрокосмосе, в человеке. Одно из самых потрясающих наблюдений, какое можно получить в жизни - процесс ариманизации личности, долгое время предававшейся люциферическим наклонностям. Тогда совершается таинственное превращение люциферической душевной жизни в некую внутреннюю технику, служащую целям, уже не имеющим ничего общего с первоначальными намерениями этой личности.

Люциферическая сфера непосредственно граничит со сферой Духа Святого, чье отражение она представляет. Поэтому для того, чтобы достигнуть сферы Духа, сознание должно сначала миновать заслоняющую ее люциферическую сферу. Для того, чтобы прийти к истине, нужно сначала преодолеть окружающую ее ложь. Преодоление ее заключается в том, что сила совести души познает отраженную природу люциферической сферы и благодаря этому переходит к истине отраженного ею. Истолкование люциферической сферы посредством силы совести означает отвержение очей в сферу Духа.

Так, например, человек оказывается перед выбором: либо подняться вверх, либо низойти к Земле! Если он избирает восхождение "в область вечного Духа", то он вступает

в люциферическую сферу. В действительности же он не поднимается вверх, а движется по кругу вокруг Земли. В этом случае восхождение - чистая иллюзия. Если же он избирает жертвенное нисхождение, обращая озабоченный взгляд на Землю ближних своих, то благодаря этому он восходит в сферу Святого Духа. Духовное восхождение является в этой сфере нисхождением.

Но люциферическая сфера - это не просто кольцо, движущееся вокруг Земли, но также и сумма сил, которые могут действовать в земном свершении. И силы эти постоянно действуют на Земле, если в судьбе человека совершается неистинное. В карму человека, означающую его истинное движение вперед, вступает возможность ложного пути осуществления судьбы. В человеке это проявляется как карма люциферического уклона. И чем сильнее действовал этот уклон в прошлой жизни, тем плотнее окружает кольцо неправды все истинное в судьбе человека*. Человек воспитывался для свободы необходимостью сделать выбор между действующей в его судьбе сферой Люцифера и сферой Святого Духа. И Иаков был тем человеком, который в исключительной степени был поставлен перед этим выбором. Потому что он был человеком, избранным в представители импульса свободы в израильской истории.

* Подобно тому, как восьмая сфера действует окольным путем через определенные сферы внутренности Земли, так же и люциферическая сфера в судьбе земного человечества действует не непосредственно, а на окольном пути определенных сфер внутренности Земли.

3.Тройная духовная победа Иакова

Из предыдущего изложения видно, что царство неправды не просто находится в человеческой душе, но является сопутствующим кармическим потоком как в космической, так и в человеческой судьбе. И должно было случиться так, что Иаков родился внутри этого потока. Ибо уже в утробе матери близнецы, Иаков и Исав, боролись за право первородства. И неправда вышла победительницей: первым родился Исав. То, что его первородство не состояло ни в каком отношении к внутренней истине, явственно выступает как из того факта, что он продал свое право на первородство за чечевичную похлебку, так и из того, что позднее Иаков стал подлинным продолжателем традиции Израиля. Все дальнейшее течение истории Израиля доказывает, что подлинным первенцем был Иаков.

Это познал Иаков, об этом знала и его мать. Исаак же ослеп и не мог прозревать истинного положения дела. (Слепота Исаака указывает на определенную закономерность израильского потока откровения, а именно - что, как правило, откровение прекращалось после определенного возраста.) Так Иаков должен был отвоевать истинное положение в родительском доме. Ему удалось это, но чтобы избежать мести брата, ему пришлось покинуть родительский дом и направиться в Месопотамию.

Таково было первое преодоление в жизни Иакова. Оно заключалось в победоносном исходе конфликта между внутренней убежденностью и майей внешних обстоятельств. Сияющая в нем мысль оказалась сильнее, нежели окружающая его действительность.

Однако это преодоление возымело определенные духовные последствия. Оттого, что Иаков не дал ввести себя в заблуждение первым слоем неправды в своей судьбе, ему открылся первый просвет в сферу Истины, т.е. в сферу Святого Духа.

После того, как он пробился сквозь часть люциферической сферы, ему открылась возможность заглянуть в соответствующую часть сферы Святого Духа*. Сфера же Святого Духа есть сфера деятельности третьей иерархии: Ангелы, Архангелы и Архаи действуют, исходя из этой сферы, как представители Духа, Сына и Отца внутри сферы Святого Духа. И оттого, что Иаков утвердил идею своей судьбы вопреки противоречившим ей внешним фактам, ему открылась сфера Ангелов как нижняя часть сферы Духа. Произошло это в то время, когда в своем бегстве в Месопотамию он уснул

возле Вефиля и пережил в ночном сознании откровение иерархии Ангелов, описываемое в Библии как "сон Иакова о небесной лестнице с Ангелами, восходящими и нисходящими по ней". "И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и вот Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: "...благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные". (1 кн. Моисея 28; 12-14)

* Речь здесь все время идет о сфере Святого Духа, какой она была до Мистерии Голгофы. После Мистерии Голгофы возникла вторая сфера (пятого Духа, а именно- по сю сторону люциферической сферы. Она является началом процесса преобразования Земли в новое Солнце.

Благодаря тому, что Иаков преодолел неправду своего рождения, ему была открыта через царство Ангелов миссия его рождения, то есть его познание иерархии Ангелов совершилось под знаком евгенического оккультизма. Человек вступает в сознательное сношение с сущностями иерархии Ангелов - такова первая ступень евгенического оккультизма. Евгенический оккультизм состоит не в познании учеником общих законов, а прежде всего в том, что он вступает в сознательное общение с существами, ведающими тайны рождения. Истинный гороскоп обретается не на пути вычислений, а на пути сношения со сверхчувственными существами. То, например, что Ангел сообщил человеку, есть "гороскоп" в истинном смысле. Это общение поддерживалось всегда (исключая кармически необходимый перерыв в тринадцатом и четырнадцатом столетии), и поэтому на Западе существует непрерывно развивающаяся познавательная "традиция" евгенического оккультизма. Но было бы неверно решить, что она поддерживалась лишь в темном и смутном оккультизме. Ведь добру нельзя отказать в действии в современной истории человечества, в особенности после того, как Рудольф Штейнер столь много сообщил о розенкрейцерском духовном течении, которое должно каждое столетие вписывать один шаг в развитие познания *.

* См. "Эзотерическое христианство и духовное водительство человечества" и особенно лекции Рудольфа Штейнера в Невшателе от 27 и 28 сентября 1911 г., кат. 130.

Познание, открывшееся у Иакова в ночном сознании, отвечало той ступени евгенического оккультизма, которая соответствует познанию иерархии Ангелов. При этом Иакову открылось основное свойство Ангелов. Оно заключается в том, что линия движения Ангела - это линия отвесная. Ангел постоянно находится в движении вверх и вниз. Его задача - связывать духовный мир с живущим на Земле человеческим Я. Он поднимается вверх, чтобы узнать великие намерения духовного мира; он нисходит вниз, чтобы через посредничество человеческого Я направлять земное свершение в соответствии с этими намерениями. Вертикаль есть закон деятельности иерархии Ангелов.

Деятельность Ангела постигают, представив себе линию, соединяющую сердце человека с лучшей над его головой звездой. Эта линия отвечает движению Ангела, заботящегося о связи между Верхом и Низом. Постигая интимный характер этой линии, постигаешь также и трагизм иерархии Ангелов. Ибо с ростом материализма два конечных пункта этой линии все более становятся противоположностями. Все труднее становится ангельскому существу создавать единство обоих полюсов своего бытия. Нижний полюс все более грозит сделаться таким, чтобы не иметь ничего общего с верхним. Разорванность двух несовместимых областей бытия составляет сущность великого страдания Ангела, его горькой скорби. И эта боль, это страдание Ангела неизбежно ведет либо к отказу от высшего мира, то есть к помрачению Ангела, либо к отращению от мира глубин, то есть - к оставлению людей, если бы однажды не пришла помощь.

Помощь же произошла от жертвы некоего архангельского существа, которое - будучи внутренне пронизано Сущностью Христа - низошло в иерархию Ангелов. Благодаря тому, что существо Иисуса (натановского Иисуса) низошло в иерархию Ангелов, не утратив своего свойства Архангела - благодаря наполняющему его импульсу Христа - в царстве Ангелов появилась новая возможность. Эта возможность представилась благодаря возникновению креста внутри сферы Ангелов. К вертикальной линии противоположности Верха и Низа прибавилась горизонтальная линия "Я и Ты". Великое явление креста в

распятию было возможностью спасения иерархии Ангелов, преподнесенной натановским Иисусом. Импульс Христа открылся иерархии Ангелов благодаря спасительной жертве натановского Иисуса.

Это жертвенное деяние, то есть возникновение креста в царстве Ангелов, постигается, если рассмотреть основное свойство деятельности Архангелов, иерархии Архангелов. В противоположность Ангелам, чье основное движение совершается по вертикали, основное движение Архангелов совершается по горизонтали. Архангелы - это не те существа, которые связывают физический мир с духовным, двигаясь вверх и вниз между обоими мирами. Это существа, действующие в пространстве, чтобы связывать людей в пространственные общности (народы). И, протягивая друг другу руку, Архангелы образуют цепь вокруг Земли, способствующую полному кругообороту инспирации Христова Откровения человечеству. Ибо лишь созвучие всех Духов-водителей народов составляет полное Откровение импульса Христа.

Так течет инспирация Христа с востока на запад через хоровод Архангелов по всей Земле и способствует сознанию всеобщего братства. Все разделяющее, воздвигающее баррикады между народами (как язык, политические границы и т.д.) исходит не от истинных Духов народов, а от люцифери-ческих Архангелов.

Если теперь представить себе, что эта горизонтальная линия братства, являющаяся основным свойством иерархии Архангелов, низводится одним Архангелом в ангельскую иерархию, чьим основным свойством является вертикальная линия, то внутри иерархии Ангелов возникают два одновременных движения: движение, связывающее две плоскости, и движение, связывающее существ в пределах одной плоскости через любовь. Так возникает крест, то есть Откровение импульса Христа внутри иерархии Ангелов вследствие жертвы натановского Иисуса.

Если мы вернемся теперь к "сновидению" Иакова, то увидим, что это "сновидение" содержит откровение не только основной закономерности иерархии Ангелов, в трагическом напряжении движущейся вверх и вниз между мирами, но также и факта спасения Ангелов импульсом Христа. Ибо из лестницы Ангелов Иакову гласит "Господь". Иными словами: Ангелы нисходят к нижнему концу лестницы и восходят к верхнему концу лестницы; но Существо, Чьим ликом был Элогим Ягве, не вверху и не внизу, Оно посередине, там, где перекрещиваются обе линии, горизонтальная и вертикальная.

Что же открывает это Существо? Оно дает откровение о будущем спасении рода человеческого через Грядущего в роде Иакова, который избавит человечество от двойственной непреодолимой противоположности духа и тела точно также, как Он это сделал для Ангелов. Крест будет дан людям точно также, как он был дан Ангелам, - таково было великое откровение, данное Иакову. И им было осознано далее, что должно низойти высокое духовное Существо, которое даст крест и земному человечеству, но что необходима долгая подготовка из поколения в поколение, чтобы появилось соответствующее тело.

После этого могучего откровения жизненный путь Иакова привел его ко второму слою неправды, который он должен был преодолеть в доме Лавана. Иакову необходимо было обрести и исполнить свое истинное назначение не только как отдельной личности, но и как члену человеческой общины. Вступить в правильные семейные отношения и как члену истинной народной общности создать очаг в определенном месте Земли - такова была задача, которую надлежало исполнить Иакову.

Но ему приходилось преодолевать необычайные препятствия, преграждавшие путь на каждом шагу. Обманом между ним и Рахилью была поставлена Лия, а Лаван стремился различными средствами привязать его к месту и воспрепятствовать его возвращению в Ханаан. Он и его семья должны были сделаться членами иного народа в иной стране, нежели это было предназначено ему. Он должен был отказаться от обетованной страны и тем самым избрать иной путь судьбы, нежели тот, следовать которым он был призван. Решительно вырвавшись из неистинной общности и бежав вместе со своей семьей, Иаков

преодолеет второй слой неправды в своей судьбе. Чувство истинного союза в противостоянии ложному оказалось все-таки сильнее, чем выкованные Лаваном цепи и страх перед местью брата, ожидавшей его на родине. Это преодоление, как и первое, возымело духовные последствия. Подобно тому, как в прошлый раз ему открылся взгляд на часть сферы Святого Духа, так и на этот раз открылась ему часть сферы Духа. На пути на родину ему повстречалась "рать Божия".

"А Иаков пошел путем своим. И встретили его Ангелы Божии. Иаков, увидев их, сказал: это ополчение Божие. И нарек имя месту тому: Маханаим." (1 кн. Моисея 32; 1-2)

Каким образом можно понять эту встречу? Выше была сделана попытка охарактеризовать главные свойства Ангелов и Архангелов: Ангелы - это существа, связующие два мира, тогда как Архангелы действуют в пространстве. Они - Духи пространства в том смысле, что они придают пространству моральное качество. Истинно духовная география состоит в первую очередь в познании действительности Архангелов и пространственных границ этой действительности. Духовная карта Земли весьма сильно отличается от политической и национальной. Ибо последняя выражает лишь область действительности люциферических Архангелов; правильное же подразделение пространства остается скрытым этой неистинной картой.

Скрытым за внешней майей остается также и истинное отношение Архангелов друг к другу. Ибо Архангелы не раздробляют человечество на народы, а связывают его воедино. Они не довольствуются тем, что дает один народ, но являются причиной глубокого интереса к другим народам. Их задача в том, чтобы привести в созвучие различные группы в человечестве. Это созвучие инспирируется импульсом Христа, который столь же мало национален, сколь "национален", например, ветер. Подобно тому, как воздух существует для всех людей, существует для всех людей Христос. Поэтому нормальных Архангелов представляют правильно, представляя их себе как союзные сонмы, поступательно движущиеся по земной поверхности подобно ветру инспирации. Величаво инспиративное переживание гремящего потока сонма Архангелов, который подобно дыханию воодушевления ко всему доброму проходит через все человечество раз в году. В рождественские дни обходит гремящий поток архангельских сонмов всю Землю.

Этот гремящий поток Божиих сонмов пережил Иаков по пути на родину. Ему была дана тогда великая социальная инспирация духовного братства человечества после того, как он преодолел ложную социальную инспирацию, представленную Лаваном^ "Все народы благословятся в семени твоём", - эти слова обетования стали для него теперь духовной реальностью. Ибо он зрел союз Духов "всех народов", который должен был воплотиться также и в человечестве благодаря приходу Обетованного.

Еще более великим, нежели первое и второе, было третье преодоление, исполненное Иаковом. Ибо при третьем преодолении речь шла о борьбе против того потока судьбы, который осуществляется не людьми, а богами. Эту борьбу Иаков выдержал ночью перед встречей со своим братом Исавом у брода Иавок.

Полное постижение одинокой ночной борьбы Иакова у брода Иавок предполагает знание фактов конкретного оккультизма, лежащее за пределами задач этого рассмотрения. Тем не менее здесь должна быть сделана попытка выявить смысл этой борьбы с точки зрения кармы. Смысл этот станет понятен, если рассмотреть смерть точки зрения участия в ней духовных иерархий.

Смерть, как в земном, так и в духовном отношении, есть прекращение телесного дыхания в человеке. Но физическое дыхание человека - это отражение духовного дыхания. Последнее состоит в гармоническом взаимодействии познания и любви. Дыхание в духовном мире состоит в гармоническом чередовании бытия-в-себе и бытия-вне-себя по отношению к сущностям иерархий. Первое из этих состояний есть познание, а второе - любовь.

В человеческом существе дух человека есть то, что стоит позади дыхания. Но дух человека состоит из трех членов. Самодух (Манас), Жизнедух (Будхи) и Духочеловек

(Атма) суть три члена вечного духовного сущностного ядра человека, и их взаимодействие является духовной причиной дыхания. Манас - это сущность познания в человеке, а Будхи - сущность любви. Из Атма, Манас и Будхи удерживаются в равновесии, поэтому в Атма заключена причина дыхания. Атма - первооснова дыхания.

В дыхании человека участвовали все три духовные иерархии. Ибо духовные члены существа человека покоятся, как правило, в лоне иерархий. Существо Манаса представлено третьей иерархией, Будхи несом второй иерархией, и Атма покоится в лоне первой иерархии. Но представителями первой иерархии (Отца) внутри третьей иерархии являются Духи времени (Архаи). Они предопределяют дыхание во времени, то есть - мгновение смерти человека. Гармонизируя действия Ангелов и Архангелов в человеке, Архаи являются теми существами, которые ведают продолжительностью дыхания. И мгновение смерти означает встречу с существом Архая.

Начинающееся в этот момент созерцание картины жизни как одновременной картины всего хода жизни и есть эта встреча. Сила, устанавливающая перед душой время земной жизни как одно целое, есть сила Духа времени. И повышенным сознанием личности, пробуждаемым этим переживанием, человек обязан этой силе. Ибо Духи времени одновременно являются Духами личности.

В ту ночь, перед встречей со своим братом, Иаков пережил встречу с Духом личности. То была смерть, с которой он вел борьбу в ту роковую ночь. Как понять эту встречу кармически?

Сужденный судьбой поток неправды в жизни Иакова был тройкий: это была телесная неправда, преодоленная им в родительском доме; душевную неправду он преодолел в доме Лавана; теперь он стоял перед духовной неправдой на своем жизненном пути. Она заключалась в кармическом последствии его деяния по отношению к брату. Ибо внутреннюю истину своего первородства Иаков завоевал путем внешнего подлога. Верность истине была кармически вознаграждена откровением из царства Ангелов, но за подлог его ожидало воздаяние в облике смерти. Ибо так действует карма: она вознаграждает и наказывает одновременно за одно и то же деяние. Весы кармической справедливости точны - ничто не остается без воздаяния, ничто не остается не вознагражденным.

Иаков познал это, и потому отделился от своей семьи, дабы пощадить ее. Он остался один по сю сторону реки, ибо знал, что ему предназначена смерть. Но он не подпал искушению фатализма, а вооружился против смерти. Он не дал ввести себя в заблуждение духовной неправдой фатализма, и познанию неотвратимой смерти противопоставил любовь. В словах, обозначающих победоносный исход его борьбы: "Я не отпущу тебя, пока ты не благословишь меня", - выразилась сила, спасающая ему дыхание. Ибо если бы он склонился перед познанием смерти, дыхание его прекратилось бы. Тогда бы он умер. Ибо равновесие изначальных принципов дыхания - познания и любви - было поколеблено в пользу познания. Но поскольку он противопоставил познанию всю силу любви, Ангел смерти, Архай, отступил при "восхождении зари", ибо любовь оказалась сильнее смерти.

"И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу и сохранилась душа моя. И взошло солнце, когда он проходил Пенуэл; и хромал он на бедро свое." (1 кн. Моисея 32; 30-31).

Любовью и смирением добился Иаков того, что Ангел смерти отступил перед Солнцем мира, Христом. Ибо в то время, как Иаков познавал справедливость воздаяния

через смерть, Ангел смерти познавал справедливость внутреннего искупления любовью и смирением. Победа Иакова заключалась в том, что воздающая справедливость отступила перед Солнцем искупающей справедливости. Но величина любви была у Иакова сильнее, нежели познание смерти. Поэтому произошло так, что ему все-таки пришлось лишиться равновесия - он "охромел бедром своим" после борьбы.

Искупительной силой его любви Иакову была сохранена возможность не только дышать, то есть жить и дальше, но также и искупить свой проступок в отношении брата. Карма не "прощает" ничего, но она заменяет чисто внешний способ воздаяния внутренним и свободным. Это и случилось с Иаковом. Смиренно встретившись со своим братом и подчинившись ему как старшему, он приобрел человеческое сердце Исава тем же способом, каким приобрел Божественное Сердце иерархий - "Солнце, которое возшло ему".

"А сам пошел пред ними, и поклонился до земли семь раз, подходя к брату своему.

И побежал Исав к нему навстречу, и обнял его, и пал на шею его, и целовал его, и плакали (оба)." (1 кн. Моисей 33; 3-4)

Человечески произошло лишь отражение того, что уже свершилось до этого в божественном. Ангел смерти, бывший посланцем Отца, благословил Иакова вместо того, чтобы отнять у него дыхание; брат Иакова, вышедший к нему с четырьмя сотнями вооруженных мужей, чтобы убить его, побежал навстречу ему и поцеловал его. Преодолев смерть в духе, Иаков отвратил ее от себя также и в человеческом свершении на Земле.

Тройная победа Иакова означала для него познание тайны рождения, жизни и смерти, то есть познание Ангелов, Архангелов и Архаев. Последняя ступень, встреча с иерархией Архаев, дала ему ведение, раскрывшееся в двенадцати "благословениях" Иакова двенадцати колен Израиля. Это было ведение тайн времени. Ибо двенадцать "благословений" Иакова содержали пророческие предопределения судьбы каждого из двенадцати колен в будущем. "Соберитесь, чтобы я возвестил вам, что встретит вас в грядущие времена", - этими словами обратился Иаков к двенадцати. (1 кн. Моисея 49; 1)

Почему же за тремя патриархами, Авраамом, Исааком и Иаковом, следовали двенадцать личностей?

4. Сущность двенадцати

3-е и 4-е рассматривания были посвящены Аврааму, Исааку и Иакову как представителям трех изначальных импульсов израильского течения. Это суть импульсы Отца, Сына и Духа. Посредством трех рассмотренных личностей три изначальных импульса были насажены в израильской народной общности. Теперь же, после того, как они были насажены, они должны были действовать во времени. Однако "действие во времени" - это процесс, который не может быть понят из рассмотрения одного лишь физического мира. Он может быть понят как взаимодействие духовного, душевного, элементарного и физического мира. Ибо идеальный план этого процесса указывал на импульсы душевных сил мышления, чувствования и воления, чтобы достигнуть элементарной силы, с помощью которой можно овладеть техникой исполнения его в земном свершении. Идеи духовного мира (верхний Девахан) должны стать душевными импульсами (нижний Девахан), чтобы с помощью элементарных сил (астральный мир) сформировать физическое свершение.

Если мы представим себе теперь, что идеальная Троичность, открывшаяся в Аврааме, Исааке и Иакове, должна быть воплощена во времени, то она должна действовать в четырех мирах. Мысль Отца, жертва Сына и победа Духа должны действовать во всех четырех мирах, чтобы осуществиться полностью.

духовный мир.

душевный мир.

элементарный мир.

физический мир.

Это взаимодействие четырех миров дает двенадцать как закон полного осуществления во времени. На этом основании должно было существовать двенадцать колен, через которые должно было осуществиться предназначение Израиля. Поэтому число двенадцать есть ключ к пониманию пути воплощения задачи Ветхого Завета. Но оно является им также и в отношении воплощения новозаветного импульса. Ибо двенадцать учеников Христа суть "отцы" двенадцати кармических "колен" Израиля, которые воплотят в будущем импульс Христа (см. Апокалипсис Иоанна). Начиная с Мистерии Голгофы, ученики Христа действуют во времени, поочередно инспирируя человечество, в последовательности от Иуды до Иоанна. Таким образом, существуют эпохи Иоанна, эпохи Иакова и т.д.

В настоящее время мы живем в эпоху Иуды. Этот факт в особенности выражается в том, что мы живем в такое время, когда склонность к предательству необычайно сильна. Почти в каждом человеке нашего времени существует возможность предательства в какой-либо форме. Особенно отчетливо это выражается в том, что все реже встречается человеческое доверие. Все новое, будь то люди или идеи, воспринимается сначала с недоверием. Доверие должно быть завоевано в современности; оно больше уже не является первым естественным движением человеческого сердца. Недоверие же сегодня не нуждается в том, чтобы вызывать его с помощью чего-либо особенного, оно тотчас является само собой.

Но отсутствие доверия - это несомненный признак того, что втайне существует склонность Иуды. Ибо необоснованное недоверие навстречу другому человеку несет лишь тот, кто втайне питает обоснованное недоверие к самому себе.

Посредством двенадцати действует в будущее импульс Христа. Это означает, что человеческое сознание должно было воспринять его в его настоящем в четырех мирах в мышлении, чувствовании и воле. Задача человечества в том, чтобы помыслить, почувствовать и поволить Христа в четырех мирах. Тот, кто осуществляет это, становится Тринадцатым.

4-ым рассмотрением завершена определенная часть нашей задачи, которая заключалась в характеристике Троицы изначально Благих мира через их выражение в трех родах оккультизма и фигурах Авраама, Исаака и Иакова. Но Троице Благих противостоит Троица Зла. Предметом ближайшего рассмотрения станет Троица Зла в том виде, в каком она может быть найдена в Библии.

V. ЗЛО В МИРОВОЙ КАРМЕ В СВЕТЕ БИБЛИИ

1. Своеобразие духовного познания Данишлы

В предшествующих рассмотрениях зло, выражающееся через люциферические сущности и через ариманическую власть, обсуждалось в определенном аспекте, принимающем во внимание зло лишь в той мере и в том роде, в каких это было необходимо, чтобы понять сущность Элогима гве и основные духовные импульсы Авраама, Исаака и Иакова. Теперь жеречь идет о том, чтобы познание о ле, содержащееся в Библии, перевести в такие понятия, которыми человечество обязано Рудольфу Штейнеру. Само собой разумеется, эта задача может быть разрешена лишь в определенных пределах, обусловленных как содержанием, так и охватом предмета.

В общем Библия - это книга фактов. Она описывает события и деяния, понимание которых предоставлено большей частью самому читателю. Тем не менее, существуют разделы Библии, сообщающие определенные познания о будущих поколениях. Некоторые из этих сообщений имеют значение лишь для того времени, когда они были записаны; иные относятся к будущему, которое ныне уже стало минувшим; но есть и такие, которые относятся к всеобщему будущему земного развития, и поэтому еще и сегодня должны

рассматриваться не просто исторически, а как документы, из которых могут быть почерпнуты разъяснения тайн мировой кармы.

Апокалиптический характер Ветхого Завета обнаруживается в первую очередь в книгах пророков. Почти у всех пророков можно найти апокалиптические места, но, на взгляд автора, наибольшую цену имеют книги пророков Исаяи, Иезекииля и Даниила. А если ищешь разъяснений относительно кармы зла в мире, то наиглубочайшие ответы по этому вопросу может дать книга Даниила, особенно

пригодная для этого. По этой причине в дальнейшем будет рассмотрена часть книги Даниила.

Прежде чем приступить к этой задаче, необходимо рассмотреть способ познания мировой кармы, с которым мы имеем дело у Даниила. Ибо общих понятий "откровение" или "духовное созерцание" недостаточно, чтобы конкретно понять процесс познания мировой кармы, каким он выступает нам навстречу у Даниила. Для понимания этого процесса нужно учесть, что существует несколько родов познания мировой кармы. Один род познания состоит в том, что в познающем всплывают внутренние воспоминания о прошлых жизнях. Эти воспоминания могут прийти в форме некоторой суммы мыслей, которые с необычайной ясностью и органической последовательностью дают полную уверенность в истине. Лишь в такой форме могли снова возникнуть и сообщаться важнейшие познания мистериальной мудрости, например, в тринадцатом столетии, когда не существовало никакой возможности духовного созерцания. В те времена общечеловеческое достояние было спасено благодаря тому, что двенадцать посвященных дали вновь возродиться всей мудрости семи атлантических периодов и пяти послеплатонических культур и сообщить ее Тринадцатому, от которого изошла затем всеобъемлющая мудрость розенкрейцерства (ср. с лекциями Рудольфа Штейнера, прочитанными в Невшателе 27 и 28 сентября 1911 г., кат. 130).

Иным родом познания мировой кармы является чтение (то есть видение и расшифровка) Хроники акаши. Это познание предполагает известную степень посвящения, достижимую немногими индивидуальностями. Лишь высочайшие посвященные человечества (о которых речь шла, например, в первом рассмотрении в связи с тремя направлениями оккультизма) способны к этому.

Однако существует третий род познания тайн мировой кармы. Человеку, обладающему меньшей степенью посвящения, чем тот, кому возможно чтение Хроники акаши, в общении с сущностями духовных иерархий с помощью имажинации и инспирации сообщается о мировой карме. Сущности иерархий являют через имажинацию и объясняют через инспирацию определенные тайны кармы, которые они хотят поведать человеку или через него - человечеству.

Если исследовать книгу Даниила на предмет того рода познания, из которого она проистекала, можно убедиться, что Даниилу был свойствен третий род познания. Ибо образы, например, "царства" Зла объясняются ему Архангелом Гавриилом (см. Даниил 8; 15-16), а последними откровениями своей книги Даниил обязан существу Элогима, встречу с которым сделал возможной "князь" израильского народа, Михаил (см. Даниил 10; 13-14).

Тем самым Даниилу были явлены образы и даны истолкования существами из иерархий Элогимов и Архангелов, предметом же откровений были Архаи. Ибо Даниил вопрошал о тайнах времени; он пытался понять "дни" мировой кармы. Но свои вопросы духовному миру он ставил не от своего имени как отдельной личности, а от имени израильского народа. Это произошло вследствие определенной ступени зрелости, сознания собственной ответственности, которое тогда соответствовало совести.

Если, например, человек чувствовал себя ответственным лишь за самого себя и за свои деяния, он находился в связи с Ангелом. Если его чувство ответственности повышалось до судьбы народа, это вело к общению с Архангелом. Последнее имело место у Даниила. Так, в 9-ой главе его книги приведена его покаянная молитва за народ

Израиля. В этой молитве Даниил обращается к высшему, какое он знал, существу не от своего имени, а от имени народа: "Согрешили мы ... мы повергаем моления наши пред Тобою..." - вот места из этой молитвы, показательные для внутренней установки Даниила.

Поскольку Даниил спрашивал от имени народа, то и ответы, которые он получал, были откровениями относительно будущего этого народа. Но только этот народ был особым. Он был "избранным", то есть он обнимал кармическую общность людей, которые с древнейших времен были особо связаны с импульсом Христа. Поэтому ему открылось не просто будущее Израиля, но также и судьба кармической общины вечного Израиля, то есть совокупное действие Христова импульса в карме человечества. Эти откровения были сообщениями некоего Существа - Элогима из сонма Ягве (Даниил 10; 5-6); но поскольку Даниил вопрошал, исходя из сознания народа, то были Архангелы, которые как интерпретировали ему эти сообщения, так и фактически способствовали созданию соответствующих условий в пространстве. А предмет сообщений составляли будущие деяния сущностей Архаев, которые сами не говорят никогда, ибо Отец не говорит. Ар-хаи могут быть лишь узрены во времени - по отношению к человечеству они молчат.

Вопросы, поставленные Даниилом, поистине не были теоретическими. Для него они были до горечи серьезны. Так, например, откровению, описанному в 10-ой главе, предшествовала тяжелая борьба. "В эти дни я, Даниил, был в сетовании три седмицы дней. Вкусного хлеба я не ел; мясо и вино не входили в уста мои, и мастями я не умащал себя до исполнения трех седмиц дней" (10; 2-3), - говорит Даниил о состоянии своей души, подвигнувшей духовный мир к сообщениям, изложенным в 10-ой главе. Из боли и тревоги лично поставить вопросы о неличных мировых делах - таково было необходимое условие откровений, данных Даниилу.

Такое вопрошание нужно и в наше время, ибо духовный мир принужден к молчанию, если его не спрашивают. И человечество необычайно обязано Рудольфу Штейнеру, своими сообщениями о духовных фактах вызвавшему в человечестве такие вопросы, которые без этого не были бы пробуждены. Антропософия Рудольфа Штейнера - это путь, который отвечает не только на уже имеющиеся вопросы, но ставит перед душой новые, более значительные. Поскольку это так, духовный мир не будет молчать - истина, струящаяся из него, не иссякнет.

Один из таких вопросов - вопрос о мировой карме Зла. Он жил в душе Даниила; он привел его к важным разъяснениям. И последующее изложение будет посвящено рассмотрению этих разъяснений.

2. Троица мирового зла

Истина высказанного Рудольфом Штейнером положения "Ариман есть карма Люцифера" была рассмотрена в предыдущих рассмотрениях как с космической, так и с человеческой стороны. Тогда была предпринята попытка ясно установить, каким образом Люцифер вызвал вмешательство Арима-на как в космическую эволюцию, так и в человеческую судьбу. Теперь же возникает вопрос: какова судьба сущностей люциферической иерархии?

Рассматривая космическую эволюцию как взаимодействие духовных иерархий, можно заметить, что в ней происходит постоянное восхождение и нисхождение существ. Однако как восхождение, так и нисхождение бывают двоякого рода. Нисхождение может означать жертву, но оно может совершаться и как следствие дегенерации. С другой стороны, вследствие зрелости может происходить восхождение к более высокой деятельности, но оно также может быть явлением процесса регенерации. Ибо Мистерия Голгофы вызвала глубочайшие воздействия в этой иерархии. Как следствие Мистерии Голгофы произошло духовное событие необычайной важности, а именно - внутреннее обращение Люцифера. Люцифер полюбил Христа и познал свою неправоту в отношении Него. Мистерия Голгофы убедила Люцифера в том, что он был неправ. В Евангелиях на это событие

указано тем, что один из двух распятых разбойников исповедал свою вину и признал невиновность Третьего из распятых. Это была совесть Люцифера, открывшаяся через этого разбойника.

С тех пор люциферическое действует в человеке как следствие прошлого воздействия Люцифера. Но люциферические Ангелы томятся по освобождению через человека. Они связаны последствиями своей прошлой деятельности; они не могут действовать иначе, чем они действовали раньше. Но человек может освободить своего люциферического Ангела. Это происходит, когда он воспринимает в себя Христов импульс. Тогда люциферический Ангел освобождается и становится служителем Ангела. Он ставит себя тогда в услужение Ангелу столь же смиренно, как со своей стороны высокомерно противодействовал ему.

Сказанное относится к Люциферу, существу второй иерархии, и к люциферическим Ангелам. Люцифер непосредственно познал Христа, люциферические же Ангелы познают его через людей, с которыми они связаны индивидуально. Но иначе обстоит дело с люциферическими существами других иерархий, например, с Архангелами и Архаями. Среди них есть такие, которые не переменились. Они сохранили прежнюю установку. Более того, среди них есть сущности, заключившие союз с Ариманом. Этот союз нужно понимать не как простой договор, но в первую очередь как частичную ариманизацию внутреннего состояния этих существ. Они сделались существами ариманического - люциферической природы.

Чтобы понять, почему это произошло, необходимо уяснить, что карма люциферической иерархии вообще состоит в том, чтобы однажды исчезнуть как таковой. Ибо она не может утвердить в вечности свое бытие, с одной стороны, отрекаясь от богов, а с другой - отрицая решительную борьбу Аримана против духовного мира. Люциферические существа могут избрать лишь два пути: или обратиться и примкнуть к сонмам Христа, или идти до последнего вывода в своей оппозиции богам, то есть примкнуть к Ариману. Первый путь - это путь регенерации, другой - дегенерации. Однако прежде чем люциферическое существо дегенерирует до существа ариманического, то есть прежде чем оно будет проглочено Ариманом (ибо Ариман проглатывает существа; он не позволяет существовать наряду с собой множественности существ), существует промежуточная стадия, где оно соединяет в себе обе природы, как люциферическую, так и ариманическую. На этой ступени дегенерации находятся люциферические существа, находящиеся в союзе с Ариманом. В сущности, они уже не люциферические существа, а некая иерархия сама по себе.

Так действуют в настоящее время три иерархии Зла: люциферическая, люциферическо-ариманическая и ариманическая иерархия (последнюю нужно представлять себе просто как сумму членов существа Аримана). Чтобы вполне понять из этого современные события, необходимо учесть, что сегодня действуют не только люциферические и ариманические импульсы, но также и импульсы, которые наружу действуют как люциферические, но за которыми сокрыто ариманическое, т.е. где люциферическое воодушевление служит ариманическим намерениям.

Но процессом дегенерации люциферических существ до ступени ариманической сущности карма Зла еще не исчерпана. Как люциферическое, проведенное до последнего предела, неизбежно становится добычей Аримана, так проведенное до последнего предела ариманическое становится добычей третьей сущности в Космосе. Эту третью сущность Рудольф Штейнер обозначал как Азуров. Она представляет собой третью (если не учитывать переходную ступень от люциферического к ариманическому) ступень мирового Зла. Ибо как Ариман есть карма Люцифера, так и Азур есть карма Аримана.

Относительно сущности Азура можно сказать совсем немного. Возможности характеризовать существо Адзура ограничены. Но тем не менее, хотя и в пределах этих границ, об Азуре должно быть сказано ясно. Ибо такова обязанность современной эпохи:

о предмете дают либо ясное представление, либо никакого. Расплывчатости в наше время необходимо избегать всеми средствами.

Чтобы получить представление о сущности Азура, необходимо рассмотреть четыре члена человеческого существа в их отношении ко злу в мире - встреча человеческого Я со злом происходит в трех телесных членах человеческого существа; если бы Я не нисходило в астральное, эфирное и физическое тело, оно не соприкасалось бы со злом в мире.

Это происходит сперва в астральном теле, где Я переживает встречу с люциферическим. Встреча же с ариманическим происходит в эфирном теле. Ибо люциферический двойник астральной природы, ариманический же - эфирной. Единоборство Я с этими двумя двойниками охватывает всю драму подверженности человека злу в прошлом и настоящем. Но в будущем предстоит третья встреча со злом, которая произойдет в физическом теле. Тогда начнется единоборство с азурическим.

Это единоборство еще не началось. Борьба между добром и злом внутри человеческого существа простирается в настоящее время лишь до эфирного тела. Ибо три встречи с изначально Благим мира, которые человек переживает между рождением и смертью, совершается лишь до эфирного тела. В "Я" человек переживает встречу с Духом Святым, чей свет передается ему Ангелом; на Рождество человек встречается в своем астральном теле Сына, чье тепло переносится ему Архангелами; единожды в жизни или в смертный час он встречается в эфирном теле Отца, который представлен существом Архая.

Встречи как с Добром, так и со Злом в мире совершаются еще вне пределов (поверх) внутренней сущности человека в физическом теле. Иными словами, борьба между добром и злом еще не сошла в физическое тело. Лишь следствия этой борьбы отражаются в физическом теле, поскольку физическое тело зависимо от процессов в более высоких членах человеческого существа. Если, например, вследствие этой борьбы заболевает желчный пузырь или печень, то это не тот процесс, причины которого надо искать внутри физического тела, а лишь отражение процесса в астрально-эфирной области.

Физическое тело - это область действия Отца, эфирное тело - Сына, в астральном теле открывается Святой Дух. Тем самым, астральное тело есть арена борьбы Святого Духа против Люцифера, в эфирном теле происходит борьба Сына с Ариманом. То, что физическое тело еще не является ареной борьбы, указывает на тот важный космический факт, что в мире еще нет существа, которое чувствует себя достаточно сильным, чтобы рискнуть выступить против самого Отца. Ариман не делает этого, он благоговеет перед Отцом. Он борется лишь с Сыном в надежде, что ход мировой кармы оправдает его перед Отцом по отношению к Сыну. Надежда Аримана состоит в том, что ему удастся создать поток мировой кармы, который убедит даже Отца. Не одоление Отца есть то, к чему стремится Ариман, а создание такого космического положения, когда он смог бы сказать Отцу: "Смотри, Ты одарил существа бытием, чтобы они стали свободны. Но выбрали они не Твоего Сына, а меня".

Еще менее, чем Ариман, склонен выступать против Отца Люцифер. Люцифер также не действовал прямо против Сына, он боролся со Святым Духом. Его намерением было повести человечество так, чтобы оно пришло к любви без мудрости Святого Духа. Убедило же его Христово деяние именно тем, что оно было откровением любви, совершившимся в полном созвучии с истиной Духа. Люцифер познал, что откровение истинной любви невозможно, если оно хочет миновать познания истины человечества. Поэтому он изменил свою установку и стал Параклетом, который оказывает внутреннюю помощь людям, воспринявшим импульс Христа.

Чтобы какое-нибудь существо в Космосе оказалось в состоянии противостоять Отцу, поток зла в Космосе должен созреть настолько, чтобы существовала кармическая область, на которой это существо может утвердиться. Этой области еще нет, но ее формирование намечается. Она образуется из физических последствий ариманической деятельности. Физических не в смысле болезней, означающих кармическое выравнивание, а в смысле ариманического здоровья. То есть создания такого физического тела, которое уже не

рассчитывает на приток сил из области первой иерархии, чтобы поддерживать свое бытие, а может получать их из иного источника. Если физическое тело будет доведено до такого состояния вследствие его ариманизации - то наступит момент, когда азурическая сущность сможет вмешаться.

Это состояние физического тела сможет наступить лишь тогда, когда в нынешнем отношении эфирного и астрального тела (выражающемся в фактах сна и смерти) осуществится изменение, которое будет состоять в бессоннице и бессмертии эфирного тела. Если Я никогда не покинет двух нижних членов - ни во сне, ни в смерти - то возможность притока духовных сил из области первой иерархии полностью прекратится. Тогда наступит состояние, которое предоставит точку нападения для Азура.

Действие третьей силы зла будет отличаться от действия Люцифера и Аримана иным отношением не только к телесным членам человеческого существа, но и к самому человеческому Я.

Если люциферическое, действуя через астральное тело, искушает человеческое Я, то есть вырывает его из его единения с духовными иерархиями, если Ариман действием в эфирном теле поработочает человеческое Я, то Азур полностью раздробляет оторванное Люцифером от духовного мира и поработоченное Ариманом Я и принимает в свое собственное существо.

Если Люцифер выводит Я из состояния бодрствования в состояние сна со сновидениями, если Ариман выводит его из состояния видения снов в состояние глубокого сна, то Азур несет смерть человеческому Я. Таким образом, опасность третьей ступени зла для человечества заключается в духовной смерти существа.

О кармических путях трех ступеней зла и об исходящих от них для человечества опасностях Рудольф Штейнер говорил в лекции, прочитанной в Берлине 22 марта 1909 года. Но об этих путях и опасностях говорит также и Библия, особенно в описании, которое Даниил оставил грядущим поколениям человечества о своем духовном созерцании четырех зверей. Изложенные выше соображения (как и упомянутая лекция Рудольфа Штейнера) дадут нам средство постигнуть до известной глубины 7-ую главу книги Даниила.

3. Карма мирового зла в свете пророка Даниила

Целью пророка Даниила было сберечь для будущего некоторые важные познания о мировой карме. По совету, полученному из духовного мира, он перевел свои зарисовки в "символы", чтобы они могли быть расшифрованы в такое время, когда будут в состоянии не просто "веровать" в вещи, но и понимать их. Содержание его зарисовок образует откровение о ряде многозначительных грядущих событий в мировой карме Добра и Зла. Познание завещанного Даниилом еще должно быть оставлено за будущим; здесь речь идет лишь об одной части, а именно о той части, которая трактует карму Зла согласно предыдущему разделу.

Откровение, описанное в 7-ой главе Книги Даниила, предоставляет нам все необходимое для нашей задачи. Ибо в этой главе в общих чертах описывается карма Зла. Описание начинается с образа "четырех ветров", которые набрасывались друг на друга "на великом море". Этот образ являет нам космическую арену борьбы между Добром и Злом. Ибо пространство с его четырьмя направлениями - севером, югом, востоком, западом - не является ни всего лишь одной из трех абстрактных "категорий" кантовской философии, ни простым расстоянием, которое можно пройти пешком, чтобы добраться туда или сюда, но оно есть море покоящихся сил, приводимых в движение четырьмя действующими силами. Эти четыре действующие силы суть духовные потоки действия внутри элементарного мира. Это "ветры", владеющие элементарным миром. Потоки, вызывающие в элементарном мире четыре "ветра", составляют четыре стихии, которые пронизаны

действием четырех царств элементарных существ (саламандрами, сифами, ундинами и гномами).

Но эти четыре группы элементарных существ - лишь низшее выражение "четырех ветров". Их начало коренится в вечной Троице, от Которой исходят космические импульсы, именуемые "Север", "Юг", "Восток", "Запад". Через космические импульсы Севера и Юга действует Существо Отца; через импульсы Востока и Запада действуют Сын и Святой Дух. Совместное действие этих импульсов составляет мировое Добро; противодействие "четырех ветров" составляет мировое Зло. Поэтому описание ночного видения Даниила начинается образом четырех ветров, которые "набрасывались друг на друга". Эти "набрасывающиеся друг на друга ветры" суть четыре направления зла в мире; они направляются не с Неба, а из глубин "морья". В четырех зверях, появляющихся из глубин моря, надлежит искать их происхождение.

"И четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого". (Даниил 7; 3).

Первый зверь изображается в виде льва с крыльями орла. Это направление зла, действующее вверху, в воздухе. Оно возникает, когда отвага льва, ставшего крылатым, делается заносчивостью и высокомерием. Люцифер - это существо,

которому чуждо переживание страха. Страх будет познан Люцифером, лишь когда он окажется перед созревшими кармическими следствиями своего возмущения против божественного водительства. Тогда он в себе должен будет пережить ариманический элемент страха. Так в своем внутреннем он должен будет пережить карму своего деяния как своего рода камалоку. Эта камалока Люцифера, прохождение через отвращение перед лицом возможных последствий своего деяния и страх, что их больше уже нельзя изгладить, превращает Люцифера в смиренное существо. Его заносчивость полностью исчезает. Имагинативно это описано у Даниила, поскольку сказано: "Я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья".

В этой связи естественно возникает вопрос: во втором рассмотрении "падение Ангелов", то есть люциферический мятеж, было изображено как следствие страстного сострадания; здесь же причиной этого события выставляется заносчивость или надменность. Как согласовать эти два объяснения?

Выражение "сострадание", в сущности, не верно для того, чтобы точно выразить побуждение люциферического существа к отпадению от Бога. В немецком языке нет соответствующего слова. Такое слово отсутствует также и в английском и французском языках. Русский же язык, напротив, имеет слово, которое дает точное представление о движущей силе люциферического возмущения. Это слово "жалость". Его содержание таково: сокрушение о существе, слишком слабом для того, чтобы оно самостоятельно смогло сделать что-нибудь для освобождения из горестной ситуации. Это чувство отличается от сострадания тем, что сострадание можно иметь и к существу, которое уважают, тогда как чувство, имеющееся здесь в виду, означает неуважающее сострадание. Оно содержит в себе скрытое презрение к существу, которому так сострадают. Это чувство и идеологию, вызванную им и участвующую в наиважнейших проблемах человечества, можно лучше всего понять, прочитав главу о Великом инквизиторе из романа Ф.М.Достоевского "Братья Карамазовы". Там, как нигде, отчетливо представлено различие между любовью Иисуса Христа и любовью Великого инквизитора. В то время как

Иисус Христос несет своим деянием человечеству величайшее из мыслимых уважение, действуя не средствами силы и чуда (искушение в пустыне), а жертвой, Великий инквизитор убежден, что человечество не способно свободно прийти ко Христу, что заблуждение Христа должно быть исправлено теми, кто готов понести крест попечительства о людях, приняв всю ответственность за человечество на себя. Великий инквизитор любит человечество не той любовью, какой любит его Христос; он испытывает жгучее, но презрительное сострадание к человечеству. Свобода - по его убеждению - должна быть предоставлена немногим избранным; массы же человечества

должны быть ведомы. И если бы Христос снова явил Себя, долгом Великого инквизитора, даже если бы он признал Его, было бы заключить Его в темницу как опасного еретика, ибо приход Его привел бы в смятение души опекаемых масс человечества - призрак свободы восстал бы снова и уничтожил труд сострадания.

Этот отрывок из Достоевского помогает глубокому сердечному постижению оснований люциферической оппозиции по отношению к божественным намерениям. И из этого сердечного постижения можно ощутить, что по своей истинной сути люциферическое сострадание есть не что иное, как высокомерие, надменность. Ибо оно покоится на неуважении к человечеству, подлежащему опеке. Поэтому нет противоречия в словах: Люцифер возмутился против Бога из высокомерия, сокрушаясь о человечестве. То, что душевно переживается как люциферическое сострадание, духовно есть надменность.

Превращение Люцифера в смиренное существо, понимающее необходимость для развития человечества земной действительности, какой она была замыслена богами, Даниил выражает в следующем образе: "и он (первый зверь) стал на две ноги, как человек; и сердце человеческое было дано ему, то есть сердце, нашедшее через заблуждение и страх доступ к любви. "Ноги" - это два волевых потока, направленных теперь вниз.

Карма Люцифера состоит в первую очередь в том, чтобы преобразить "орлиные крылья" в "ноги", то есть дать своей воле устремиться вниз к Земле, приходя ей на помощь.

Иная, согласно описанию Даниила, судьба второго зверя. Это зверь, "стоящий с одной стороны", без крыльев, но похожий на медведя. В этом образе содержится многое. Среди прочего в нем содержалось знание о том, что существо Аримана не исчерпывается земным свершением. На Земле действует лишь часть сущности Аримана. Другая (большая) часть действует в восьмой сфере, средоточие которой расположено между Землей и Луной. Таким образом, будет правильным сказать, что Ариман просто "стоит с одной стороны", ибо другую сторону нужно искать не на Земле, она именно не "стоит". В этом также причина, почему в настоящее время (и еще в большей степени в прошлом) человечество не может узреть Аримана как целостную сущность. Можно встретить сущность Люцифера, но что касается Аримана, то речь может идти всегда лишь о встрече с частью ариманической сущности. Совокупная сущность Аримана не может быть узрена, но ее части могут быть пережиты в различном облике. Облик, в котором они, как правило, зримы - это карикатурный человеческий облик. Облик ариманического двойника есть также индивидуальная карикатура человека, которому принадлежит соответствующий двойник. Даниил же имел имажинативное восприятие воспринимаемой части ариманической сущности как общечеловеческого двойника. Поэтому он говорит об облике, "похожем на медведя", то есть представляющем карикатуру человеческого облика.

Ариман постоянно стремится поглотить человечество. Следствием люциферического влияния является то, что в человечестве возникают иллюзии и страсти, то есть, с точки зрения арифметической, Люцифер обогащает человечество. Ариман же, напротив, стремится свести человека до нуля его собственного бытия; он вычитает силы человеческого существа и присваивает их себе.

В жизни отдельного человека это незаметно по той причине, что силы, захваченные Ариманом, остаются при человеке вплоть до мгновения смерти. Лишь после смерти можно заметить, до какой степени обеднела эта душа. Во время же земной жизни похищенные Ариманом силы человека становятся способностями его ариманического двойника; он пользуется ими в человеке, так что для наблюдения извне у соответствующего человека не выступает никакого изъяна. Но если бы удалили двойника, потеря стала бы зрима и внешне. Так, например, блистательно одаренный журналист или адвокат сделался бы вдруг беспомощным перед лицом задачи, которую прежде он блистательно выполнял, умея всегда правильно, в соответствии с преследуемой

целью, повернуть, обойти и привлечь факты. А тут он растерянно стоит перед фактами, ибо его изворотливости в отношении них более не существует.

Поглощение человеческих сил Ариманом совершается в истории человечества не хаотически, а планомерно. Это планомерное воплощение ариманических намерений совершается средствами того оккультизма, который вступил в судьбу человечества в атлантический период (главным образом в пратуранскую эпоху) и который не прежде отступит от судьбы человечества, чем будет преодолен самим человечеством. Этот темный оккультизм является орудием Аримана, с помощью которого он поглощает человечество. Этот оккультизм трехчастен: он является согласованным действием темного евгенического оккультизма, темного гигиенического оккультизма и темного механического оккультизма.

Насколько не соответствует реальности точка зрения, утверждающая, что не существует и никогда не существовало трех родов оккультизма Добра, настолько же не соответствует реальности представление о том, что существует лишь один или два рода оккультизма Зла, например, механический и гигиенический. Существует именно три рода оккультизма Зла, которые для Аримана представляют средство принуждения в истории человечества.

Перед данным рассмотрением не стоит задача охарактеризовать эти направления оккультизма, речь здесь идет лишь о чтении символов Даниила. И мы воистину читаем знаки второго зверя, когда приказание, данное ему: "встань, ешь мяса много!" - мы понимаем как выражение основной тенденции Аримана - поглощения, и что образ "в пасти у другого зверя три больших длинных клыка между зубами его" указывает на три орудия Аримана, с помощью которых поглощаемое схватывается, то есть на три темных направления оккультизма. Ибо проглатыванию должно предшествовать схватывание, и три темных рода оккультизма суть орудия Аримана в мире, с помощью которых он хватается существа.

После того, как Люцифер и Ариман вступили в свершение мировой кармы, как следствие компромисса между обоими направлениями возникает третье направление зла люциферически-ариманической природы. О сущностях этого направления может быть сказано, что они обладают сочетанием люциферической способности к полету с ариманической калькулирующей головной способностью. Но эта способность к полету зависит от головной способности, крылья подчинены головам. Но только головное познание этих сущностей направлено не на Троиединство Духа, а на четырехчастность вещественно-элементарного мира. Поэтому Даниил говорит о них в описании третьего зверя: "...и вижу, другой зверь, похожий на пантеру; у него были четыре крыла, как у птицы, на спине его, и четыре головы были у зверя сего..."

"Четыре головы" представляют собой доведенные вплоть до организирующих следствий аналитические умственные способности; познания четырех стихий полностью разделены. Они сдерживаются лишь практическими замыслами, то есть волею, но сами по себе это четыре самостоятельные области, четыре отдельные головы. И каждой из этих голов придано одно крыло как несущая ее способность к воодушевлению.

О четвертом звере, вступающим в мировую карму последним, Даниил говорит, что он "был совсем иной, нежели остальные, весьма ужасен, у него были железные зубы и медные когти, и он пожирал и размалывал все вокруг себя, а остальное растаптывал своими ногами". В этом образе мы можем узнать те свойства сущности Азура, о которых шла речь выше, то есть силу раздроблять или, как говорит Даниил, "размалывать" саму сущность человеческого Я. Но сущность Я образует нить, соединяющую прошлое, настоящее и будущее. Непрерывностью сознания во времени как кармической связи "вчера", "сегодня", и "завтра" - прошлой жизни, настоящей жизни и следующей жизни - человек обязан ядру своего существа, своему Я, шествующему через сон и бодрствование, через смерть и рождение. Время как единство прошедшего,

настоящего и будущего сможет сохраняться Архаями или Духами времени в законе (карме) на земле до тех пор, пока человеческие Я не покинули области кармы ("закона" по Даниилу). Если же они сделали это (в смысле ариманического бессмертия, о котором говорилось выше), тогда непрерывности времени пришлось бы подвергнуться опасности в земном свершении.

Ариман, чей духовный склад имеет самое чистое выражение в машине, механизмирует время, то есть исключает из него морально-творческое, но он не раздробляет его. Хотя в машине время и становится аморальным, оно все-таки продолжает существовать. Точно также обстоит и с существом Я человека, полностью предавшегося Ариману. Я этого человека спит во сне без сновидений; оно находится тогда в таком состоянии сознания, как во время древнего Солнца, то есть в состоянии сознания растений. Оно неспособно развить какую-либо морально-творческую деятельность и подобно машине действует по необходимости, но оно все-таки сохраняется как потенциальное свойство.

Опасность, которую Азур представляет для человечества, состоит в фактическом разрыве связующих нитей, соединяющих прошлое, настоящее и будущее. Нужно представить себе, что каждое мгновение приносило бы нечто иное без всякой взаимосвязи с предыдущим и последующим, что, например, не существовало бы никаких ритмов года, а также никаких механических ритмов. Все стало бы аритмичным - подобно ударам пульса больного бьющегося в агонии.

"Он будет хулить Всевышнего и гнать святых Всевышнего и осмелится изменить время и закон" - говорит Даниил о владыке последнего "царства" Зла. Иными словами: время, как единство и ритм, должно быть уничтожено, и кармическая закономерность отменена.

Последняя сущность зла поставит себя в оппозицию к самому Отцу. Люцифер стремится создать иное отношение человека к духовному миру, нежели осуществляемое через Ангелов Духом Святым; Ариман борется со Христом, формируя человечество в единство в некоем механизированном пространстве (в противоположность единению человечества через Архангелов Христа); Азур будет стремиться разорвать цепь Архаев, являющихся представителями Отца,- Но Даниил говорит также о кармически предрешенном исходе этой попытки. В величественных образах он описывает Суд, который должен будет вершить Ветхий днями. "Одеяние на нем было бело, как снег, и волосы главы Его - как чистая волна; престол Его из чистого пламени огненного, а колеса его пламенели. И пред ним исходила долгая огненная струя. Тысячи тысяч служили Ему, и тьмы стояли пред Ним. Суд завершился, и книги были раскрыты... Видел я, что зверь был убит и тело его сокрушено и брошено в огонь... Видел я в этом ночном видении, вот, с облаками небесными пришел некто как бы Сын Человеческий к Ветхому днями и был подведен к Нему. Тот дал Ему власть, славу и царство, чтобы все народы, люди и языки служили Ему. Власть Его вечна, которая не прейдет, и владычеству его нет конца. Но дух вострепетал во мне, Данииле, и видение потрясло меня".

Приведенные места содержат необычайно много. Они, между прочим, содержат не только описание исхода азурического мятежа, но и причину того, почему поражение его неизбежно. Ибо когда пробьет космический час, когда "книги раскроются для Суда", тогда свершится жертва Того, Кто "подобен Сыну Человеческому". Став человеком, Христос создал кармический поток, который определяет исход последнего Суда.

Как следствие победы над Ариманом будет преодолено также последствие действия Аримана в Космосе - выступление Адзура. Сущность Азура будет уничтожена в огне Отчего гнева. Так, того, кто хотел принести уничтожение существ, самого постигнет эта участь.

Таким образом, Мистерия Голгофы имеет три последствия в мировой карме: внутреннее обращение Люцифера, преодоление Аримана и уничтожение Азура. Это совершается не посредством власти, а посредством Суда. Ибо Мистерия Голгофы - это событие внутри кармы, и перед суждением кармической справедливости оно падает на

чашу оправдания человечества. Поэтому именно Христос должен был стать человеком, чтобы войти в область кармы человечества и повернуть ее. И следствия этого поворота Даниил описывает образами Суда, который будет вершить Отец.

Знание о троице Зла содержалось в Книге Даниила. Но знание не только о троице Зла, но и о вечной Троице Добра. Ибо в упоминавшейся главе описано также имажинативное лицезрение Существа Отца, инспиративное познание Сына и интуитивное единение с Духом, которым обладал Даниил. Существо Отца Даниил мог созерцать лишь имажинативно, ибо подойти к Отчему Существом ближе, нежели это имеет место в имажинации, человек не может. Он не смог бы перенести, например, интуиции Отца, ибо интуиция означает внутреннее восприятие в свое собственное существо. К Сущности, являющейся на "облаках небесных" (то есть через сферу Сына), Даниил мог подойти шагом ближе, он познал Его в инспирации. От "одного, кто стоял там", ему было передано значение его видения о будущем владычестве Сына. Дух же Даниил пережил в себе самом; он был соединен с Ним в непосредственной интуиции: "Но Дух вострепетал во мне", - говорит Даниил.

Рассматривая же всю Книгу Даниила, можно понять, на какой лад познавал Даниил Сущность Отца. Он лицезрел Его как Ветхого днями, то есть как ту Сущность, которая открывает себя посредством всех Духов времени (Архаев). В бесконечной перспективе зрел Даниил череду "дней": образы космических "дней" катились перед его духовным взором. Непрерываемой чередой следовала эпоха за эпохой, но сквозь образы будущих и минувших дней мира открывался ему Лик Ветхого днями, изначальной Сущности мира, которая открывается во всяком дне лишь ничтожной частью Самого Себя. Неизменно вращаются огненные колеса мирового свершения, но на пламенеющем троне, который несут они, покоится изначальная Сущность мира.

И когда бьет мировой час, тогда Он посылает в мир луч, и мир останавливается для Суда. И тогда открываются Книги мировой памяти, и Отец вершит Суд над всеми существами Своего творения, которые предстоят тогда перед Ним как свободные существа.

Из таких переживаний возникло искусство, из таких переживаний оно восстанет снова. В будущем не будут позволять себе говорить, исходя из фантазии: серьезность космического свершения заставит фантазию смолкнуть перед знаками, которые станут зримы на Небе вечного бытия. Дух одного из таких искусств дышит во многих местах Библии, этот дух воскреснет - мы смеем питать надежду на это.

В этом рассмотрении была предпринята попытка описать мировую карму так, как она была познана Даниилом. Автор надеется, что читатель получил ощущение, что Библия содержит не только раздел истории человечества, но и глубокое познание космического свершения. Много тайн мировой кармы может быть найдено в Библии. Библию постепенно прочтут в будущем.

Рассмотрев в свете Библии одну главу мировой кармы, естественно перейти к рассмотрению человеческой кармы, как она может быть познана в Библии.

И предметом следующего рассмотрения будет вопрос о том, могут ли быть найдены в Библии более глубокие познания о человеческой карме и реинкарнации.

VI . ДУХОВНОЕ ВОДИТЕЛЬСТВО В ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ИСТОРИИ

Рождение совести человечества

В предыдущих рассмотрениях Ветхий Завет обозначался и обсуждался как книга египетского оккультизма. Это очевидно, поскольку в центре всего Ветхого Завета поставлена Мистерия Рождения Мессии. Но, с другой стороны, надо учитывать, что область египетского оккультизма не исчерпывается тайнами телесного рождения, она охватывает всякое рождение, а также и рождение нового сознания. Ибо и рождение

нового сознания совершается по определенным законам и требует подготовки телесно-душевных условий, которые способствуют ему. Всякое нисхождение духовного, всякое воплощение - будто бы души дали новое сознание, или откровение новой идеи на физическом плане - принадлежит области египетского оккультизма. Ибо законы рождения одни и те же, различны лишь их приложения в отдельных случаях.

Само собой разумеется, законы эти абстрактно не формулируемы, или, точнее, они формулируемы на тысячу ладов, причем сотни этих формулировок противоречили бы друг другу. Они постижимы посредством духовных форм и фигур, и требуется описание со многих сторон, чтобы сквозь это описание в сознании всплыла внутренняя фигура, "закон". В этом причина того, почему Рудольф Штейнер указывает, по различным поводам, что изучение духовной науки само по себе является уже путем к созерцанию. При восприятии в сознание фактов духовнонаучных сообщений, через эти факты, как через своего рода речь, открывается внутренняя фигура, сочетающая их в единство. Познать развитие Сатурна, Солнца, Луны и Земли не значит установить схему деятельности иерархий, а значит гораздо больше - подняться через описание этой деятельности к внутреннему созерцанию закона, то есть некоей внутренней фигуры, состоящей не из черных линий, а из линий космических замыслов. Это происходит благодаря тому, что представляющее мышление, осуществляющееся в голове, нисходит в область дыхания. Оно не теряет при этом ясности и точности, но обретает свойство сознательно проследить космические мысле-линии (или потоки), которые проходят через человека и которые складываются наконец в весьма ясные и обзримые фигуры.

Такова деятельность той познавательной силы, которая имеет средоточие своих токов в области гортани. Это она дает человеку возможность непосредственного познания антропософских истин. Именно это схождение сознания из головы в область гортани имел в виду д-р Карл Унгер, когда сказал: "Дыхание в чистом мышлении есть начало ясновидения" ("Из языка души сознательной"). Такое "дыхание в чистом мышлении" есть, в сущности говоря, основание для надежды, что духовная наука будет принята в мире. Ибо если путем научных экспериментов можно доказать, что существуют эфирные образующие силы, если филологическим и историческим исследованием можно доказать, что существовала, например, атлантическая культура, то ни экспериментами, ни филологией и историей не доказать, что, например, Престолы, Херувимы, и Серафимы вырабатывают для следующей жизни справедливые последствия земной жизни человека. А между тем в это не нужно "верить". Но это можно "знать", обладая познавательным мужеством, чтобы всей силой спокойного мышления погрузиться в эти сверхчувственные факты. Необходимо иметь мужество к непосредственному вхождению в духовные факты, не требуя "оснований" и "доказательств". Ибо чистая духовная наука может быть обоснована только сама собой и ничем иным. И сила труда жизни Рудольфа Штейнера в том, что он основан на себе самом и содержит в себе все, что необходимо, чтобы прийти к честному и самостоятельному убеждению. А к честному и самостоятельному убеждению приходят тогда, когда сообщениями духовной науки побуждаются к непосредственному вхождению в ее внутреннюю истину.

Это непосредственное вхождение во внутреннюю истину есть то, что необходимо, чтобы путем неизбежно односторонних рассмотрений Ветхого Завета быть подведенными к внутреннему пониманию определенных законов. Один из этих законов есть закон рождения, господствующий над всем Ветхим Заветом. Но, как говорилось, ему подчинено всякое рождение, а не только телесное. Поэтому мы полнее поймем Ветхий Завет, если к относящимся сюда предыдущим изложениям прибавим теперь, что хотя Ветхий Завет изображает подготовку рождения, но рождения не только тела, а и нового сознания.

Другой стороной Ветхого Завета является подготовка рождения совести в человеческой душе. Когда пророк Иеремия говорит:

"Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их

за руку, чтобы вывести из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их, и на сердцах их напишу его..." (Иеремия 31; 31-34) - то этими словами он затрагивает сущностное зерно иной стороны ветхозаветной задачи, а именно - подготовки рождения совести как закона, записанного в сердцах.

Рождение человеческой организации, в которой может родиться совершенная совесть - вот что было всеобъемлющим выражением ветхозаветной миссии.

Но если ветхозаветное развитие должно было подготовить появление Христа, то в связи со сказанным выше спрашивается: что было необходимо, чтобы Христос мог появиться? Первый ответ - необходимо было тело, организованное так, чтобы Христос мог жить в нем и действовать в нем.

Но этот ответ теперь уже неудовлетворителен, поскольку речь идет не только о физическом, но и об эфирном и астральном теле. Последние же следует представлять себе не просто как субстанцию или структуру (в сущности, это относится и к физическому телу), но как возможности придать душевную и жизненную силу определенным морально-духовным истинам в области физического бытия. Совокупная организация, которая была необходима Христу, чтобы он смог жить на Земле, должна была быть вместе с тем выражением сил, на которые мог бы опереться Христос. Они должны были составить для Него врата, через которые Он мог бы войти в земное свершение. Человеческая организация должна была иметь такие свойства, чтобы суметь обнаружить внутреннее сродство с сущностным элементом Христа.

Что же это за врата, через которые Христос смог вступить в земное свершение? Что это за почва, на которую, как на исходный пункт своего соединения с Землей, Он мог ступить? Врата, через которые Он смог сойти к Земле, были совестью, бывшей столь мощной, что она действовала, формируя телесность.

То, чего никогда не смогли бы огонь, воздух, вода и земля, смогла та сила, которой не могут доставить элементы природы, - сила совести. Глядя извне, верным будет сказать: Христос вошел в тело человека, но глядя изнутри, нужно сказать: Христос вошел в совесть человечества. Совесть - вот врата, которые сделали возможным соединение Христова Существа с существом Земли.

Тому, что на Земле была совесть, полностью бодрствовавшая в трех телах, поддерживающая их в бодрствовании, обязано человечество возможностью нисхождения Существа Христа к Земле. Чтобы понять это, надо принять во внимание, что совесть - это не просто "ощущение", а, если она пробуждена полностью, состояние человеческого существа, когда дух ведает истину, когда душа как душа ведает истину, когда тело как тело ведает истину. Совесть - это совместное ведение духа, души и тела.

В совести высказывает истину все существо человека - она излучается из духа, из души и из тела. Пусть Я покинет тела - они одни будут действовать дальше в смысле истинного. Таково было состояние трех оболочек Иисуса из Назарета, когда покинутый Я Заратустры он направился к Иордану, чтобы в Иоанновом крещении воспринять в себя Христа. Это шла к Иордану совесть человечества, и она не позволила несчастью отдельных встретившихся ей людей задержать себя, ибо это была совесть человечества, которая тогда шла к Иордану и во имя всего человечества и в сознании вины всего человечества взывала к Небу о помощи для всего человечества - пока сверху не раздалось слова: "Сей есть Сын Мой возлюбленный, ныне родил Я Его"!

После того, как в Крещении на Иордане Христос вошел в совестливо бодрствующие оболочки Иисуса, первое, что Он должен был пережить как реальность земного бытия, был элемент совести. Полнота духовного мира отступила, уединение переживания совести настало вместо нее. И в этом состоянии оставленности полнотою духовного мира, после этого сорокадневного уединения в пустыне, Он выдержал три основных испытания совести на Земле.

В трех искушениях в пустыне дело сводится не к познанию духовных миров или к власти над земной природой, а к решающему голосу совести. И лишь после того, как, одинокий и оставленный, Он, исходя из Своего внутреннего, выдержал испытание, "подступили Ангелы к нему и служили ему", то есть духовный мир снова раскрылся и снова окружил Его.

Сорок дней в пустыне были тем временем, за которое Христос пронизал совесть Своим Существом. Этот срок содержит в себе тайну Кали-Юги, темной эпохи в истории человечества. Но он заключает в себе также тайну индивидуальной Кали-Юги отдельной человеческой души, которая столь долго должна голодать и жаждать духовного мира, пока совесть не выдержит испытаний "пустыни" и не усилится благодаря этому так, что сможет давать силу, открывающую духовный

мир, не подвергаясь опасности утраты через это приобретенной самостоятельности и свободы.

Ибо необходимо сделать три шага для пробуждения совести, прежде чем можно будет сделать один шаг в духовном опыте. Всякому познанию духовного мира должна предшествовать жизнь в вопросе, который должен быть вопросом совести. И лишь после того, как вопрос совести прошел через мышление, чувствование и воление, духовный мир дает опыт, который раскрывает то, что он может сказать на этот вопрос. Поэтому не только образный, но и точный смысл имеется в виду, когда Рудольф Штейнер говорит: "Если ты пытаешься сделать один шаг вперед в познании тайных истин, делай одновременно три шага вперед в совершенствовании твоего характера к добру" ("Как достигнуть познания высших миров", кат. 10). Но совершенствование характера к добру состоит главным образом в том, что он становится выражением совести.

Восхождению в духовный мир должно предшествовать рождение совести. Поскольку теперь, после того как карма грехопадения человечества привела к полному помрачению духовного мира, восхождение в духовный мир должно быть обязано лишь тому факту, что Христос был на Земле, то возможности восхождения, то есть появлению Христа, должен предшествовать совестливый вопрос о грехопадении и его выравнивании. Перед нисхождением Христа на Земле должна была быть совесть, которая должна всю силу сконцентрировать на вопросе: "Человечество померкло. Его очи более не могут видеть, его уши более не могут слышать. Следствия падения неудержимо усугубляются. Но еще живет пламя воспоминания и тоска в сердце. Но воспоминание угаснет, а тоска пройдет... Тогда сердца станут каменными. Тогда бесполезным будет величайшее откровение высочайшей мудрости, ибо некому будет воспринять ее. Гибель человечества неизбежна. Если не сойдет новая сила, которая будет действовать так, что слепые увидят, немые заговорят, глухие услышат, расслабленные будут ходить... Человечество не в состоянии совершить это, огонь, воздух, вода и земля не в состоянии - только солнечное Существо в Небе может это... Сделает ли это Оно?"

Этот вопрос болью жил в существе, которое шло к Крещению в Иордане. Пробужденная совесть человечества была силой всего его бытия, она дышала в Иисусе, она двигала его членами, давала силу зрения его глазам, давала слышать его ушам. Он являлся совершенным откровением совести. Он был представителем человечества как в том смысле, что в нем жила общая скорбь человечества, так и в том смысле, что он воспринял в себя все спасение человечества.

Это должно пониматься в самом конкретном, какой только мыслим, смысле. Ибо и его наружность можно представить себе, лишь понимая ее как зримое выражение совести человечества. Он не обладал ни классической красотой Аполлона, ни миропромыслительным покоем Зевса, но в нем была выражена скорбь, возникающая при осознании всех следствий грехопадения человечества. И когда после Крещения в Иордане этот лик самоотверженной скорби приобрел черты величия и покоя, которые придало ему присутствие изначального Существа мировой любви, Он стал таким, что Его стало

возможным постичь, рассматривая Представителя человечества в вырезанной из дерева скульптурной группе в Гетеануме.

То, что Рудольф Штейнер воздвиг там перед будущими поколениями человечества, это не классическая красота, а образ совершенной совести человечества, сознающей себя в единении с волей мирового Божества. Так стоит этот образ совести человечества как побуждение к вступлению на путь, который ведет через скорбь к покою. Люди же вокруг ищут путей, ведущих к покою без скорби.

Ветхий Завет - это история подготовки рождения человеческой организации, которую можно назвать "организацией совести". Ибо только в такой организации мог жить Христос. Подготовка рождения совершенной совести шла долгое время различными и сложными путями. Об этих путях речь пойдет ниже.

2. Будда, Илия, Иисус

В цикле лекций "Импульс Христа и развитие сознания Я" (Берлин, 1909-1910 г.г., кат. 116) Рудольф Штейнер говорит, что божественно-духовные водители человечества были поставлены в ходе развития перед следующим фактом: в человечестве было нечто незнакомое им, а именно - совесть. И чтобы познать это, они должны были сойти к Земле и воплотиться, ибо из духовного мира совесть людей была для них непознаваема.

На основе этого факта можно было бы сделать вывод, что у существ духовного мира нет совести, что совесть может быть развита только земным человечеством на Земле. Этот взгляд оправдан, поскольку позитивно говорит о человеческой совести, но он не оправдан, если оспаривают свойство совести у иерархических существ. На самом деле совестью, то есть силой моральной фантазии в том смысле, в каком это выражение отчеканено в "Философии свободы" Рудольфа Штейнера, обладают все существа.

Каждое существо несет в себе тайну своей индивидуальности, ибо совесть как внутренний творческий источник есть именно то, что делает существа - также и иерархические существа - индивидуальностями. Индивидуальность существует лишь поскольку она в состоянии прибавить к окружающему ее космическому свершению нечто, что может возникнуть лишь из нее и лишь через нее. Иерархии мирового Добра отнюдь не автоматы, хотя для них выбор между добром и злом не принимается во внимание. Они служат добру, из своей совести ища все новые и все более полные жертвенные деяния. Моральная фантазия добра не ограничена; существа, служащие добру, различаются выбором совершаемых ими жертвенных деяний. Они свободно отказываются от прав, которыми обладают в Космосе, чтобы более высоким образом, жертвой, осуществить более великое, нежели то, к чему они были способны, оставаясь в пределах своих прав.

Нечто подобное относится и к определенной группе человеческих душ, которые в развоплощенном состоянии в Девахане принимают решения о ходе предстоящей им ближайшей земной жизни. Например, какая-нибудь человеческая душа может иметь там кармическое право на гармоничную, светлую жизнь в окружении друзей в среде, соответствующей ее складу. Таково право этой души. Но может статься, что эта душа испытает в свете своей совести предстоящую ей земную жизнь и свободно откажется от судьбы, которую ей предлагает карма. Совесть такой души может сказать себе: "Ты стоишь перед возможностью гармоничной жизни на Земле. Ты не должна будешь истощать своих сил в страдании и борьбе. Человечество же тем временем будет подвергнуто испытаниям, к которым ты не будешь сотрудничать причастна. Твоя помощь в битве за истину более необходима для человечества, чем твое счастье". И такая душа может избрать миссию, которая несет с собой совершенно иное течение жизни, нежели то, на которое она имела право. Следствием этого может быть то, что соответствующая душа ставится судьбой на Земле в гущу борьбы, которая при ее жизни может оказаться и безуспешной.

В этом случае речь идет не о выборе между добром и злом, а о выборе между добром и лучшим. И способность к различению между добром и лучшим составляет совесть духовных существ, которые не инкарнированы.

Тем самым не факт совести вообще является загадкой в человечестве для духовного мира, а факт человеческой совести, поставленной между добром и злом. Ибо такая поставленность между добром и злом возможна лишь в человеческой организации, так как последняя не просто стоит перед злом, а приняла его в себя. Люди внутренне переживают в себе зло и добро, ибо они восприняли их в свое существо.

Духовные существа не могут воспринять в себя зло, они могут стоять перед злом, могут также познавать его в его действиях, но пережить его внутренне они не могут. Ибо если бы духовное существо приняло в себя зло, оно сделалось бы от этого злым существом. Духовные существа - цельные существа, лишь человек может соединять в себе две природы.

Это следствие грехопадения, вызвавшего новый факт в Космосе: наличие существ, которые могут внутренне переживать как добро, так и зло. Человечество на самом деле греховно, ибо оно приняло в себя зло. Но благодаря этому человечество обладает возможностью, которой нет у других существ, а именно - возможностью интуиции зла наряду с интуицией добра.

Этот факт содержит в себе необычайный космический риск, ибо ведь может случиться, что человечество полюбит зло. Чтобы этого не произошло, то есть чтобы равновесие между добром и злом в человеческом организме не изменилось в пользу зла, человечеству с незапамятных времен оказывалась помощь из духовного мира. Эта помощь состоит главным образом в том, что свыше притекали все новые силы для укрепления добра в человечестве. С этой целью вниз сходили существа высших иерархий, отрекаясь от своих более высоких прав, чтобы соединиться с человечеством непосредственно. К таким существам принадлежат те три существа, которым человечество обязано чрезвычайно и которые в оккультной истории мира обозначаются именами Будды, Илии и Иисуса.

Существо Иисуса, отчасти воплощенное в натановском Иисусе, с лемурийских времен гармонизирующе действовало на человеческую организацию. Это архангельское существо, которое низошло на ступень Ангела, чтобы быть в непосредственной связи с человечеством. Рудольф Штейнер описывает последствия троекратного пронизания существа Иисуса Христом - в лемурийский период, в первую треть атлантического периода и в последнюю треть атлантического периода - как гармонизацию внешних чувств (лемурийский период), гармонизацию жизненных процессов (начало атлантического периода) и гармонизацию душевных сил (конец атлантического периода).

Двенадцать внешних чувств были гармонизированы посредством существа Иисуса так, что они внутренне уравновесились, что, например, не имеет места у животных.

Семь жизненных процессов были равным образом приведены в равновесие, благодаря чему душевная жизнь человека смогла переживать самое себя, не растворяясь полностью в отдельных жизненных процессах. Как следствие этого возникла способность вокального выражения души через речь.

Наконец, три душевные силы астрального тела - мышление, чувствование и воление - были гармонизированы так, что могло осуществиться переживание Я. Я больше уже не тонуло полностью в трех силах души, а могло переживать себя независимо от них. Благодаря этому возникла способность человеческой речи, в которой посредством гласных и согласных человек смог выражать объективные вещи.

В четвертый послеатлантический период произошло четвертое пронизание существа Иисуса Христом. Речь шла тогда о гармонизации Я, подобно тому как раньше речь шла о гармонизации физического тела, эфирного тела и астрального тела. Я выражается посредством трех членов человека как силы души ощущающей, души рассудочной и души сознательной, причем так, что сходящая вплоть до физического тела

сила Я переживается как душа сознательная, тогда как нисходящая вплоть до эфирного тела деятельность Я переживается как душа рассудочная, а присутствующее в астральном теле существо Я - как душа ощущающая. Гармонизация этих душевных членов происходит посредством силы любви, ибо в любви человек становится цельным существом, в котором замыслы, чувства и деяния находятся в созвучии. Взгляды и деяния человека приводятся в созвучие лишь любовью, одно познание не в состоянии сделать это. Гармонизация сил Я происходит благодаря импульсу любви, низведенному в земное развитие Христом Иисусом.

Однако для того, чтобы появление Христа было возможно, ему должна была предшествовать продолжительная подготовка пробуждения совести. Совесть трех членов души должна была быть полностью пробуждена, чтобы могла родиться любовь. И духовные существа в дохристианское время пробуждали совесть в человеческой душе ощущающей, душе рассудочной и душе сознательной, чтобы сделать возможной инкарнацию Христа. Эта деятельность имела глубочайшее воздействие на три такие духовные существа, которые, исходя из ангельской иерархии, преображали в порядке подготовки глубины человеческой души.

Одно из этих существ на протяжении долгих периодов времени действовало через отдельных людей, пока не низшло к инкарнации в шестом дохристианском столетии и не вызвало всемирно-исторического события "пробуждения Будды". В Гаутаме Будде мы имеем дело с существом третьей иерархии, полностью пронизавшем человеческую организацию, то есть пронизавшем ее вплоть до физического тела. Если хотят составить себе соответствующее действительности представление о превращении в Будду принца Сиддхарты, сына царя Судходданы, то этот процесс нужно понимать как пробуждение силой совести. Ибо до просветления под деревом Бодхи Будда был человеком, для которого духовный мир был закрыт. Вид болезни, старости и смерти пробудил в нем с силой, свойственной сверхчеловеческому существу, вопрос о страдании человечества и о его причинах. Не в знании открылось ему иерархическое существо, жившее в нем, а сначала лишь посредством силы, с которой в нем пробудились вопросы. От человеческих посвященных того времени Будду отличало прежде всего не его огромное знание, ибо знал он меньше, нежели другие: он пошел в обучение к браминам и кающимся, но его вопросы, исполненные сверхчеловеческой силы. Сверхчеловеческое в нем раскрылось в силе совести. Сила совести вела его к пробуждению сознания Будды, открывшее ему затем и высокую мудрость.

Мы можем сказать тем самым: в Будде мы имеем человеческое сознание, человеческим вопросам которого была придана сверхчеловеческая сила совести. Если же мы подумаем одновременно, что в Будде физическая организация была охвачена иерархическим существом, то мы сможем понять событие Будды как возникновение образцовой совести души сознательной. Ибо душа сознательная - это та часть существа Я, которая выражается в физическом теле.

Этим фактом объясняется и основное качество совести Будды, то есть ее индивидуальность. Ибо сама по себе душа сознательная не социальна; изживаясь в физическом теле, она переживает себя как отдельное существо, не связанное общим дыханием с общиной человечества. Поэтому, например, принц Сиддхарта спрашивает при виде трупа:

"Умру ли также и я?" Его вопросы суть вопросы о судьбе отдельной индивидуальности, как это характерно именно для души сознательной. Позже он, разумеется, обратится к человечеству, проповедуя ему "четыре святых истины" - о страдании, о причине страдания, об освобождении от страдания и о пути, ведущем к освобождению от страдания, но как содержание его учения, так и манера его были таковы, что он обращался, в сущности, лишь к отдельным индивидуальностям.

Факт становления Буддой существует для всего человечества, учение Будды никогда не могло получить общечеловеческого значения. Ибо поскольку все человечество должно

развить однажды душу сознательную, постольку образцовая душа сознательная Будды имеет значение для всего человечества; но поскольку Будда учит пути, который должен вести к дохристианским целям, постольку он имеет значение лишь для некоторого числа индивидуальностей дохристианского развития.

Тем самым существо, воплотившееся как Будда, поставило перед человечеством пробужденную совесть души сознательной.

Совсем иной была деятельность другого существа, которое должно было вызвать пробуждение совести души ощущающей. Для этого ему не нужно было сходить до физического тела; оно действовало в силах Я астрального тела. Точнее было бы, конечно, сказать: как Будда действовал главным образом в пронизанном эфирным телом физическом теле, так то существо, которое обозначается в Библии именем Илия, действовало в действующем через эфирное тело астральном теле. Ибо деятельность сущности Илии, описываемая в Библии, выражается главным образом в том, что она затмевает человека, не растворяясь в нем, придавая ему одновременно элементарную силу. Сущность Илии не инкарнируется; она действует через организацию Я астрального тела, окружая и паря вокруг нее. Подобно облаку окружает она человека, через которого действует, но не входя в этого человека полностью.

Парящая вокруг власть - вот впечатление, какое получаешь от сущности Илии, рассматривая те персонажи Библии, через которые она действовала. Но природная власть, с которой действовала сила Илии и которая выражалась в различных чудесах, описываемых в Ветхом Завете, не есть самое существенное для понимания сущности Илии. Более важным, чем власть над элементарными силами, является у сущности Илии моральное воздействие, которое состоит главным образом в том, чтобы пробуждать не индивидуальную, а народную совесть израильской народной общины.

Так, например, противостоя сонму служителей Ваала, пророк Илия-Набот был не только человеком, но и гласом и силой той сущности, что представляла совесть народа. И возжегши молнией сырое дерево на алтаре, он возвестил этим знаком, что хотя служением Ваалу сердце Израиля немислимо отвратилось от водительства Ягве, оно как бы с природной силой может быть охвачено огнем, как было охвачено огнем сырое дерево. Ибо если духовно-моральная сила Ягве обладает властью воспламенить непригодное к горению во внечеловеческой природе, то не должна ли она обладать властью внутри человеческой природы воспламенить отвратившиеся сердца?

В этой связи было бы уместно сказать нечто необходимое об отношении сущности Илии к Ягве. Духовное водительство израильского народа было в действительности гораздо сложнее, чем получается из, конечно, правильного, но не точного представления о "народе, ведомом Ягве". Если это водительство хотя бы представить точнее, то - отвлекаясь от ведущих человеческих индивидуальностей - существует четыре духовных сущности (пятая сущность действовала весьма скрыто), которые осуществляли водительство израильского народа. Эти сущности столь глубоко переплетены друг с другом, что высшую можно увидеть сквозь подчиненную ей как действующую в ней. Так "Я есмь", что через Элогима Ягве гласило Моисею, было самой Сущностью Христовой. Христос действовал через Ягве, который был как бы Ликом Христа с начала ветхозаветной истории. Как Луна дает Земле ночью солнечный свет, так Ягве передает Христов свет "Я есмь".

Но еврейский народ, хотя и избранный, был все-таки народом, то есть обладал Духом народа. Этот Дух народа должен был быть в состоянии воплотить в одном народе самые универсальные импульсы человечества. Таким Архангелом был Михаил, действовавший как бы как лик Ягве. Архангел Михаил был народным Духом еврейского народа, потому что он особенно подходил, чтобы в качестве Духа народа представлять и осуществлять общечеловеческие замыслы, которые должны были быть воплощены с помощью этого народа.

Но народы имеют не только Духов народа, но и народные души. Народную душу нельзя представлять себе просто как своего рода облачную ауру народа, которая представляет лишь сумму отдельных душ принадлежащих соответствующему народу людей; народная душа - это конкретное духовное существо, которое, как правило, принадлежит иерархии Ангелов. Чтобы понять это, нужно подумать, что развитие, ведущее от обыкновенного индивидуального Ангела-Хранителя к Духу народа или Архангелу, совершается не скачкообразно, а протекает через определенные ступени. Прежде чем Ангел возвысится до достоинства Архангела, он проходит ступень народной души, которая должна пониматься как переходная ступень от Ангела к иерархии Архангелов. Народная душа действует иначе, чем Дух народа, и иначе, чем индивидуальный Ангел-Хранитель. От индивидуального Ангела-Хранителя ее отличает всеобъемлющая действенность внутри одного народа; а от Духа народа ее отличает то, что она действует более на ангельский лад, чем на архангельский.

Следует заметить, что и не все Архангелы суть Духи народов, но что среди Архангелов есть и такие, которые находятся на переходной ступени развития к иерархии Архаев. Так, например, есть семь Архангелов, в течение более коротких периодов от трех до четырех столетий являющиеся своего рода Духами времени. Архаи суть Духи культурных эпох, продолжительностью примерно в двадцать два столетия; внутри этого периода правления существа Архая, чередуясь, проявляются семь более коротких периодов, управляемых семью Архангелами, поднимающимися к достоинству Архаев. Нечто подобное относится и к другим иерархиям. - Это попутное замечание необходимо, поскольку оно может помочь представлять себе иерархии не схематично, а отдавая должное и их индивидуальному многообразию.

Признание такого индивидуального многообразия особенно важно в отношении ангельской иерархии, стоящей ближе всего к человечеству. Здесь прежде всего следовало бы представлять себе по крайней мере три группы ангельских существ: индивидуальных Ангелов-Хранителей, Ангелов с особыми миссиями, работающих для кармических групп людей, и Ангелов, действующих в качестве народных душ. Последние, как сказано, суть предварительные ступени Архангельской иерархии.

Чтобы конкретно представить род действия народных душ, его нужно сравнить с родом действия индивидуальных Ангелов-Хранителей и Духов народа. Ангел-Хранитель инспирирует главным образом Я человека, пребывающего во сне без сновидений в духовном мире; Архангелы же, напротив, раз в году на Рождество инспирируют астральное тело человека. Народная же душа инспирирует находящееся в астральном теле Я, то есть она действует в особенности на душу ощущающую.

В то время как Ангел встречается человеку в состоянии сна без сновидений, когда Я и астральное тело освобождены от эфирного и физического тела, народная душа встречается человеку на границе астрального и эфирного тела, где астральное тело уже связано с эфирным телом, но еще не сошло в физическое тело: там, где возникают сны. Поэтому народная душа особенно выражается посредством провидческих снов народа, посредством саг и сказок, возникающих благодаря этому. Ибо сны видит не только отдельный человек, но сны видят также и народы. И с помощью таких народных снов народная душа пытается интерпретировать инспирации Духа народа для сознания людей. Народная душа - это интерпретатор замыслов Духа народа, она достигает этого главным образом посредством образно-символической стихии формирования саг и сказок. Она передает провидческие сны народов, живущие в сознании души ощущающей. Для души рассудочной саги и сказки имеют лишь небольшое значение; для души сознательной - совсем никакого, но в душе ощущающей они живут сильно и представляют совесть народа. Ибо как индивидуальная совесть в чувствовании и волеии есть внутреннее воспоминание того, что воспринял человек при встрече с Ангелом в состоянии сна без сновидений, так саги и сказки народов суть то, что удержали они для сознания из встречи с народной душой, интерпретирующей Духа народа. И в этой связи важно упомянуть, что

ни об одной другой фигуре Ветхого Завета не было создано и сохранено в еврейском народе больше преданий, чем о фигуре Илии. И более того: даже в Библии фигура Илии носит легендарный характер. Ведь он все-таки единственное существо ветхозаветной истории, на огненных конях живым поднявшийся на Небо.

Этим сказано, что Илия был народной душой еврейского народа. Задача сущности Илии состояла преимущественно в том, чтобы пробудить совесть израильской народной общины. Но эту задачу она исполнила с большей силой, чем какая-нибудь нормальная народная душа. Ибо сущность Илии была не поднявшимся до достоинства народной души Ангелом, а Ангелом ненормального развития, который, будучи одарен архангельскими силами, низошел до ступени народной души.

В этом причина того, почему Илия обладал силой, превышавшей силу нормальной народной души. Он был Ангелом, через которого действовала сила "Я есмь" Элогима. Поэтому он обладал могуществом второй иерархии, то есть властью над элементарными силами огня, воздуха, воды и земли.

В человеческом существе Илия также действовал сильнее, чем нормальная народная душа. Ибо если нормальная народная душа действует посредством формирования саг и сказок, то Илия действовал так, что он не просто вызывал образы в сознании души ощущающей, а придавал объективную стихийную силу этим образам, так что они становились событиями, "чудесами". Этим должны были быть вызваны потрясения людских душ, призванные пробудить в них снова сознание призвания Израиля. Подобно грому и молнии действовал Илия на людей; подобно молнии вставало перед потрясенными душами сознание забытого союза с Ягве. Они обращались, они меняли свое существо. Это своеобразие действия Илии долго жило в памяти человечества. Так, еще крестьяне предреволюционной России взирали на сущность Илии как на дух, возвещающий себя в громе. "Илья сердится", - говорили тогда обычно в грозу.

Но это изречение глубже, чем можно представить себе сперва. Ибо сила Илии, вызывавшая потрясения людских душ, была силой святого гнева духовного мира. В Илии открывался предвестник грядущей мировой грозы, Судного дня Земли и ее человечества. Вплоть до сферы Отца восходила линия творящих сил сущности Илии; в сфере Отца нужно искать высший источник сил Илии. Ибо Элогим Ягве, стоявший позади Илии, был не только ликом Христовым, но и разящей дланью Отчей.

Когда Ягве принял Израиль под свою защиту, то это значило не только, что на этом народе покоится взгляд Сына, но и что Отчая длань, храня и карая, простерта над его судьбами. Человечество, однако, вообще не может вместить Отчей любви; высочайшее познание любви, какого можно достигнуть в жизни между рождением и смертью, это познание любви Сына. Отчую же любовь человечество переживает в облике священного гнева, который представляет высочайшую силу в Космосе. И эта высочайшая сила действовала в Илии, когда через потрясения души ощущающей у людей он вызывал народное покаяние.

Если благодаря внутреннему познанию Будда поставил перед человечеством образцовую индивидуальную совесть, если потрясениями извне Илия воскрешал общинную совесть, то третья сущность действовала в смысле подготовки рождения совершенной совести таким образом, что соединяла обе противоположности. Чтобы понять действие натанова Иисуса (в отличие от Заратустры) до его четвертого жертвенного пронизания

Существом Христа, надлежит в первую очередь указать на тот факт, что, подготавливаясь к миссии гармонизации сил Я в человечестве, он действовал гармонизируя, выравнивая также и во время этой подготовительной деятельности.

И это было возможно благодаря тому, что душа рассудочная, или душа характера, уже сама по себе представляет равновесие между направленной наружу душой ощущающей и направленной внутрь душой сознательной. Именно поэтому Рудольф Штейнер дал этому члену человеческой души обозначение "душа рассудочная или душа характера (нрава)".

Ибо она соединяет в себе двойную природу - нрав как ту часть, которая склоняется больше к душе ощущающей, и рассудок как ту часть, которая склоняется больше к душе сознательной.

Эти два полюса души рассудочной могут быть поняты также как полюс художественной фантазии и полюс логических понятий. Когда сущность Иисуса действовала на душу рассудочную, пробуждая совесть души рассудочной, она действовала в двух направлениях: с одной стороны, средствами впечатлений, вызывая извне душевные движения, позднее метаморфизировавшиеся в мыслительные способности; с другой стороны, пробуждая посредством мыслей внутреннее понимание, которое позже должно было повести к действиям, исходящим из сознания.

Первое направление действия сущности Иисуса можно усмотреть в особенности в том духовном течении, которое передается через образы Аполлона и "сына Аполлона", Орфея. Выражением этой деятельности было могучее музыкальное воздействие, которое подготовило души европейцев к будущему мыслительному развитию, и о которой в различной связи говорил Рудольф Штейнер. Художественный импульс, предшествовавший богатой мыслительной жизни эллинизма, восходил к инспиративному источнику сущности Иисуса.

Другое направление действия сущности Иисуса может быть понято благодаря фигуре Кришны, как она передана, например, Бхагавадгитой. В Бхагавадгите, книге о Кришне, речь идет не об искусстве, но об учении, преподающем сумму направляющих идей. Но эти идеи не самоцель, их задача заключается в том, чтобы вызвать определенное изменение в сознании воспринимающего. Развертывая перед Арджуной учение о трех гунах, трех состояниях, и указывая на четвертое состояние, где душа как Я свободно возвышается над тремя Гунами, общими у человека с природой, Кришна хочет подготовить индивидуальную совесть, отрывая отдельного человека от групповой душевности. Ибо для Арджуны проблема заключалась в преодолении групповой душевности, когда он, колеблясь, стоял во главе одного войска против другого, где в качестве врагов выступали его родственники и близкие. И лишь после того, как он воспринял все учение Кришны, инспирированное сущностью Иисуса, он принял решение сражаться. Индивидуальное понимание оказалось сильнее, чем групповая душевность - таково было событие духовной истории человечества, имевшее место на поле битвы Курукшетры.

Внутреннее прозрение в требование кармы, дхармы, было подготовкой индивидуальной совести, как внутреннее познание, осуществленное посредством Кришны.

Так действовала сущность Иисуса, с одной стороны, на душу, чтобы подготовить общинное переживание совести, с другой стороны - на рассудок, чтобы подготовить индивидуальное переживание совести, - стоя в своем действии тем самым между великими противоположностями, Илией и Буддой.

Так действовали совместно три сущности, чтобы подготовить рождение той совести, через которую смог низойти на Землю Христос.

Ибо совесть, которая должна была воспринять в себя Христа, должна была быть пробуждена полностью, то есть она должна была бодрствовать в душе ощущающей, в душе рассудочной и в душе сознательной.

Но что значит, что совесть трех членов души пробуждена полностью? Это значит, что появилось сознание Манаса, Будхи и Атма. И мы никогда не оценим в его истинной глубине потрясающий образ шествующих к Крещению в Иордане трех оболочек натовского Иисуса, если не познаем, что сила Атма, жизнь Будхи и свет Манаса действовали в физическом теле, эфирном теле и астральном теле шествующего к Крещению в Иордане. И это бодрствование вечной триединой совести было следствием совместного действия трех сущностей, которые долгое время создавали предпосылки этого чудесного явления. Ибо лучи Будды действовали в нем, силы Илии подготавливали ему пути, а жизнь Иисуса наполняла его. Все священные мелодии Орфея, все озарения

Будды, вся одаряющая беззаветность Иисуса, а также самые зрелые плоды опыта великого Заратустры жили в облике шествующей к Иордану бодрствующей совести человечества.

Пути подготовки рождения этой совести были сложны; в действительности они были еще сложнее, чем процессы, попытка набросать которые была сделана в этом рассмотрении. Но каковы бы они ни были - одно было общее у них в конце: рождение совести, которая должна была предшествовать воплощению Христа, было, как всякое рождение, болезненным процессом. Ибо таков закон всякого рождения после грехопадения человечества (как телесного рождения, так и рождения нового сознания), что всему новому, что должно придти в мир, пространство создается путем боли. Ибо после грехопадения мир постоянно "занят"; в нем нет пространства для нового; все новое должно быть оплачено жертвой.

Поэтому путь, ведущий к духовному откровению - это путь, ведущий через боль к высокому счастью чистой совести. Радость - это обетование, данное божественным водительством человечеству; но радость эта может родиться лишь тогда, когда доступ ей будет открыт болью.

Совесть - высшее благо человечества; человечество лишь односторонне воспринимает ее как источник внутреннего беспокойства, "угрызения совести", но постепенно человечество научится тому, что она сможет стать неисчерпаемым источником радости. Она - внутреннее солнце, способное затмить своими лучами весь мрак жизни.

Ослепленный светом этого солнца, Павел пал на землю на пути в Дамаск. Это солнце он имел также в виду, когда говорил: "Не я, но Христос во мне".

VII. КАРМА ИЗРАИЛЬСКОГО НАРОДА

1. Два главных кармических потока в истории человечества

В предыдущем рассмотрении была сделана попытка наметить внутреннюю структуру действия духовных сил, участвовавших в построении человеческой организации, способной принять Христа. Из изложенного в предыдущем рассмотрении равным образом должно было явствовать, что это действие не ограничивалось израильской народной общиной, но охватывало все передовые духовные течения человечества, которые слились наконец в событии Крещения в Иордане.

Но это действие является лишь одной стороной общего свершения истории Израиля, а именно - стороной ее водительства сверхчеловеческими сущностями из духовного мира. Другая же сторона, напротив, охватывает действие человеческих сил, которые как бы снизу могут либо примыкать к высшему водительству, либо противиться ему. Взаимодействие этих двух потоков выявляет совокупную реальность описанного в Библии свершения, то есть выявляет карму израильской общины.

Легко было бы попытаться представить себе эту карму так: сверху действует духовное водительство, внизу - человеческие силы, которые либо способствуют осуществлению намерений духовного водительства, либо отказывают ему. Первое происходит, когда они доросли до этих намерений, второе же - когда они, вероятно, еще не доросли до них. Иными словами, можно подумать, что дело лишь в божественных и человеческих силах. Однако в действительности речь идет еще и о силах третьего рода, которые суть ни божественной, ни человеческой природы. Это силы мирового Зла, которые также стремятся действовать в человеческой природе, но не так, как иерархии Добра - из различных сфер духовного мира, а из различных слоев внутренности Земли. На основании этого нужно учитывать еще нечто третье, помогающее понять человеческое поведение по отношению к духовному водительству, а именно - противоводительство человечества, идущее из внутренности Земли.

Чтобы решить задачи, поставленные в этих рассмотрениях, необходимо понять, что такое внутренность Земли. Для этого прибегнем к лекции Рудольфа Штейнера от 4

сентября 1906 года из цикла "У врат теософии" (кат. 95). В ней указываются основные свойства девяти сфер внутренности Земли. Поскольку содержание упомянутой лекции наверняка известно читателям "Рассмотрений", надлежит, не повторяя его, прямо поставить вопрос: какое значение имеют девять сфер внутренности Земли в карме человека и человечества?

Если мы представим себе действие девяти духовных иерархий относительно человечества, то сможем понять это действие как осуществление божественного праобраза девятичленного человеческого существа.

Идеальный человек, то есть существо, чье физическое тело, эфирное тело, астральное тело, душа ощущающая, душа рассудочная и душа сознательная сделались совершенным выражением Духочеловека, Жизнедуха и Самодуха, есть цель, которую преследуют иерархии. Тем самым в духовном мире существует девять праобразов девяти членов человеческого существа. И воплощение в человечестве этих праобразов составляет истинное намерение всеблаготворного духовного мира.

Истинное намерение мирового Зла, напротив, заключается в том, чтобы сформировать девять членов человеческого существа в противоположном смысле. Отсюда праобразам Добра противопоставляются девять противообразов, по которым должен быть сформирован человек. Но девять праобразов Зла нужно представлять себе не просто как идейные противообразы божественных праобразов, но и как соответствующие силы и субстанции, которые содержатся в девяти сферах внутренности Земли. Девять сфер внутренности Земли - это космическое вместилище сил и субстанций, из которых должен быть сотворен замышляемый злыми властями девятичленный злой человек.

Так, минеральный слой Земли - это та сфера, которая доставляет субстанцию и силы злострому противообразу физического тела. И восприняв минеральные субстанции в наше физическое тело, мы, люди, оказались втянуты в первую сферу Зла.

Следствием грехопадения стало то, что человек связал свое физическое тело с минеральным телом. Истинное физическое тело - это организация воли (не личная воля, а организация воли) человека, и то, что эта организация воли, названная Рудольфом Штейнером в цикле лекций "От Иисуса ко Христу" словом "фантом", оказалась связана с минеральным телом, и является, с одной стороны, причиной слабости человека, который всегда должен носить с собой свою тюрьму, а с другой стороны, залогом грядущей славной победы силы Духа над косностью вещества.

Второй слой внутренности Земли ("текучая земля") содержит противосилы эфирного тела, тогда как третий слой ("воздушная земля") содержит противосилы астрального тела.

Три следующих слоя ("земля форм", "земля плодов", "огненная земля") содержат противосилы души ощущающей, души рассудочной и души сознательной.

Шестой слой внутренности Земли, который содержит противоположность души сознательной, есть собственно ариманический слой внутренности Земли. Этот слой в наше время посылает к земной поверхности опаснейшие импульсы зла.

Следующие три слоя внутренности Земли развернут свою активность в человеческой истории лишь в будущем. Они содержат злые противообразы существа Манаса, Будхи и Атма.

Девятый слой внутренности Земли ("ядро Земли") содержит вместе с тем духовно-злое, то есть силы, которые стоят столь же высоко на лестнице зла, как силы Духочеловека (Атма) на лестнице Добра.

Вышеприведенные описания высказаны в схематической форме; учитывая поставленную задачу, приходится отказываться от более подробного изложения. Но на основе упомянутой лекции Рудольфа Штейнера вполне возможно лишить эти взаимосвязи их схематического характера.

Если мы поставим теперь следующий вопрос: "Как может быть конкретно представлен идеальный праобраз человека?" - то ответ, даваемый оккультизмом, будет следующий: постоянно стремитесь к тому, чтобы представить себе Иисуса Христа в Его

реальности, понять, ощутить Его, и вы познаете, что в облике Воскресшего на Земле присутствовал Богом поволенный праобраз человечества. Он - образец как для людей, так и для богов. Ибо по Нему боги должны творить человека; человек же должен стремиться сравняться с Ним.

Девять членов существа Воскресшего представляют идеальное воплощение праобразов девяти членов человеческого существа. Поэтому Иисус Христос - это смысл развития человечества. Однако этому смыслу развития человечества иерархиями Зла противопоставлен противосмысл. Он заключается в претворении в жизнь девятичленной сущности Антихриста. Ибо Антихрист - это не "сказка", не просто "принцип", не просто всеобщий "импульс", а конкретная сущность, имеющая задачу представить абсолютный праобраз развития человечества в смысле Зла. В нем в Космосе должна возникнуть человеческая сущность, целиком образованная девятью слоями внутренности Земли. Подобно тому, как Иисус Христос представляет конкретное откровение девяти иерархических сфер, так Антихрист должен представлять конкретное откровение девяти слоев внутренности Земли.

Это причина того, почему с атлантической эпохи существуют два главных оккультных течения, сделавшиеся затем кармическими течениями. Существует, разумеется, еще третье течение, которое можно было бы обозначить как "компромиссное течение", но которое полностью исчезнет в будущем. Ибо в период разделения человечества сначала на две культуры (во время 6-й культурной эпохи), а затем - на две расы, не сможет существовать никакого компромиссного течения: все люди должны будут тогда принять свое решение: какой из двух образцов развития человечества они хотят избрать.

Оба указанных течения сначала нашли свое историческое выражение в белой и черной магии атлантов. Люди, покинувшие Атлантиду под руководством Ману и основавшие во внутренней Азии расадник послеплатонических культур, принадлежали к тому течению, которое стремилось воплотить поволенный Богом праобраз человека. Это течение нашло свое продолжение в иранской культуре, основанной великим Заратустрой. Другое течение распространилось в облике туранской культуры. Борьба между Ираном и Тураном была кармическим продолжением изначальной атлантической противоположности. Эта же самая борьба позже приняла вид противоположности между течением Ягве и течением Ваала. Тому, что несмотря на временные поражения эта борьба закончилась все-таки победой течения Ягве, человечество обязано тем, что Христос Иисус смог явить себя на Земле.

Однако с тех пор духовная борьба отнюдь не прекратилась. В новоперсидском царстве Сассанидов был основан крепкий оплот противохристианского течения, когда в Гондешапуре был создан центр оккультной и культурной деятельности ведущих индивидуальностей этого течения. Другое течение в это время разворачивало свою деятельность из Ирландии. Серединой же, то есть странами в бассейне Средиземного моря, владело тогда компромиссное течение политического и духовного Рима. После того, как действие Гондешапуре было притуплено (выражение Рудольфа Штейнера) волной ислама в седьмом веке, оно медленно, столетиями, на окольных путях арабизма просачивалось в христианский мир, пока в 19 веке не отпраздновало свой триумф на Земле во внешних формах западного материализма.

Таковы основные черты действия христианской и антихристианской инспирации в истории человечества. То, что имелось в виду в первом рассмотрении под кармическим течением "вечного Израиля", есть не что иное, как указанное здесь течение, стремящееся к воплощению замысленного иерархиями Добра праобраза человека. Это течение с тем же правом можно было бы назвать "вечным Ираном", но, учитывая задачу этого рассмотрения, следует предпочесть первое обозначение.

Признав факт обоих главных течений в развитии человечества, оказываешься перед вопросом: как может существовать кармическое течение зла? Ведь после смерти каждый человек проходит очищение камалоки и свою ближайшую инкарнацию подготавливает из

царства Добра, Девахана. Если человек, таким образом, не может переносить зло из одной инкарнации в другую, то нить зла обрезается всякий раз после смерти, и человек в последующей жизни должен просто нести следствия зла своей предыдущей инкарнации, но не само это зло.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть не только то, что происходит в духовном мире, когда человек переходит в состояние между двумя инкарнациями, но также и то, что происходит в это время во внутренности Земли. Ибо в то время, как человек воспринимает в состоянии камалоки моральные импульсы к исправлению допущенных им несправедливостей, его двойник в то же время воспринимает во внутренности Земли отражение этих импульсов, то есть усваивает противоположные инспирации. И если человек затем снова рождается на Земле, то он является, с одной стороны, с внутренним опытом духовного мира Добра, а с другой стороны, этот опыт должен противостоять опыту, проделанному между тем его двойником в царстве Зла. Тем самым человек должен преодолевать зло во время жизни между рождением и смертью. Он никогда не станет "свободным" от него, лишь избегая его. Ибо непреодоленное в земной жизни зло сохраняется, и человек должен все снова вступать в тесную связь с ним, пока однажды в период между рождением и смертью он не преодалет его.

Благодаря этому факту становится понятно, как существует непрерывное течение зла: нити зла в человеке тянутся от одной инкарнации к другой через слои внутренности Земли точно так же, как нити Добра в человеке тянутся на протяжении инкарнаций через небесные сферы камалоки и Девахана.

Так можно понять, например, как получается, что один человек мстит другому человеку в следующей инкарнации (подобные случаи приводятся в лекциях Рудольфа Штейнера о карме). Несомненно, что мысль о мести такой человек создал не в состоянии камалоки, и тем более - не в состоянии Девахана, тем не менее может случиться (хотя это не обязательно), что этот человек мстит в следующей земной жизни.

Нить мысли о мести проходит не через Небо, а через нижний мир внутренности Земли, и так возникает непрерывность зла в человеческой карме, то есть возникает также и кармическое течение зла в истории человечества.

Но если это так, то, пожалуй, почти все люди принадлежат к кармическому течению зла? - можно было бы с беспокойством спросить себя. Необычайно важно понять, что то, что люди называют праведностью или даже святостью, не является "праведностью" перед Богом. (Стоит вспомнить лишь слова Иисуса Христа: "Никто не свят, один только Бог".) При решении вопроса о кармической принадлежности к тому или иному кармическому течению дело не в кармических внешних пороках и добродетелях, а во внутренней позиции по отношению к духовному миру. Тут решают не пороки, а отрицание духовного мира и клевета на него. Евангельские слова о том, что все грехи могут проститься и только грехи против Духа Святого - нет, истинны буквально. И они являются решающими в вопросе о принадлежности к двум кармическим течениям.

В корне неверно воспринимать, например, Ленина как преступника в человеческом смысле. Напротив, он был человеком, свободным от многих человеческих слабостей, потому что он целиком отдал себя страшному, враждебному людям делу. Да, этих слабостей у него было меньше, чем у многих его противников, стоявших на христианской и человеческой почве. Человеческие недостатки и прегрешения выравниваются личной человеческой кармой, когда человек либо свободно искупает их жертвенными деяниями, либо бывает должен страданиями искупить их; духовный мир жалеет человека из-за этого, а не осуждает его. Грех против духа есть, напротив, преступление по отношению ко всему Космосу: человек становится тогда врагом духовного мира.

Если мы научимся различать между "праведностью перед людьми" и "праведностью перед Богом", то поймем, почему святые Библии (включая Евангелия) столь мало "святые". Царь Давид, например, упоминается как образец праведности во многих местах Ветхого Завета, а также и в Евангелиях. Но, читая его жизнеописание, оказываешься вынужден

признать, что традиционное представление о "святом" неприменимо к его фигуре. Ключ к пониманию этой загадки дает тот факт, что под библейской "святостью" подразумевается нечто принципиально иное, нежели мы привыкли представлять себе под влиянием церковного христианства. Библия имеет в виду как раз не "праведность перед людьми", то есть праведность в отношении души к телесному миру, а "праведность перед Богом", то есть праведность в отношении души к духовному миру. Ибо душа поставлена между двумя мирами и находится в постоянном попеременном действии в направлении вверх и в направлении вниз; отсюда существует также и два рода заслуг и грехов. В направлении вниз человек вообще не может быть "святым", то есть свободным от ошибок. Но в направлении вверх человек может в преданности и почитании быть связанным с духовным миром. "Оправданность перед Богом" есть тем самым правильное отношение человека к духовному миру, это исполнение духовного призвания человека на Земле.

В этом смысле можно понять также и принадлежность к спиритуальному кармическому течению; решающим при этом является не человеческая добродетельность, а спиритуальность, то есть истинная моральность человека, звучание которой раздается не только на Земле, но и на Небе. Поэтому филаделфийская община людей б-й культурной эпохи будет состоять не из "святых", а из духовно-одаренных людей так же точно, как "злое" человечество будет состоять из людей, отрицающих дух, а не из преступников. Зато это человечество выставит и осуществит достижимый в массовом порядке стандарт "безупречности".

Вместе с тем есть истинная моральность, зачинаемая и взращиваемая в сокровенном, которая определяет выбор кармического течения. Она порождает как следствие внешнюю моральность, то есть бдительность совести во всех частностях жизни; тем не менее эта внешняя моральность есть точно так же кармическое следствие внутренней моральности, как и исчезновение многих болезненных симптомов есть следствие внутреннего выздоровления организма. Она есть оздоровление человеческой организации мысли, чувства и воли силой внутренней моральности. "Грешник" для духовного мира - это больной, который должен быть не осужден, а исцелен. С точки зрения истины, все человеческие слабости суть симптомы заболевания; преодолеваются они не противоположаемыми симптомами здоровья (то есть человеческими добродетелями), а внутренним выздоровлением душевной жизни. Способствуют же выздоровлению целительные силы духовного мира, а не предписания, принципы и суждения.

Если действительно осознать сказанное выше, то ответ на вопрос о природе людей, принадлежащих к "белому" кармическому течению, поднимается на иной уровень. Ибо решающее тогда ищется и находится уже не в свойстве человеческой природы, несущей в себе следствия грехопадения, а в поведении свободного человеческого Я. А это дает совершенно иную картину положения вещей, при котором, в принципе, все люди могут принадлежать к "белому" течению.

По этой причине и выражение "вечный Израиль" должно пониматься не в смысле кальвинистского учения о предопределении, утверждающего, что определенное число индивидуальностей "избрано" навечно; в действительности к "белому" течению постоянно примыкают новые индивидуальности, и также существуют кармические предатели, покидающие его и примыкающие к противоположному течению. Оба главных кармических течения постоянно открыты для входа и выхода, чему не противоречит тот факт, что существует некоторое число индивидуальностей (они считаются именно ведущими индивидуальностями), которые со времен древности со всей решительностью принадлежали тому или иному течению.

Оба течения являются зримым выражением действия двух источников инспирации в человеческой истории: духовного мира и внутренности Земли.

Приходящие снизу инспирации суть как бы перевернутые копии истинных инспираций духовного мира. В то время как высоко вверху в духовном мире говорят боги, глубоко внизу демоны превращают это же самое в противоположность. И если мы теперь

с этой точки зрения взглянем на могущественный образ всемирноисторического трагизма - Моисея, который на вершине горы внемлет откровению Элогима Ягве, в то время как у подножия этой горы израильский народ предает себя золотому тельцу, то мы уловим тот момент, когда нижняя инспирация включилась как народное переживание в израильскую духовную жизнь. Начиная с этого мгновения в израильскую духовную жизнь находит доступ инспирация лже-Мессии. С этого времени вся история Израиля заключалась не только в борьбе с враждебными силами окружения, но и с иной инспирацией внутри народной общины. Эта иная инспирация была противоположностью ожидания Христа; то было ожидание высшего воплощения принципа власти на Земле. После исполнения ожидания Христа иная инспирация действует далее, и ожидание Мессии все еще живо.

Врата для входа течения Ваала в сердце израильского народа открылись в то мгновение, когда был почтен золотой телец. То было мгновение, когда родилась трагическая карма израильского народа.

2. Ягве и Ваал в судьбе Израиля

Погружаясь в упомянутый выше образ Моисея, воспринимающего в вышине инспирации духовного мира, и народа, предающегося внизу золотому тельцу, можно внутренне глубоко познать основные импульсы судьбы Израиля. Золотой телец - это, правда, еще не служение Ваалу, но он был теми вратами, которые открылись для служения Ваалу. Ибо оттого, что народ избрал символ Тельца выражением того высшего, что подлежит почитанию, произошло изменение в направлении потока народной воли: поток воли, направленный в будущее, обратился в прошлое. Ибо внутренним смыслом исхода из Египта было именно удаление от культуры Тельца, прошлого (в смысле зодиакальных сил Тавра), чтобы в пустыне, где не было никаких влияний прошлых культурных течений, перестроиться на грядущий поток Овна (в смысле зодиакальных сил Ариеса).

Дав своей воле направление в прошлое, народ оторвался от источника инспираций духовного мира, претворяющего в жизнь будущее, из которого черпал свои откровения Моисей.

Следствием этого отчуждения было раскрытие себя для иной инспирации из будущего. Ибо таково неизбежное следствие отворачивания от стремления к движению в будущее с его риском и борьбой - наступление другого будущего, совсем не того, которого первоначально домогались. Ничто не может быть лишено будущего; отрекаясь от будущего, поволенного духовным миром, оказываются вследствие этого на путях, ведущих к будущему, поволенному из внутренности Земли.

Эти Тракты можно было бы описать точнее следующим образом: если представить себе горизонтальную стрелу, идущую слева направо, как духовное водительство, претворяющее в жизнь будущее, а под нею - другую стрелу, представляющую соответствующий, устремленный к будущему человеческий волевой поток, то получится образ для условий устойчивой и правильной инспирации.

Если же, напротив, происходит поворот потока воли в направлении к прошлому, то вследствие этого возникает брешь, пустое пространство по отношению к верхнему руководству волей.

Это пустое пространство может быть наполнено снизу силой, заменяющей отсутствующую человеческую волю.

Нечто подобное произошло с отпавшим в пустыне народом: он получил внутреннюю склонность к импульсу Ваала, внутреннюю движущую силу для ваалова будущего. С тех пор в народе постоянно присутствовала воля отдаться ваалову служению; потенциальная готовность к восприятию течения Ваала стала с тех пор постоянной опасностью для израильского духовного течения.

Чтобы суметь по достоинству оценить серьезность этой опасности, необходимо понять существо культа Ваала как противоположность культа Ягве. Но чтобы понять это, необходимо уразуметь ту истину, что всякая эпоха в развитии человечества обладает определенной задачей не только в области общекультурного развития, но также и в области оккультизма. Эту задачу можно было бы понять как "метод", являющийся правильным для среднего ученика мистериальной мудрости соответствующей эпохи. Так, например, вплоть до 1879 года "методом" было развитие логических инициативных сил головы, которым давался ответ из сил сердца. Создание циркулярной системы вопроса и ответа между головой и сердцем было задачей последней эпохи. В настоящее время задача уже иная: она состоит в созерцающем мыслительном познании, которое достигается посредством развития сил совести, чтобы затем энергично жить в творческом Слове.

В эпоху древнееврейской истории задача заключалась в том, чтобы создать прямой поток воздействия из центра сознания в голове в волевой центр системы обмена веществ. То, что известно внешне как "закон", было одновременно методом внутреннего развития. Ибо "закон", в сущности, означает внутренне, что воля должна подчиниться определенным мыслям, явленным в откровении. При этом не было сердечной культуры свободной моральности, она стала возможна лишь в более позднюю эпоху развития. Тогда же речь шла лишь о прямом влиянии на инстинктивную жизнь воли посредством определенного, явленного в откровении мыслительного содержания, которому власть Ягве придала силу для действительного овладения волевой жизнью. Глубоко понять существо этого метода можно, взяв за исходный пункт для углубленной работы изложения Рудольфа Штейнера относительно культуры пророков и культуры сивилл в цикле лекций "Христос и духовный мир" (кат. 149, особенно лекция 4). Эти лекции Рудольфа Штейнера, если от них будет воспринято побуждение к дальнейшей работе, могут дать в руки вообще один из важнейших ключей для понимания Ветхого Завета.

Но для каждого метода каждой эпохи существует опасность превратиться в свою противоположность. В ветхозаветную эпоху эта опасность была представлена методом Ваала. Последний заключался в том, что инстинктивная волевая жизнь возводилась прямо вверх, в голову и завладевала жизнью представлений и мыслей человека. Из-за того, что неочищенная воля устремлялась снизу вверх, силы внутренности Земли вызывали на этом пути извращение всей жизни представлений. Через это возникал другой "закон", вливавший в человека извращенные представления.

Предписания этого "закона" казались "правильными" таким людям, потому что они были полностью исполнены той же самой волей, которая создавала эти представления. Таким образом возникло, например, предписание, согласно которому первенцы должны были приноситься в жертву.

Если бы метод Ваала вытеснил теперь метод Ягве (метод Я), если бы настроение "снедающий огонь воли наполняет меня и побуждает меня к действиям" одержало верх над настроением "благоговеюно склоняюсь я пред мудростью Божьей и предаю себя воле Его", воплощение Христа на Земле было бы невозможно, и тогда, быть может, воплотилось бы иное существо, которое оказалось бы роковым для человечества.

Если мы в этом свете рассмотрим, например, Книгу Царств Ветхого Завета, то мы увидим, с каким необычайным риском связано было продолжение миссии Ягве. Часто течение Ягве было подобно тонкой нити, готовой прерваться; иногда казалось, что оно окончательно побеждено течением Ваала. В этой борьбе действительно бывали мгновения, когда все будущее миссии Израиля висело на волоске. Таким было мгновение измены Ягве, когда под водительством Моисея израильтяне остановились в Ситтине (4 кн. Моисея 25). Измена была подготовлена мидианитскими и моавитскими женщинами, которые по совету мага Валаама, сына Веорова из Пефора (4 кн. Моисея 31; 16), были использованы как средство для достижения цели мидианитскими и моавитскими

старейшинами. Цель действительно была достигнута: "И прилепился Израиль к Ваал-Фегору.

И воспламенился гнев Господень на Израиля" (4 кн.Моисея 25; 3).

"Благоволение" и "гнев" Господень означали кармически преуспеяние и истребление, жизнь и смерть. В этом случае смерть должна была истребить подавляющее большинство израильской народной общины. Если бы смерть коснулась всех, охваченных влиянием Ваала, могло бы случиться так, что истории Израиля снова пришлось бы начинаться со стадии патриархов Авраама, Исаака и Иакова в виде маленького рода в несколько тысяч человек. И люди должны были бы умереть, ведь они не только стали непригодны далее служить миссии Израиля, но именно потому, что они даже представляли бы опасность для нее. Ибо следствие действия, сознательно проведенного враждебными старейшинами, заключалось в том, чтобы у всех, павших жертвой хитрой уловки, изменилось направление потока в эфирном теле. Направленный сверху вниз поток Ягве был заменен направленным снизу вверх потоком Ваала. Такие люди становились органическими противниками миссии Ягве.

Но тут произошел молниеносный поворот в этой роковой судьбе. Финеас, внук Аарона, свершил деяние, вызвавшее поворот кармических следствий. Чтобы постичь тайну этого поворота судьбы, нам нужно еще глубже, нежели это было в предшествующем рассмотрении, проникнуть в действие сущности Илии.

3. Кармическая миссия сущности Илии в ветхозаветной истории

В предыдущем (6-ом) рассмотрении была сделана попытка охарактеризовать Илию как народную душу древнего израильского народа, при этом как народную душу неправильного рода, то есть как нисходящую сущность, которая действует с большими силами, нежели бывают у нормальной народной души. Большая возможность действия сущности Илии была заложена, с одной стороны, в силах, которыми она обладала, а, с другой стороны, была обусловлена тем внутренним отношением, которым сущность Илии была связана с человеческими индивидуальностями.

Действуя одновременно как народная душа и как Дух-Хранитель отдельных людей, она обладала возможностью действовать так, что деяния одного человека приобретали кармическое значение для всего народа. Благодаря особому отношению к отдельному человеку деяния этого отдельного человека могли приобрести значение народных деяний для кармического свершения Израиля. Таким образом, сущность Илии стала связующим звеном между духовным руководством израильского народа и человеческим волевым потоком этого народа. Она участвовала как в одной, так и в другой стороне общего кармического свершения.

Имагинативно ее можно представить себе как внутреннюю молнию духовного руководства, воздействующую на человеческую волю как народное событие.

Духовное водительство Илии. Человеческая воля.

Этим ударом сущность Илии вызвала усиление и преобразование народной воли в правом смысле.

Это произошло в то мгновение, когда Финеас, сын Елеазара, взял в свою руку копье. Его рука свершила деяние, имевшее не только индивидуальное, но и общее значение.

"...и прекратилось поражение сынов Израилевых. Умерших же от поражения было двадцать четыре тысячи. И сказал Господь Моисею, говоря:

Финеас, сын Елеазара, сына Аарона священника, отвратил ярость Мою от сынов Израилевых, возревновав по Мне среди их, и Я не истребил сынов Израилевых в ревности Моей." (4 кн. Моисея 25; 8-11)

В таких словах излагает Библия истолкованный выше факт.

Не внешнее деяние Финеаса оказало такое действие (ибо ведь были умерщвлены двадцать четыре тысячи, тем самым само по себе внешне оно не было исключением), а факт того, что это было деяние народной души в человеческой воле (об отношении Финеаса к Илии Рудольф Штейнер говорит в цикле лекций об Евангелии от Марка). Оно должно было повернуть кармическую силу народной судьбы, потому что в нем имело место взаимодействие воли народной души и индивидуальной человеческой воли. Необходимо мыслить себе, что в мгновение вмешательства Финеаса произошло потрясение, принесшее исцеление от внутренних следствий влияния Ваала. Эфирные тела людей были преобразены этим потрясением, они снова стали "эфирными телами Ягве", то есть направление их течения изменилось. "Прощение" народа означало, в действительности, исцеление. (И в наше время всякое прощение означает исцеление души или тела. Нужно лишь вспомнить в этой связи слова Христа: "Встань и ходи, отпускаются тебе грехи твои".)

Еще раз, во вторую эпоху истории Израиля, спасительно вмешивается сущность Илии. В эпоху царей (от Давида до вавилонского пленения) духовно наиопаснейшим было время правления Ахава и Иезавели. В это время служение Ваала сделалось официальной народной и государственной религией в царстве Израильском. Состояние духовной жизни народа этого времени яснее всего отмечено в словах Илии-Набота:

"И подошел Илия ко всему народу, и сказал: долго ли вам хромать на обе стороны? Если Ягве есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте. И не отвечал народ ни слова.

И сказал Илия народу: я один остался пророк Господень, а пророков Вааловых четыреста пятьдесят человек..." (3 кн. Царств 18; 21-22)

Таково было тогда соотношение обоих течений: один пророк Ягве против четырехсот пятидесяти пророков Ваала перед лицом нерешительного, позволяющего вести себя, ищущего компромисса народа. О смысле деяния Илии-Набота на горе Кармель говорилось в предыдущем рассмотрении. Здесь дело заключается в том, чтобы понять это деяние с иной точки зрения. Эта точка зрения складывается естественно, если сравнить деяние Финеаса с таковым Илии-Набота. В первом случае это был человечески-душевный импульс, которому была придана власть природного события, поскольку произошло преобразование испорченных эфирных тел. Во втором же случае это было природное событие (молния с неба), которому было придано морально-человеческое действие. Этим было вызвано в душах присутствовавших решение в пользу Ягве. Если первое деяние было очищением эфирного тела, то второе деяние простерлось на астральное тело. Благодаря этому астральное тело было очищено от Ваалова импульса, а миссия Израиля снова спасена.

То, что в деянии Илии - Набота речь шла именно об астральном теле, можно усмотреть не только из описания в Библии, но также и из факта возрастной ступени израильского народа. Ибо если во время первой возрастной ступени народа (от исхода из Египта до Давида) могло быть испорчено эфирное тело, потому что оно еще не было сформировано, то в эпоху от Давида до вавилонского пленения могло быть испорчено астральное тело, поскольку оно формировалось в это время. Зло всегда действует именно орережающе, оно постоянно стремится достигнуть преждевременных родов. Поэтому в то время, когда, например, эфирное тело уже "родилось" (то есть стало самостоятельным), оно стремится напасть на астральную организацию, чтобы воспрепятствовать правильному рождению астрального тела и чтобы вместо этого произошли преждевременные роды. Именно это было задачей ваалова служения, которое отправлялось Иезавелью и Ахавом. В то время, когда народ проходил возрастную ступень

подготовки рождения астрального тела (соответствующую возрасту человека между 7 и 14 годами), ему должна была быть привита астральность, формирующая астральное тело иначе, нежели замыслилось духовным водительством.

Мы поймем совместное действие как Илии-Набота, так и Илии-Елисея, если постигнем его как исцеление астрального тела. Ближе это деяние описывается Рудольфом Штейнером в цикле "Поворотные пункты духовной жизни" (Берлин, 14 декабря 1911 г., кат. 61), по этой причине нет необходимости в дальнейшем рассмотрении этих фигур. Лишь на одну подробность необходимо было бы указать, а именно на факт насильственной смерти Набота, вызванной Иезавелью и Ахавом.

Этот факт важен, поскольку он предоставляет нам пример сказанному в начале этого рассмотрения относительно кармической непрерывности зла. Ибо благодаря этому факту можно прийти к познанию того, каким образом прошлое может отомстить в будущем. Осененный Илией Финеас умерщвляет начальника поколения Симеонова и мидианитскую княгиню, злоупотребившую страстью как средством для ваалова влияния. Теперь же происходит так, что осененный Илией Набот умерщвляется Иезавелью и Ахавом, предавшимся служению Ваалу. Действенность Илии, разумеется, не могла быть нарушена от этого, так как он мог действовать далее через иную личность, через Елисея, однако акт мести все-таки свершился. На этом примере можно увидеть, как сохраняются импульсы прошлого и как они могут оказывать действие в отдаленном будущем.

В третий раз сущность Илии появляется на арене истории Израиля в решающие годы, предвещающие пришествие Христа на Землю. О необходимости появления Илии и о серьезности того времени волнующими словами говорит пророк Малахия:

"Вот, я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы я, придя, не поразил земли проклятием." (Малахия 4; 5-6).

В облике Иоанна Крестителя народная душа Израиля в последний раз действовала как народная душа. Поэтому все, что имело место до Крещения Иисуса в Иордане, будет правильно рассматривать как ветхозаветную историю. Здесь пролегает точная граница между Ветхим и Новым Заветом. Ибо и тридцать лет жизни Иисуса вплоть до мгновения Крещения в Иордане принадлежали подготовке пришествия Христа, а значит - Ветхому Завету.

Это попутное замечание было необходимо для оправдания рассмотрения фигуры Иоанна Крестителя в труде, посвященном Ветхому Завету. Миссия Иоанна Крестителя в действительности столь тесно связана с Ветхим Заветом, что не может быть отделена от него. Это тем легче усмотреть, если понять, что через Иоанна действовала сущность Илии, завершающая дело подготовки, то есть дело всей ветхозаветной истории. В чем состояло это завершение, мы сможем понять, рассмотрев процесс Иоаннова Крещения.

Крещение было лишь последней стадией определенного внутреннего преобразования, через которое проходили ученики Иоанна. Ибо прежде чем они могли пережить водное крещение, они должны были достигнуть определенной степени расслабления эфирного тела, чтобы в момент крещения расслабленное эфирное тело могло частично освободиться от физического тела. Предварительное расслабление эфирного тела, которое в пору первых столетий нашей эры еще облегчалось естественными задатками, вызывалось силой пробуждавшейся совести. Слово же Иоанна обладало силой будить совесть народа. Проповедь крещения следует представлять себе не просто как критику эпохи и, тем более, не как моральную проповедь. Слова Иоанна обладали свойством молниеподобной силы сущности Илии. Правда, сила эта на выражалась уже во внешних чудесах, так как действие ее возвысилось до высочайшего чуда - оклика бдящей совести. Таинственная сила Иоанна Крестителя раскрывалась не в его делах, не в пророчествах, но в его голосе. Он отвечал "нет" на вопрос о том, кто он - пророк, то есть провозвестник грядущего, или Илия, то есть чудотворец минувшего. Потому что он не был ни передатчиком откровений, ни чудотворцем, но голосом гласящего из уединения совести. И в действительности вся

сила Иоанна была в его голосе. Иоанн говорил вовне так, как совесть гласит внутри. Никто не мог позабыть его голоса, он проникал глубоко, в самые сокровенные основы души.

Иоанн не говорил: "Написано: приблизилось Царство Небесное", или: "Бог открыл мне, что Царствие Небесное приблизилось", нет, Иоанн говорил просто: "Приблизилось Царство Небесное", - и всякий, кто его слышал, мог воспринять в его голосе присутствие Царства Небесного.

Чтобы понять это, необходимо знать, что все способности человека проходят через три ступени зрелости. Рудольф Штейнер обозначил эти три ступени как имажинацию, инспирацию и интуицию. Но существуют весьма различные проявления этих трех ступеней в зависимости от той из семи способностей человека, которая действует в данном случае. В сущности, существует двадцать один род проявления семи сверхчувственных способностей. Одной из этих способностей является слово, и способность "слова" также развивается через три ступени.

Первая ступень "слова" состоит в том, что человек может изложить ближним нечто новое, познанное им относительно духовного мира, вторая ступень достигается, если духовный мир гласит вместе с человеком и через него, и третья, высшая ступень развития "слова" есть речь, через которую открывается нечто новое как для физического, так и для духовного мира. Тогда человек и духовный мир одновременно гласят и вслушиваются: духовный мир раскрывает тогда человечеству свои тайны, человечество же раскрывает свои тайны духовному миру. Тут человек не является ни передатчиком, ни пророком, но становится голосом, гласящим одновременно из и для обоих миров. Он становится голосом, текущим из уединения совести, ставшей единой с духовным миром.

Иоанн говорил из себя в самом глубоком смысле этого слова, и поскольку он делал это, через него гласила сущность Илии, в голосе Иоанна действовали молнии откровений Илии. Его слова жили в душах и вызывали изменение существа, то есть пробуждение совести. Силы совести, переживаемые сначала как мужество познания, преодолевающее стыд и ужас, расслабляли потрясенное этим преодолением эфирное тело. Если эфирное тело было достаточно расслабленным таким образом, то человек был зрелым для переживания крещения. В крещении внутренне переживали высвобожденное эфирное тело. Это переживание состояло в созерцании жизненного табло, то есть истинной картины всей жизни. И поскольку тот, кого крестили, как зритель переживал при этом себя вне своего жизненного потока, крещение означало для него пробуждение истинного Я.

Так, Иоанн-Илия подготавливал людей-Я, чтобы Христос встретил людей, пробужденных от жизненного чада. Ибо если бы Иоанн не совершил этого приготовления, не было бы ушей, которые могли бы внимать Христу. Благодаря делу Иоанна вокруг Христа мог образоваться круг людей, способных нести навстречу Христу по крайней мере столько, чтобы Он смог и словесно обратиться к человечеству.

Такой предстоит перед нами во всем своем величии миссия сущности Илии в карме израильского народа. В фигурах Финеаса, Набота-Илии, Елисея-Илии и Иоанна Крестителя действует она в решающие мгновения судьбы этого народа, от ступени к ступени возводя свое дело исцеления и пробуждения: сперва она целительно действует на эфирное тело, затем - очистительно на астральное тело, чтобы подняться наконец к деятельности, пробуждающей Я. Эти степени отвечают трем "возрастным ступеням" жизни израильского народного организма.

В последующем изложении будут рассмотрены три эпохи ветхозаветного развития в аспекте характерных фигур.

VIII. МОИСЕЙ

1. Сущность мудрости Моисея

История еврейского народа начинается с исхода из Египта. Это событие может рассматриваться как момент его рождения, ибо с той поры началась собственная жизнь нового народа, оставившего египетскую оболочку. Однако это был сложный и болезненный процесс, не закончившийся и после перехода через Мёртвое море. Полное освобождение от наследия Египта, начавшееся лишь благодаря исходу, совершилось спустя сорок лет странствования по пустыне, последовавших затем. И миссия египетского посвященного Моисея, поднявшегося до познания Ягве, состояла как раз в том, чтобы приступить к этому освобождению и провести его в жизнь, а также дать новому народу новое культурное содержание, которое будет наполнять его будущее.

Подобно тому, как Авраам, Исаак и Иаков дали основополагающие импульсы израильского мышления, чувствования и воления, которые как задатки действовали в подсознании, так все дневное сознательное мышление и стремление этого народа покоится на мудрости Моисея. То, что действовало в крови народа, шло от трех патриархов, а мировоззрение и восприятие жизни, жившие в его сознании, произошли от Моисея. Вклад Моисея в ветхозаветную историю относился ко вкладу патриархов, как Я относится к астральному, эфирному и физическому телу. Импульс воли, чувства и мысли, действовавший в трех телах, Моисей поднял в дневной свет мудрости.

Разумеется, мудрость эта была мудростью откровения, что отвечало эволюционным отношениям того времени, ибо логическая мыслительная жизнь была еще невозможна, но все-таки гласила к мыслительному чувству, принадлежащему дневным внешним чувствам. В этой связи следовало бы упомянуть, что "до-логические" эпохи в истории человечества, то есть эпохи, когда еще не существовало логического мышления в понятиях, не были лишены ни мысли, ни логики. Напротив, великие мысли двигали души в более высокой мере, нежели это происходит ныне, и последовательность, с которой они претворялись в жизнь, обнаруживает силу логики, которой лишена современная эпоха эмпирического опыта. Мысли существовали, великие мысли, как путеводные звезды величаво сиявшие над всяким человеческим стремлением, предопределяя его во всех подробностях с логической последовательностью, достойной удивления. Но только мысли эти были порождены не людьми; то были откровенные мысли, с космической логикой поставленные перед мыслительным чувством человека из космических высей. Но мыслительное чувство не равнозначно способности логического мышления, производящего суждения. Это последнее - уже деятельность человеческого Я, тогда как чувство мысли принадлежит к внешним чувствам человеческой организации. Если бы, например, сегодня захотели воспринимать мысли по-старому, то тогда с помощью способности мышления, которая охватывает как чувство мысли, так и силу суждения, делали бы то же самое, как если бы употребляли руки лишь для того, чтобы касаться предметов, не стремясь работать этими руками. Дар прикосновения может развиваться при этом до большой утонченности, но рабочая сила рук со временем атрофировалась бы.

Если мысли сегодня просто воспринимаются, без продумывания с помощью собственной способности суждения вплоть до честно добытого последнего вывода, то порождается видимость мыслительной жизни. Человек тогда полон мыслями, которые он сохранил как восприятия чувства мышления, но сам он в действительности лишен мыслей. Он может чувствовать себя весьма удовлетворенным, ибо это состояние удобно, но попади он в ситуации, требующие инициативы суждения, и он беспомощнее, нежели многие другие, которые менее "мудры", но больше стремились к самостоятельному мышлению. Подобные люди, как правило, поддаются внушению массового суждения.

В наше время "ветхозаветное" отношение к познанию представляет серьезную опасность, это яд, парализующий лучшие силы нашего времени. Но на практике даже у людей, верующих в авторитет, в наше время все-таки существует потребность в собственном суждении, она лишь переносится из области познания человеческих и космических вопросов в область вопросов лично-человеческих. Тогда это выражается в

форме нездорового одобрения и порицания людей: осуждают одних и причисляют к лику святых других людей.

Так сказывается в современности одностороннее стремление к восприятию мыслей как содержания откровения. Но во время Ветхого Завета действие было существенно иным. Тогда через внешнее чувство мышления мысли светили глубоко внутрь. Световая сила мысли действовала на людей непосредственно, как бы с силой внушения. И люди благоговейно склонялись перед мыслями как знаменами слова Божия. Бог Израиля сам собственной рукой начертал десять заповедей на каменных скрижалях Моисея, - говорится в Библии. Это истинно буквально, истинно в более глубоком смысле, нежели привыкли интерпретировать это место в Библии.

Ибо в то время как ныне мысли вносятся через нервную систему в кровь, тогда они врезались лишь в нервную систему (то есть как восприятия чувства мышления). Ныне же нервная система как часть человеческой организации более всего действует минерализующе. Она составила "каменные скрижали", на которых Бог собственной рукой мог начертать свои заповеди. И заповеди эти светили как мысли (не как внутренний голос совести, ибо таковой тогда еще не существовало) в своем истинном содержании. Ибо "каменные скрижали" следовало бы представлять себе не из тусклого камня, а из кристалла. Астральные тела (чьим физическим выражением является нервная система) израильской общины были облагорожены перед тем "манной небесной", нисходящей свыше силой Манаса. Поэтому просветленная силой Манаса нервная система должна представляться не каменной таблицей в смысле тусклого камня, а кристаллической таблицей, позволяющей просвечивать слову заповеди Божией. Заповеди не нужно было "обосновывать", их божественное происхождение познавали благодаря их световой силе. Хотя тогда и не существовало внутреннего морального ощущения, но вместо него было крепкое чувство авторитета божественной мысли.

Эти идеи воспринимались, разумеется, не в форме абстрактных понятий, а через образы. Сегодня образам не придается никакой познавательной ценности, они сохраняют лишь иллюстративное значение. Образ рассматривается как сырой материал для образования абстрактных понятий. Из множества образов и конкретных представлений дистиллируется одно понятие. Понятие "человек", например, получают, освободив все образы отдельных людей от отличающих их особенностей.

Процесс, стало быть, таков: из нескольких образов получают одно понятие.

Но если совместно с понятийным сознанием (мыслительным сознанием) действует сознание имагинативное, то происходит обратный процесс. Тогда из одного образа получается несколько понятий. Так, например, древняя библейская имагинация

"сада Эдема" дает ряд понятий, если попытаться перевести этот образ на понятийный язык.

"Сад" - это прежде всего состояние природы, отличающееся от "леса" тем, что он не возник естественным путем, но был сформирован разумом. Это такое состояние отношения между природой и человеком, в котором взаимно переплелись человеческие и природные силы, в котором внутреннее человека формирующе воздействовало на природу и в котором, с другой стороны, природа выступает в человеке как внутреннее.

"Город" - это часть бытия, в которой человеческий разум сформировал все и овладел всем, "лес" же там, где природа правит свободно, без содействия человеческого разума, "сад" же означает гармоничное взаимодействие природы и человеческого разума. Итак, мы получаем первое понятие, исходя из образа "сада Эдема": гармоничное взаимодействие природы и человека.

Но это взаимодействие было возможно лишь благодаря тому, что существовала система общей циркуляции: четыре потока эфирных образующих сил (жизненный эфир, звуковой эфир, световой эфир и тепловой эфир) составляли в своих ритмах общее у природы и человека, и поэтому было возможно райское состояние. Ибо четыре потока сада Эдема были потоками "сада" в их человечески-природном значении. Тем самым мы

получили второе понятие о саде Эдема, понятие общей для человека и природы эфирной циркуляционной системы.

Подобное перетекающее одно в другое человеческое, соединенное с природным, бытие, означает - если посмотреть с моральной точки зрения - состояние невинности человека. То было пред-кармическое состояние человека, ибо человеческая карма как опытный путь познания добра и зла начинается лишь с первой провинности.

Но мировая карма уже существовала. Посреди сада невинности росло дерево познания добра и зла. И эта мировая карма была, конечно, делом богов, правивших в природе ("дерево"), а не человека. Кармическое дерево люциферической вины росло в области природы, обособленной от человека. Человек мог вкушать плоды от всех деревьев, но только не от этого дерева, то есть человек находился в перетекающем одно в другое бытии, соединенном с общим природным бытием, не вплетенным в люциферическую карму богов. Человек жил во вне-кармической области бытия. И если он переступил границу этой области, то это свершилось вследствие искушения, действовавшего из подсознания. Ибо не само дерево познания искусило человека, а зверь, змея. Таким образом, сила, вызвавшая появление кармической области, не принадлежала ни человеческой природе, ни сознательно-человеческому. То был "зверь" - сила подсознания астрального тела, соблазнительно действующая в сознании. И "вкусив" плодов от дерева познания, то есть вступив с этим "древом" в то же отношение взаимного перетекания, как это было со всеми другими "деревьями" сада Эдема, человек стал причастен карме. Состояние невинности закончилось, началась человеческая карма. Человек был изгнан из "сада" в ту область бытия, где царит двойное "проклятие", то есть человеческая карма, в область пота и слез. И с тех пор на Земле труд и боль являются общечеловеческой кармой мужской и женской части падшего Человечества.

Но из-за того, что человек, который был связан с божественной природой, соединился с люциферической природой, пал не только человек, но и вся природа, с которой он был связан. Человек увлек с собой в область кармы три царства природы. Природа тогда еще доверяла человеку и последовала за ним. Узы, соединявшие людей в раю с природой, совлекли природу вниз. В долгие, долгие времена кармического развития человечества, следовавшие за грехопадением, понемногу складывалось иное отношение между человеком и природой: человек обособился от природы и стал уединенным от нее существом. Но это уединение человека от природы было следствием не только одностороннего удаления человека от природы, но также и недоверчивого удаления природы от человека. Природа доверилась однажды человеку и последовала за ним, но ей пришлось пережить разочарование в человеке. Случилось так, что уже долгое время существования элементарного мира, действующие в природе, не питают больше доверия к человеку. Трагедия заключается в том, что спасение природы может придти только через человека. Природа ждет спасения от человека, который снова соединится с нею в любви и, соединенный, поднимется вместе с нею туда, откуда она из любви к человеку некогда пала.

Природа ждёт, что человек оплатит ей теперь за ее тогдашнюю любовь, но проходят тысячелетия за тысячелетиями, а Существо природы все еще не видит признака того, что человек хочет принести ей избавление. Вместо этого человек стремится сделать ее служанкой, он стремится получать от природы все больше плодов, нежели она сама свободно дает ему. Он не довольствуется тем, чем она одаряет его, и хочет силой взять у нее все, чем она обладает, полностью подчинить ее своим эгоистическим целям.

Не следует думать, что белый механический оккультизм будет заключаться в развитии новых сил для принуждения природы к более высокой отдаче. Нет, истинный механический оккультизм будет состоять в том, что элементарные существа снова обретут доверие к человеку и станут служить ему из свободной любви. Белая магия не повелевает, она заключается во взаимном служении в любви человека и природы.

Если душа Существа природы снова расположится к человеку, если в голосе человека природа снова услышит отзвуки голоса Того, Кто однажды говорил на Земле человеческим голосом и Кого она не может забыть с тех пор, то тогда настанет время механического оккультизма, который сменит современную технику. И "механика" механического оккультизма будет состоять именно в том, что человека и природу снова свяжут узы доверия и любви.

Но тогда отношения между природой и человеком уже не будут отношениями "сада", как это некогда было. Ибо тогда природа полностью предается человеку, и именно человек определит облик природы. Если начало отношений между человеком и природой - это "сад", то концом этой истории будет "город". "Небесный Иерусалим" - это город будущего, подобно тому как Эдем был садом прошлого. В этом композиционная тайна всей Библии: путь от сада Эдема к граду Иерусалиму. Композиция Библии совпадает с композицией эволюции человечества, поэтому Библию можно обозначить как божественное писание, ибо в ней могут быть найдены божественные намерения. Подобно тому, как весь ход развития человечества представляет одно целое, так и Библия, изображающая его, представляет одно целое. И задача антропософского движения состоит в том, чтобы снова вернуть современному человечеству Библию как единое целое.

Мудрость Моисея, как можно увидеть из приведенного выше примера, была направлена на понятийное сознание (мыслительное сознание), совместно с которым действовало еще и имажинативное сознание.

Нельзя сказать, что ученики Моисея думали, будто человек некогда жил в саду и был изгнан оттуда, но через эти образы они постигали идею космической взаимосвязи изначального состояния человека и становления кармы человечества. С другой стороны, дело для них сводилось не столько к образу, сколько к мыслям, которые передавал образ. Ибо израильский духовный склад в противоположность, например, египетскому, уже сильно склонялся к умопостижаемому и уже значительно отделился от интенсивной жизни в имажинативном.

В этом своеобразии мудрости Моисея как явления духовной истории. Если мы поставим теперь вопрос о ее сущности, то ответ, данный Рудольфом Штейнером в цикле лекций, посвященных Евангелию от Матфея (Берн, 1910 г., кат. 123), гласит, что мудрость Моисея открывала тайны времени в противоположность мудрости Гермеса, которая была откровением тайн пространства. В цикле лекций о тайнах библейской истории Творения (Мюнхен, 1910 г., кат. 122) Рудольф Штейнер грандиозно довел до света дневного сознания космические тайны рассказа Моисея о сотворении мира. Поэтому здесь предполагается, что читатель знаком с этими циклами, и в дальнейшем изложение будет по возможности строиться так, как если бы сообщенное Рудольфом Штейнером о мудрости Моисея было известно читателю по крайней мере в общих чертах.

Если внутренним взором созерцаешь учение Моисея в целом - в том виде, как его можно найти в Библии и как оно было переведено Рудольфом Штейнером на язык духовной науки - то в первую очередь бросается в глаза одно: мысль (на которую ориентированы все частности) о том, что человек - это венец творения. Моисей описывает ступени восхождения творческого деяния до высшей ступени, человека. Но история этого высшего достижения начинается у Моисея с грехопадения и с божественного "проклятия", наложенного на это высшее создание. Если сопоставить эти мысли: человек есть высшее достижение творения, в то же время устроенный так, что заслужил проклятие, - можно прийти к выводу, что человек был неудачным плодом акта творения и что все последующее - это история улучшения неудачного создания. Мысль эта, легко допускаемая некоторыми людьми как чисто теоретическая возможность, играла, к сожалению, большую роль в истории человечества. Во всех явлениях пессимизма и мизантропии эта мысль всегда присутствует в той или иной формулировке. Ибо "настроения" суть часто подсознательные выражения идей. Идея того, что человечество -

это неудачный опыт, в наиразличнейших оттенках опустошительно действовала на протяжении тысячелетий.

Мысль же, которую Моисей высказал человечеству в Библии, заключается в том, что назначением человека является осуществление внутренней встреча добра и зла, благодаря которой и начинается их противоборство, называемое кармой. Моисей хотел открыть познанию людей космический смысл четвертой иерархии, и сущностное ядро мудрости Моисея представляет собой ответ на этот вопрос. Тайна кармы - вот то центральное откровение, которое было дано человечеству через Моисея. Поэтому мудрость Моисея - это "мудрость времени", так как предметом ее является происхождение кармического потока и его последующее течение в будущее. Понять мудрость Моисея - значит понять сущность кармы". Но этому вопросу предшествует другой вопрос, который может значительно облегчить задачу постижения существа кармы: каким был бы мир, если бы кармы не существовало? Каково было бы в этом случае положение всех иерархий, чьи деяния составляют то, что мы зовем "миром"?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить себе, что всякая иерархия, сколь высока бы она ни была, имеет над собой нечто, на что она взирает как бы снизу вверх. Одновременно она имеет под собой некое поле деятельности. Если мы представим себе, что кармы, то есть столкновения между добром и злом, не существует, то тогда иерархии могли бы взирать в направлении вверх, но они ничего не могли бы делать в направлении вниз. Они бы могли тогда созерцать все новые и новые ступени Божества, но они не могли бы вести борьбу за воплощение узренного, ибо тогда не было бы препятствий для преодоления. Но что означает свободное от борьбы созерцание Божественного? Оно означает космический сон. Если бы не было кармы, все иерархии погрузились бы в космический сон.

Это касается не только иерархий Добра, но и иерархий Зла. Ибо если бы не было кармы, то не было бы области, где иерархии Добра могли бы встретиться с иерархиями Зла: иерархии Добра стояли бы на точке зрения добра, а иерархии Зла стояли бы на точке зрения зла. Так стояли бы они в бездействии друг против друга, ибо отсутствовала бы "спорная" область, где истина добра посредством объективных событий могла бы разоблачить неистину зла. Если бы не было области, где для обеих сторон убедительно открывается решающий приговор изначального Существа мира, то ни иерархиям Добра, ни иерархиям Зла нечего было бы делать. Они вместе погрузились бы в мировой сон.

Этот мировой сон есть именно то состояние мира, которое предшествовало состоянию древнего Сатурна, или, точнее, состоянию мира, из которого произошло состояние Сатурна. Космическое развитие от древнего Сатурна до Земли есть, в сущности, процесс созидания космической "организации кармы", то есть условий той области, где была бы возможна встреча со злом. Иерархии, действовавшие при этом в качестве творцов, происходят из более раннего мира, и Ариман также происходит из более раннего мира. Аримана нужно представлять себе айсбергом давно минувшего мира, явившимся из глубокой дали в южные воды мира этого. Ариман был привлечен в этот мир благодаря тому, что Люцифер, ставший "Люцифером" внутри этого мира, создал условия, сделавшие возможным свободное вступление Аримана в этот мир. Тень, вызванная Люцифером в божественном свете, была для Аримана вратами в современный Космос. Приближение Аримана совершалось постепенно: на древнем Сатурне его присутствие в глубоких далах было ощутимо лишь через физически-телесный холод, исходивший от него предвестием его прихода. На древнем Солнце его приближение ощущалось уже через имажинации тьмы. На древней Луне приближение Аримана было еще более явственным: оно выразилось через отвердение отшатнувшейся от Солнца части древней Луны. Для инспиративного чувства на древней Луне было слышно звучание распространяющего отвердение слова Аримана, как бы голос Аримана. И лишь во время земного развития Ариман сам вступил в этот мир. Поэтому лишь на Земле сущность ариманического может быть познана интуитивно.

Но вместе с этим свершилось дело созидания кармы: зло вошло в этот мир, чтобы утвердиться в "нейтральной" области бытия, которая могла быть завоевана как добром, так и злом. Что это была за область?

На языке мистерий (то есть на языке, на котором боги обращались к людям) состояние области бытия, которая морально соответствует нулевому пункту, то есть ни доброе, ни злое, обозначается как состояние "праха". Так, существует, например, познание "праха", искусство "праха", религия "праха". Можно понять, что означает "прах" в духовной жизни, рассмотрев с этой точки зрения монолог Фауста в первой сцене первой части. Гете перечисляет там много явлений "праха" в духовной жизни и делает это в такой форме, что можно почувствовать, что означает "прах".

Итак, Моисей высказывает в Библии важную истину, что человек был создан из земного праха и одушевлен "живым дыханием Божиим". Тем самым, Моисей говорит следующее: изначальная человеческая организация была создана так, что она представляет двойное существо: с одной стороны, она коренится в божественном, с другой же стороны, она представляет духовно полное пространство, то есть пространство, не принадлежащее ни добру, ни злу. Но именно благодаря этому человек оказался тем, что как магнит привлекло зло в этот мир, ибо он предоставил в этом мире почву, на которую зло могло ступить. Если врата в этот мир Ариману открыл Люцифер, то почву, на которую мог ступить Ариман, предоставил человек. В тени Люцифера возник "прах"; сформированный из праха земной человек явил собой затем область борьбы между добром и злом, то есть кармы, в этом мире.

Таким образом, смысл сотворения человека заключается в возникновении кармы как возможности столкновения между добром и злом. В человеке должно быть явлено, кто прав перед изначальным Существом мира, стоящим поверх добра и зла, в той мере, как они воспринимаются сознанием всех существ этого мира. Карма - это непрерывное произнесение приговора Божества в споре между добром и злом. Карма - смысл этого мира, но карма могла возникнуть в этом мире лишь через человека.

Оттого, что человек вызвал поток вины и возмездия в мире, он не является неудачным творением Божиим, но он есть существо, осуществляющее связанное с необычайным космическим риском намерение сделать возможной в себе встречу добра и зла, имеющую целью преодолеть зло.

За основным импульсом к инкарнации человеческой индивидуальности на Земле стоит необычайный духовный героизм, и в душе познающего эти космические факты возникает благоговение перед человеком, и благоговение это есть истинное и подлинное, ибо ничто не может исказить его. Истинное благоговение перед человеческим не просто чтит святое, но оно проистекает из познания изначального предназначения человеческого, нисходящего в грех. Не следует думать, что иерархии смотрят на человека как на "Ангела в подготовительном классе", нет, духовные иерархии почитают человека столь высоко, как человек вообще еще не научился почитать что-либо. Существа духовного мира ведают прегрешения людей, но их радость всему позитивному, совершаемому людьми, больше, нежели перенесение зрелища всего безобразного, творимого людьми в мире. Ибо благо, которое человек осуществляет в Космосе, значит для духовного мира больше, нежели благо духовного мира, которое есть для него нечто само собой разумеющееся. Притча Иисуса Христа о пропавшей овце есть точное выражение того космического положения вещей, в котором доброе в грешнике, то есть в существе, воспринявшем зло в свою организацию, ценится больше, чем доброе в святом, то есть в существе, которое не восприняло в себя зло. Самое грандиозное выражение этого положения вещей дал Рудольф Штейнер в словах: "Человек есть религия богов".

Таким образом, человечество было замыслено "греховным", и грехопадение его - это не что иное, как его рождение. Первородный грех - это жребий каждого человека, рождающегося на Земле, ибо иначе для него не имело бы смысла родиться на Земле человеком. Из духовного мира, где находится родина человеческой индивидуальности,

души нисходят к Земле с сознательным решением погрузиться в поток зла, чтобы с каждой инкарнацией отвоевывать часть зла и приносить с собой в духовный мир после смерти как бы в качестве прибыли для духовного мира.

Сколько и каких сил добра усвоила или утратила индивидуальность в этой борьбе - это ее индивидуальная карма, но вступление ее с каждым новым рождением в поток зла есть общечеловеческая карма. Со времен грехопадения течет через поколения этот поток первородного греха и является не индивидуальным делом, а делом поколений. Это темная воля, текущая через поколения из прошлого в будущее. Сама по себе эта темная воля зла, и в какой мере она действует в человеке одна без участия мысли, в такой мере человек является разрушительным и злым существом. С этим злым существом соединяется человек, излучающий мысли, который нисходит к рождению, чтобы преобразить в мыслях злое существо воли. Именно по этой причине голова является преобразенной системой конечностей прошлой инкарнации (факт, о котором Рудольф Штейнер говорил с нескольких точек зрения). Но если вместо того, чтобы направлять волю, душевная жизнь оказывается столь слабой, что сама становится орудием воли, тогда возникает негативная мыслительная жизнь, вносящая в мир злые идеи.

Мысль должна направлять волю, которая сама по себе темна. По этой причине Моисей завещал народу Израиля заповеди Закона. Закон Моисея противопоставляет мышление, имеющее божественное происхождение, воле, которая сама по себе зла. И противопоставив темному потоку первородного греха звездный свет мышления, Моисей вызвал подъем моральных чувств страха, стыда и раскаяния. Ибо человек - не просто мыслящее и волящее существо, он является также и существом, способным чувствовать. Если бы у человека не было организации чувств, эмоций, он был бы кентавром. Кентавр - это существо, состоящее лишь из мышления и воли. Именно чувство делает человека человеком.

Противоположность, выраженная образами Моисея, воспринимающего божественное мыслительное откровение на вершине горы Синай, и народа, поклоняющегося у подножия этой горы изображению животного, - это в то же время выражение противоположности между мышлением и волей в человеческой организации. К послушанию народ мог быть приведен только через чувство страха и стыда, ибо во времена Моисея человеческий связующий член между мышлением и волей был развит лишь настолько, что в жизнь могло быть претворено лишь послушание. Человек Ветхого Завета был человеком послушания. Однако, выдвинув посредством Закона резкую противоположность, Моисей пробудил первое томление человеческого сердца по тому состоянию о котором позднее возвещали пророки: по тому состоянию, когда Закон будет вписан в сердца. Моисей выдвинул проблему дохристианского бытия человека, указав посредством резкого противопоставления божественного требования и падшей природы человека на необходимость будущего расцвета примиряющей силы в душе человека.

Мудрость Моисея указывает вначале на невинного человека из "сада", затем она обнажает природу "падшего" человека, чтобы в конце пророчески указать на будущего "примиренного" человека. Временная мудрость Моисея - это знание пути, которым человечество следует через все земное развитие. А путь этот состоит в том, что человеческая организация сначала подпадает греху, то есть становится кармической организацией, чтобы с помощью Закона как организации послушания развить организацию совести, чтобы в конце подняться до свободы организации любви.

Путь человечества ведет от до-кармического человека из "сада" к падшему кармическому человеку, который становится человеком совести, сознательно участвуя в борьбе между добром и злом, чтобы стать в конце человеком любви, то есть человеком торжествующим. И если у начала этого пути Как образ отношений Человека к его окружению находится сад невинности, то у конца этого пути стоит образ града любви, Небесного Иерусалима, который есть праобраз следующего за земным бытием бытия Юпитера.

Поистине, книги Моисея могут быть названы "Гимном человечества". Они снимают покров с грандиозного космического замысла, который воплощается с помощью человеческой иерархии, и указывают направление, на котором в будущем будет одержана победа божественного в человеке. В Пятикнижии дышит и живет дух человеческого духовного потока, исходящий от великого водителя человечества, который около семи тысячелетий назад повел маленькую общину арийцев на борьбу против мирового владычества Аримана. Мужество великого Заратустры - это та эфирная кровь, которая дает жизнь буквам Пятикнижия; возродившаяся мудрость великого Заратустры составляет существо мудрости Моисея, ученика его.

2. Путь Моисея через пустыню

В рассмотрении, пространственно ограниченном определенными пределами, может быть отмечено лишь самое необходимое для того, чтобы составить основные положения для понимания самого существенного. Поэтому можно будет не входить во множество подробностей описания жизненного деяния Моисея, данного в Библии. Чтобы понять жизненное деяние Моисея как становление во времени, необходимо взять три самых важных события из странствования народа Израиля по пустыне, а именно: насыщение народа манной небесной, утоление жажды народа водой из скалы и избавление народа от огненных змей видом медного змея. Эти три события представляют ступени пути, которым избранный народ должен был идти под руководством Моисея. То, что этот путь мог быть пройден только в пустыне, не нужно доказывать, если припомнить, что речь шла о начале нового духовного потока культуры. Таковой не мог родиться в пределах старой культуры, он должен был иметь свободное пространство, культурный вакуум, чтобы суметь выявить себя. Египет, Вавилон и Финикия были старыми, дряхлеющими культурами, своими преданиями они заглушили бы нежный зачаток нового культурного потока. Поэтому было необходимо так долго странствовать в пустыне вдали от великих культур, пока не будет достигнута определенная степень зрелости израильской культуры откровения. А эта степень зрелости была достигнута лишь тогда, когда поколение, вышедшее из Египта, вымерло. Ибо свободным от египетского наследия новое смогло стать не ранее, чем умерли все те, кто жил в Египте.

Итак, в пустыне речь шла о том, чтобы подготовить поколение, которое должно было сознательно возобновить завет Авраама, Исаака и Иакова. Поэтому три изначальных импульса патриархов должны были быть снова пережиты в пустыне всем народом, но так, чтобы они были подняты в сознание из подсознания, где они действовали раньше. Обновление завета в пустыне состояло именно в том, что Моисей должен был привести по существу весь народ к тем познаниям, которые в свое время стали Авраамом, Исааком и Иаковом. Теперь в пустыне три ступени первого "завета" должны были быть проделаны всем народом. Поэтому здесь будут рассмотрены упомянутые три события, которые являлись в то же время ступенями на пути к обновлению завета.

В физической пустыне странствующие по ней люди должны преодолеть три опасности: бесплодие, сушь и зной пустыни, которые ставят их перед опасностями голода, жажды и изнеможения. Духовная сторона странствования в пустыне также связана с определенными опасностями. Опасности эти происходят от того, что уединение последовательно переживается в астральном, эфирном и физическом телах.

Человек не может обойтись без впечатлений от многообразия окружающего мира; если этот окружающий мир сокращается до единообразия пустыни, возникает голод по побуждениям извне. Переживание недостатка побуждений, приходящих извне, есть первое испытание уединения. Однако со временем недостаток впечатлений проявляется в общем состоянии внутренней жизни: будучи все более направляемой на самое себя, внутренняя жизнь отвердевает, ее подвижность исчезает, и человек переживает в одиночестве тоску по текучим переживаниям. Он жаждет живой подвижности

переживания. Но может случиться, что он попытается добиться этой подвижности, исходя из своей жизни желаний. Тогда в разгоряченной игре фантазии он может создать себе субъективный мир, который должен заменить ему не удовлетворяющий его внешний мир. От этого горячая жизнь желаний накаляется, наступает состояние душевной воспламененности.

В этом - величайшая опасность уединения: гипертрофия волевой жизни за счет жизни мышления и чувств. Все страсти раздуваются тогда до лихорадочной деятельности, пылкий огненный туман покрывает сознание. Целительная прохлада мышления и сердечная просветленность чувства оттесняются этим, сжигающим их, огнем.

Отсутствие влияния извне было необходимо для откровения нового, но эта необходимость в то же время несла с собой духовные опасности "пустыни": голод, жажду и изнеможение, от которых должен был страдать избранный народ. Но, с другой стороны, страдание это было необходимо, ибо всякому откровению должно, пролагая пути, предшествовать страдание. Человеческая организация после грехопадения устроена так, что для прихода нового духовного откровения она всякий раз должна преобразиться тяготами и болью. Счастье делает человека сильным для работы на Земле, боль же открывает ему прозрение в Небеса, Именно о таком прозрении шла речь, когда под водительством Моисея народ Израиля странствовал по пустыне. Счастье предшествовало ему в облике огненного столпа, страдание посещало его стан и палатки, выковывая узы обновленного завета. Так в пустыне смогло свершиться откровение Манаса, или Самодуха.

Это откровение не было индивидуальным, оно было общим. В сумерках начиналось первое движение его, и оно исчезало при первых лучах восходящего Солнца. Новый род сна наступил у общины израильтян: ночь восполняла им недостаток впечатлений дневной жизни. Пустыня хранила молчание во время земного странствования, ночь нашептывала великие обетования. Если пыльный дневной горизонт говорил лишь о монотонном пути в неизвестное отдаленное будущее, то ночная звездная высь гласила о тайнах великого будущего и наполняла души силой и мужеством для дальнейшего странствования нескончаемыми путями пустыни. Скудость переживания по горизонтали была предпосылкой богатства жизни по вертикали. Если поверхность пустыни заставляла голодать, то манна небесная питала голодных. Души, пережившие вместе с Моисеем в пустыне откровение Манаса. в последующих тысячелетиях образуют кармическую общину "людей Манаса". Впечатления продолжают жить в душах, но зрелости внутреннего обладания они достигнут лишь в шестой культурной эпохе. Эти люди образуют стержень для Филадельфийской общины Манаса, они были предназначены к этому уже за тысячелетия до того, как под водительством Моисея восприняли в пустыне "откровение ночи. Души, отведавшие однажды манны небесной," составляют общину, которая некогда в будущем снова станет историческим фактом.

Откровение Манаса в пустыне было откровением будущего. Но люди не могут жить исключительно будущим и для будущего, они жаждут дневной жизни настоящего. Ибо если астральное тело как бы "тянется" в будущее (что является процессом переживания Манаса в астральном теле), то эфирное тело не может обойтись без притока жизненной силы в настоящем. Если этого не происходит, оно уплотняется. И вот, этот приток извне был прерван в израильской общине. Эфирные тела принадлежащих к ней людей были предоставлены сами себе. Как следствие этого наступила "жажда", то есть томление по притоку эфирных жизненных сил. И этот приток произошел, но не на старый лад, извне, из природы; он произошел из внутреннего. Из скалы высек Моисей поток живой воды. Происхождение этой воды нужно было искать не в природе, а в духовном внутреннем человека, действующем в эфирном теле. Благодаря тому, что сила Жизнедуха (Будхи) текла в эфирном теле, "жажда" была утолена. Не то чтобы речь шла о познании Будхи, ибо таковое не было еще и возможно, но о присутствии силы существа Будхи в эфирном теле. Но что такое сила существа Будхи? Она - дыхание Христово, живая вода, из скалы

бьющая, была первым соприкосновением с живым Существом Христа, пророчески указывающим на присутствие Его в организме Земли. То было предпереживание той "живой воды", о которой говорится в Евангелиях.

Откровение Авраама заново переживалось благодаря действию Манаса, но на этот раз оно стало народным переживанием. Сыновья Исаака также стала народным переживанием благодаря знамени воды, текущей из скалы. Духовная борьба Иакова повторилась как третье переживание народа в пустыне. Подобно тому, как исход духовной борьбы Иакова был предопределен тем, что он узрел истину более высокую, нежели истина Посланца смерти, так вид более высокой истины медного змея спас народ от смертельных укусов огненных змей.

Последнее событие таит в себе мистерию, о которой здесь может быть сказано лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы наметить направление дальнейшего исследования.

Третье последствие уединения - опасность душевного воспламенения. Она заключается в люциферизации внутренней жизни, что отражается на телесном здоровье. Когда человеческая организация утрачивает равновесие, отклоняясь в сторону огня волевого полюса, тогда создается почва для уничтожающей лихорадки. Тогда спиралеобразным змеиным движением этот огонь поднимается в голову. Физическое заболевание - это еще лучшее следствие этого процесса, ибо оно останавливает и побеждает его. Но худо, если "восхождение огненной змеи" практикуется как метод. В распространенных сочинениях по индийской йоге этот метод пропагандируется сегодня по всему свету. Но если он действительно осуществляется, то следствием его может быть только смерть или род душевного заболевания, не имеющего еще названия в психиатрии.

Это и было опасностью, угрожавшей народу Израиля. Смертельный укус "огненного змея" был родом безумия, как физическая эпидемия распространившийся среди народа и оканчивавшийся со смертью больного. То был крайний люциферизм, проявившийся через эту болезнь.

Опасность уединения заключается в возможности крайней люциферизации. В странствовании народа Израиля по пустыне бедствие от огненных змей означает именно эту опасность, поэтому спасение могло произойти лишь посредством исцеления народа от люциферизации. Но исцеление заключалось в том, чтобы люциферическое, как при духовной борьбе Иакова, было внутренне преображено. Все, сказанное в 4-ом рассмотрении относительно преображения люциферического, имеет силу и в случае исцеления видом медного змея. Но сказанного там недостаточно для понимания этого образа, поэтому должно быть прибавлено нижеследующее.

Благодаря Мистерии Голгофы Люцифер становится Параклетом, то есть духовной сущностью, которая служит Христу из любви. Такого внутреннего превращения Люцифера, но карма люциферического все еще продолжается в прежнем направлении. Ступень за ступенью будет превращаться установка Люцифера, а также - воздействия люциферического; объективного плана явлений это превращение достигнет лишь в далеком будущем. Состояние земного развития, обозначаемое как Венера, - это тот момент, на который в оккультизме указывается как на последнюю кармическую ступень превращения люциферического. Тогда Люцифер как союзник Христа станет действовать также и в области внешних явлений. Он раскроется благодаря духовной силе связанной со Христом меди, которая будет целительно действовать в природе. Змея, выступившая как искусительница в райском состоянии человечества, станет тогда медным змеем, который будет служить исцелению.

Но и внутренний процесс преобразования люциферической иерархии совершается постепенно. Люцифер пережил внутреннее превращение лишь благодаря Мистерии Голгофы, но и прежде бывали отдельные сущности, принадлежавшие к люциферической иерархии, которые это превращение уже пережили. Да, были также и такие сущности, которые при первом отпадении люциферической иерархии остались верны Святому Духу.

Эти сущности (под водительством существа, поднявшегося благодаря этому выше всех) с самого начала составили совесть люциферической иерархии. Они принадлежали к этой иерархии, но оставались верны божественному водительству, и поэтому подобно предостережению стояли перед отпавшими сущностями Люцифера. Они суть живая цель люциферических духов, преобразование люциферического совершилось в них с самого начала. Образ медного змея есть поэтому не только образ эволюционного будущего Люцифера, но также предостерегающий образ люциферической совести в прошлом. И видение этой имагинации исцеляло, то есть вызывало превращение люциферического в людях, ибо через это вызывались искупительные силы сущностей, составляющих совесть люциферической иерархии.

Так вел Моисей народ к возобновлению завета, поскольку тот пережил познание Авраама, жизнь Исаака и преобразование Иакова в событиях питания Манасом, воды, бьющей из скалы, и исцеления видом медного змея. Но путь Моисея через пустыню имел значение не только для народа, но и для него самого. Ибо Моисей проходил в это время через определенные испытания своего индивидуального пути. Это относится также и к настоящему времени.

Основное положение - "украшая себя, роза красит весь сад" - имеет силу лишь до определенной ступени. На высшие ступени можно взойти лишь в том случае, если это восхождение совершается из воли оказать определенную услугу человечеству. И чем выше ступень, на которую нужно подняться, тем шире должен быть круг людей, Которому хотят служить.. Таково и было требование, поставленное перед Моисеем. Служа народу, он мог общаться в видении и слышании с той сущностью, которая носила таинственное имя "Я есмь". Путем имагинации и инспирации познавал он лик этой сущности, лик Элогима Ягве. Но чтобы познать таинственную сущность, стоящую позади Ягве, требовалось восхождение к интуиции. Но это восхождение могло совершиться лишь в том случае, если бы Моисей расширил свое отождествление с народом Израиля на все человечество. Этого, однако, не произошло. Ибо когда водительствующая духовная сущность Моисея сообщила о своем намерении отказаться от этого народа и дать возникнуть другому народу из потомков Моисея, Моисей воспротивился этому намерению, сказав, что он погибнет вместе с народом. "Что скажут египтяне, если узнают, что народ сей погиб в пустыне?" - так возразил Моисей. Для него этот народ должен был исполнить миссию, он не мог вознестись к тем высям, где действительно только дело, а не человеческая группа, исполняющая его.

Трагическим следствием того, что Моисей "не поверил Господу" (4 кн. Моисея 20; 12), то есть не смог подняться к интуитивному познанию сущности "Я есмь" в духовном мире, был запрет на вступление в обетованную страну. Ибо если путь через пустыню означал для Моисея подъем с первой на вторую ступень сверхчувственного сознания, то вступление в землю обетованную значило для него достижение третьей ступени, то есть интуитивного познания Сущности Христа. Но поскольку он не поверил, то есть не смог подняться к незримому и неслышимому познанию, ему можно было лишь издали увидеть обетованную страну, вступить в нее ему было нельзя.

Так умер в пустыне Моисей, достигнув рубежа познания Христа, но не переступив его. И трагизм эпохи Ветхого Завета заключается в том, что непосредственное познание Христа не смогло быть достигнуто вообще. Ибо познание Христа было тогда лунным познанием: воспринято могло быть лишь отражение света Христова. Но в ходе ветхозаветной истории это восприятие становилось все более внутренним; задача следующих рассмотрений состоит в том, чтобы показать это.

IX. ДАВИД И СОЛОМОН

1. Судьи и цари

Задача предыдущего рассмотрения состояла в том, чтобы пояснить значение индивидуальности Моисея для духовной истории человечества. Внимательному читателю несомненно бросилось в глаза, что в рассмотрении, посвященном личности, речь, в сущности, весьма мало шла о самой личности: она трактовалась только как носительница определенной мудрости, ее же собственная жизнь была оставлена без внимания. На это имеется определенное основание. Его можно будет понять, сравнив на основе Библии ход жизни, например, трех самых выдающихся личностей эпохи судей, Моисея, Иисуса Навина и Самуила, с ходом жизни царей Саула, Давида и Соломона.

При этом особенно бросается в глаза тот факт, что личное у "судей" почти полностью исчезает в безличном их миссии; чтобы понять судей, едва ли необходимо останавливаться на их личной жизни. Иначе дело обстоит у "царей". Их миссию невозможно понять, не останавливаясь на личном - настолько сильно оно выступает. Составители Библии это знали: они описывали течение жизни Моисея, Иисуса и Самуила лишь как второй план истории народа, но течение жизни упомянутых выше царей они описывают так, что история народа составляет второй план биографии царей. Личное выступает на первый план лишь с введением царской власти. И это происходит столь радикальным образом, что в целом эпический строй описаний Библии вплетаются лирические части. Ибо псалмы и Высокая песнь Соломона суть те части Библии, где личное переживание отдельного человека обретает неограниченное выражение.

Этот факт непосредственно ведет нас к вопросу о сущности различия судей и царей в истории Израиля. В эпоху судей, продолжавшуюся от Моисея до Самуила, судьи обладали авторитетом, обозначаемым сегодня просто как "теократический". Этим обозначением сказано, конечно, немного, но все-таки оно указывает на направление, в котором можно искать понимания этого рода авторитета. Авторитет судей покоился главным образом на отношении народа к Элогиму Ягве, чьими представителями они были. Если народ сознательно удалялся от Ягве, то авторитет судей слабел, если он обращался к Ягве снова, рос и авторитет судей.

В сущности, светскими правами судьи не обладали, они были просто рупором и представителями Ягве, чью участь они разделяли в сознании народа. Так, например, в жизни Моисея был момент, когда его авторитет едва ли не приблизился к нулевой отметке и был снова восстановлен лишь благодаря чрезвычайному вмешательству духовного водительства. Таким образом, власть судей не была неизменной, и это было одной из причин того, почему ко времени Самуила стало желательным введение царской власти.

Царская власть должна была, независимо от колебаний народного благочестия, быть постоянной и неизменной. Другой, причем более глубокой, причиной введения царской власти было достижение той стадии развития, когда в определении судьбы Израиля было уже недостаточно одного только доверия к божественным силам и возникла потребность в участии человеческих сил. Человеческому должно было быть предоставлено большее пространство, нежели это имело место прежде. Эти человеческие силы должны были, разумеется, быть наилучшими, поэтому выбор царей производился Божеством. Но коли он происходил, царь не просто должен был представлять Божество, но и олицетворять высшее проявление воли и возможностей людей. Для той стадии развития, которая была достигнута народом Израиля ко времени Самуила, естественна потребность уметь взирать не только на Божество, но и на личность. Закон и правосудие судей не могли тогда уже больше удовлетворять народ; хотели видеть человека, благодаря которому человеческое имело право действовать, участвуя в решении вместе с божественным.

Эта потребность народа была удовлетворена. Через Самуила царем была избрана личность, и этот выбор был принят народом. Первый царь над Израилем, Саул, был представителем в самом выдающемся смысле? То, что он "был на голову выше" всех мужей израильских, было не просто следствием его физического развития, но является также указанием на своеобразие его личности. Личность Саула несла в себе все возможности израильского духа. Саул в этом смысле был представителем Израиля,

поскольку он был способен как подниматься на его высочайшие вершины, так и опускаться в его глубочайшие бездны. Он соединял в своем существе Ангела и Демона Израиля. Так, например, он искренне любил Давида, но одновременно ненавидел его и посягал на его жизнь. Равным образом превыше всего любил он своего сына Ионафана, однако бросил в него копьем, когда тот возразил ему. Богу отцов он был искренне предан, что, однако, не помешало ему обратиться к одной волшебнице с целью вызвать умершего Самуила.

Ягве и Ваал одновременно жили в нем, и в этом смысле он был истинным представителем своего народа, который на протяжении столетий являл собой арену борьбы этих | двух сил в сознании и в крови. Именно поэтому пробужденная в народе потребность видеть собственные силы, определяющие его судьбу, отразилась в избрании Саула царем. Ибо благодаря Саулу и через Саула все человеческие силы, жившие в душах израильтян, начали "царствовать". Человеческая сущность этого народа достигла вершин вместе с Саулом. И если Саула настиг трагический конец и царем вместо него был определен другой, то это произошло не потому, что народ был недоволен им, а потому, что им недоволен был Бог Израиля. Результат первого испытания человеческой свободы был негативным: Демон оказался сильнее Ангела.

Но царскую власть, то есть полномочия выросших к тому времени сил личности, необходимо было все-таки сохранить. Ибо если в эпоху судей соответствующим времени было лунное отношение к духовному свету мира, то с тех пор израильская духовная жизнь продвинулась на шаг вперед. Чистое отражение духовного света уже не удовлетворяло, духовный свет должен был быть воспринят собственными человеческими силами, и притом так, чтобы дух вливался в духовную жизнь народа не просто как дух, а как дух и душа.

Потребность в "одушевленном духе" была выражением перехода от Луны к Меркурию, осуществленном израильской народной сущностью. В дальнейшем течении израильской истории были сделаны два следующих шага - переход от Меркурия к Венере ко времени вавилонского пленения и, наконец, встреча с прямым солнечным светом в то время, когда Христос Иисус жил на Земле (см. 2-ю лекцию цикла Рудольфа Штейнера "Евангелие от Матфея", кат. 123). Эти шаги означали, в сущности, последовательное осознание переживания света Христова, который был воспринят сначала в форме заповедей и обетований свыше, а затем от ступени к ступени подвигался все ближе к человеческому, то есть все больше осознавался, пока, наконец, не воссиял из одного человека, Иисуса из Назарета. На этом пути ступень Меркурия означает первую ступень осознания света Христова, то есть его связь с личностью. И за потребностью народа в том, чтобы стать ведомыми далее не "судьями", а "царем", стоит факт внутреннего развития от "Луны" к "Меркурию", стремление взирать на людей, которые могут так говорить во Имя Божие, что это человек говорит о Боге, а не просто Бог говорит через человека. Человеческий опыт и мудрость должны теперь звучать совместно с Божественным откровением; человеческому слову должно быть предоставлено право не просто передавать Божественное слово, но и звучать вместе с ним.

Это наиболее глубокая причина возведения царей над Израилем. Поэтому со времен учреждения царской власти человеческому слову также было предоставлено место в Священном Писании. Псалмы и книги Экклезиаста были включены в Священное Писание, потому что тогда человеческое слово и человеческая мудрость расценивались как достаточно священные, чтобы стоять рядом со словом Божиим. Еще не было жестокосердия позднейших книжников и фарисеев, когда первым звучанием человеческой речи была возведена утренняя заря будущего богочеловечества. Люди приветствовали раскрывающуюся личность и включили документы, свидетельствующие об этом событии, в свое Священное Писание.

2. Давид

Внешний ход жизни Давида описан в Библии настолько подробно, что нет необходимости повторять это описание. Если же к описанию его жизненного пути прибавить Псалмы, то получаешь полную картину жизни Давида как в его отношении к внешнему миру, так и в его отношении к миру духовному. Эта жизнь представляет необычайное разнообразие испытаний, усилий и ошибок во внешней жизни деяний, с другой стороны, она не представляет ни малейшего разнообразия в испытаниях и преодолениях, скорби и счастья при внутреннем интимном общении с духовным миром.

Как из библейского жизнеописания, так и из Псалмов легко усмотреть, что Давид жил двумя жизнями одновременно, причем одна из них приносила ему много скорби и счастья. Одна жизнь Давида протекала в мире внешнего деяния и свершения, другая же присоединялась к первой благодаря внутреннему общению с духовным миром. Эта вторая жизнь была, в сущности, решающей: тем положением, которое Давид занимает в духовной истории человечества как образец "праведности", он обязан свойственному ему отношению к духовному миру, ибо в этом отношении его преданность духовному миру сохранялась несмотря на множество испытаний, и поэтому познания и откровения, полученные им, были чисты. Были, конечно, периоды, когда Давид не мог лицезреть духовный мир, но когда он его лицезрел, он лицезрел его в истине: иллюзии не имели доступа в его общение с духовным миром.

Это удаление от иллюзий было возможно именно благодаря тому, что в своей связи с духовным миром он сторонился всего, что исходило из повседневной жизни желаний.

Благодаря тому, что он сохранял чистой часть души, обращенную к Небу, то есть не позволял ей соучаствовать в жизни другой части, его общение с духовным миром было более чистым. Оно состояло преимущественно во встречах с одним Элогимом из сонма Элогима Ягве. Когда в Псалмах Давид просит Господа явить свой Лик, то речь здесь идет не о "поэтическом" или "мистическом" образном языке, не о поэтических украшениях имажинативного общения с существом, в которое он "верует", а о действительном общении с действительным существом, совершающемся также лицом к лицу. Стоит лишь принять за действительность следующие слова, и тогда становится ясно, что они относятся к общению с высоким духовным существом, достигнутому великим напряжением всех сил:

"Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной, чтобы видеть силу Твою и славу Твою, как я видел Тебя во святилище". (Псалом 63; 2-3).

В этом псалме речь идет о томительном ожидании новой встречи с Элогимом во время скитания в пустой и иссохшей области - как во внешнем, так и во внутреннем смысле. В жизни Давида было много таких встреч, бывали времена, когда он при каждом действии спрашивал совета ведущего существа. Это можно ясно усмотреть, например, из следующего текста первой Книги Самуила:

"И спросил Давид Господа, говоря: идти ли мне, и поражу ли я этих Филистимлян? И отвечал Господь Давиду: иди, ты поразишь Филистимлян, и спасешь Кеиль. Но бывшие с Давидом сказали ему: вот, мы боимся здесь в Иудеи, как же нам идти в Кеиль против ополчений Фили-стимлянских? Тогда снова спросил Давид Господа, и отвечал ему Господь, и сказал: встань, и иди в Кеиль; ибо Я предам Филистимлян в руки твои". (1 кн. Царств 23; 2-4).

"И сказал Давид: Господи, Боже Израилев! раб Твой услышал, что Саул хочет придти в Кеиль, разорить город ради меня. Предадут ли меня жители Кеиля в руки его? И придет ли сюда Саул, как слышал раб Твой?... И сказал Господь: придет. И сказал Давид: предадут ли жители Кеиля меня и людей моих в руки Саула? И сказал Господь: предадут. Тогда поднялся Давид и люди его, около шестисот человек, и вышли из Кеиля..." (23; 10-13).

В этих текстах необходимо учитывать тот факт, что духовный мир лишь отвечает на вопросы Давида, а не дает ему собственных указаний. Давид не был пророком в смысле преисполненности духовным миром, он был личностью, которая спрашивала советов духовного мира. Его общение с духовным миром было свободным; по этой причине он совершал и такие деяния, по поводу которых вопросов духовному миру не задавал (его брак с женой Урии, перепись народа в Израиле). Он сам погашал следствия своих прегрешений, но исполнение советов духовного мира обеспечивало как осуществление его объективной миссии, так и преуспевание в личной судьбе.

В сущности, каждая человеческая душа поддерживает подобное общение со своим Ангелом во время сна без сновидений, только это общение происходит ночью и остается скрытым от дневного сознания, тогда как у Давида оно происходило в бодрствующем сознании (а также и в ночном бодрствующем сознании, см. Псалом 17; 3). Давид в дневном сознании был в том же отношении к его Ангелу -Хранителю, как это в иных случаях бывает в нормальном сне без сновидений.

Но это общение требовало постоянного усилия и внутреннего усердия. Явными следами этих усилий и усердия являются Псалмы, которые он оставил потомкам. Чтобы понять происхождение, сущность и смысл Псалмов, нужно ясно представлять следующее:

Полное развитие Манаса (Самодуха) будет осуществлено человечеством лишь в конце периода Юпитера, который последует за земным развитием. Тогда Манас будет представлять единство с человеческим Я, так что человек будет не просто воспринимать откровения Манаса и достигать познания Манаса, но будет совершать деяния согласно Манасу.

Человеческий Манас станет тогда творческой, действующей силой человека.

Но прежде чем будет достигнута эта стадия, человечество все-таки должно будет пройти состоящее из нескольких ступеней взаимодействие с существом Манаса. Уже в лемурийскую эпоху человечество пережило воздействие Манаса, вследствие которого получила свое начало душа ощущающая. В конце атлантической эпохи люди, ведомые Ману, следовали именно водительству Манаса. Влияние Манаса пережили и древние арийцы, благодаря ему они были выведены из обреченной на гибель Атлантиды.

И израильская народная община пережила реальность сущности Манаса во время Своего странствования через пустыню под водительством Моисея. Но она пережила его уже как внутреннее ночное откровение, действовавшее впоследствии как сила в дневной жизни чувства и воли, то есть как "укрепляющая пища небесная".

Апостолы же благодаря событию Троицы пережили сознательное откровение Манаса во время дневного бодрствования.

Однако к сознательному познанию Манаса часть человечества приобщится лишь во время шестой культурной эпохи. Тогда будет существовать большее число людей, которые будут культивировать не просто откровения, а сознательное общение с духовным миром через существо Манаса. Они будут сознательными гражданами двух миров во время дневного бодрствования: в их воле будет заложена возможность отворять духовный мир своему взгляду и снова запирать его, чтобы обратить взгляд на земной мир. То, что сам человек, и никто иной, сможет отворять своему взгляду врата духовного мира и снова запирать их, станет способностью человека. Об этой способности человека шестой культурной эпохи идет речь в Апокалипсисе Иоанна, особенно в Послании к Ангелу Филадельфийской общины. Об этом там говорится следующее:

И Ангелу Филадельфийской церкви напиши: так говорит Святый, Истинный, имеющий ключ Давидов, который отворяет - и никто не затворит, затворяет - и никто не отворит..." (Откровение 3; 7).

"Ключ Давидов" - это и есть способность, которой обладал Давид, поддерживать свободное общение с духовным миром. Для человека, владеющего "ключом Давида", никто не будет запирать и отворять, ибо тогда человек будет обладать познанием Манаса, а не просто откровением Манаса.

Познание Манаса - это нечто существенно иное, нежели познание, достигаемое, например, душой рассудочной или даже душой сознательной. Ибо если посредством этих душевных сил может быть достигнуто познание, отличительной чертой которого является последовательное восхождение, то познание через Манас - это последовательное нисхождение. Так, например, при восходящем познании сначала постигается природа (минерал, растение, животное), затем человек и, наконец, сверхчеловеческий духовный мир; при познании же через Манас процесс был бы противоположным: сначала познавали бы дух, затем человека и, в конце концов, сущность минерального в природе. Путь познания через Манас состоит в том, что сначала им охватываются высшие силы души, чтобы постепенно спуститься к низшим.

Сначала познаются сущности в сверхчувственном мире и лишь затем, постепенно - явления мира, в котором они себя выражают. При познании же, достигаемом обычными душевными силами, через познание феноменов поднимаются к стоящим за ними существам; таким образом, сначала необходимо наблюдать царства природы, чтобы найти в них выражение определенных изначальных форм. Если изначальные формы найдены, то благодаря им можно подняться к познанию Духов формы, Элогимов. Если же речь идет о познании через Манас, то сначала познают сущность Элогимов и лишь затем, иногда долгое время спустя, их откровения в процессах природы. Познанием такого рода обладал царь Давид. Он сознательно общался с сущностью Элогима, познание же природы у него было скудным. Это познание могло нисходить в его душевные силы лишь до области познания человечески-исторического и человечески-морального; для всеобъемлющего познания природы у него отсутствовали необходимые для этого силы души рассудочной и души сознательной.

То, что несколько столетий спустя силами пробужденной души рассудочной смог осуществить Пифагор, после того как он непосредственно услышал гармонию сфер, посредством человеческих душевных сил сделав внятными познанию тайны изначальных форм в их действии через числа и фигуры, для Давида не было ни возможным, ни необходимым, ибо тогда еще не существовало вопросов о конкретном выражении божественного мира в отдельных явлениях природы. Они могли возникнуть лишь из души рассудочной, чтобы обрести свой ответ в соответствии с духом мировоззрения, или из души сознательной, чтобы найти себе удовлетворение в науке, согласной с духом, духовной науке.

Если непосредственное восприятие голосов духовного мира, формирующих мировые явления, побудило Пифагора к выработке системы чисел и фигур, которая должна была бы объяснить внешнее мировое свершение, то пятью столетиями раньше восприятие тех же голосов побудило Давида создать псалом, в котором в волнующих словах выражено величие творящего гласа Божия:

"Воздайте Господу славу имени Его;
поклонитесь Господу в благолепном святилище Его.
Глас Господень над водами;
Бог славы возгремел,
Господь над водами многими.
Глас Господа силен;
глас Господа величествен.
Глас Господа сокрушает кедры;
Господь сокрушает кедры Ливанские
и заставляет их скакать подобно тельцу,
Ливан и Сирион - подобно молодому единорогу.
Глас Господа высекает пламень огня.
Глас Господа потрясает пустыню;
потрясает Господь пустыню Кадес."
(Псалом 29; 2-8, ср. Псалом 19)

Непосредственное переживание "гласа Господа" и знание, что он движет всем во внешнем мире, было достаточным для Давида. Потребность мировоззренческой разработки этого познания была чужда ему. Но зато всё его стремление было направлено на то, чтобы всегда поддерживалось живое общение с сущностью Элогима. Само общение содержит в себе все, что ему требовалось.

"Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его." (Псалом 27; 4).

Но Псалмы свидетельствуют также о страданиях Давида, когда это общение должно было прерываться в силу необходимости. Мука, причиняемая этими перерывами, состояла не только в том, что они переживались как моменты немилости, но и особенно в следующем:

Как уже было упомянуто выше, познание через Манас есть нисходящее познание. Этот факт несет с собой переживания, сильно отличающиеся от переживаний обыкновенного познания. Ибо при познании через Манас человек сначала наполнен познанием внутренне, в надсознательных слоях своего существа, и лишь на последней стадии своего пути оно пробивается в обычное сознание. Таков его путь во времена "прилива". Если же речь идет о времени "отлива", то познания лишается прежде всего обычное сознание, тогда как более глубокие слои человеческого существа еще полностью овеваны и проникнуты его звучанием. Такое состояние является причиной страдания, о котором можно получить представление, хотя и весьма приблизительное, приняв следующие слова за описание действительного состояния, а не за поэтическое преувеличение:

"Я пролился, как вода;
все кости мои рассыпались;
сердце мое сделалось, как воск,
растаяло посреди внутренности моей.
Сила моя иссохла, как черепок;
язык мой прильпнул к гортани моей,
и Ты свел меня к персти смертной." (Псалом 22; 15-16)

Жажда, переживаемая человеком, когда противоположность верхнего и обычного сознания становится очевидной ему благодаря тому, что первое полно познания, другое же чувствует себя опустошенным, является гораздо большей, нежели жажда души, которая живет, совершенно незатронутая духом. В таком состоянии человек переживает свое обычное существование как препятствие, которое должно дать место духу. Причем так переживается не тело, а именно душа, которая заставляет жаждать также и тело, так как своим внутренним состоянием она преграждает ему приток укрепляющей и просветляющей духовной силы. Не только дух, но и тело выдвигает тогда обвинение душе, по вине которой оно страдает. Но благодаря этому состоянию душа сознает свою вину как по отношению к телу, так и по отношению к духу.

Если душа находится в таком положении, когда дух касается ее, касается столь явственно, что душа со всей силой стремится ему навстречу, но дух все-таки не вступает в полное сознание души, и когда, с другой стороны, тело внутренне обнаруживает себя жаждущим и алчущим духа, тогда душа в состоянии понять свою вину перед Богом и перед природой. Душа тогда "осознает" свои "грехи", и как следствие этого страдания в ней возникает новая сила, имеющая наибольшее значение в судьбе человека и челоучества - сила раскаяния.

Если вина, переживаемая в дневном сознании, удерживает дух от души, то сила раскаяния снова отворяет замкнутые врата духовного мира. Нет на Земле человека без вины; если бы духовное познание сообщалось лишь действительно святым, то на Земле не было бы вообще никакого духовного познания. Врата духовного мира оставались бы запертыми для всех людей. Но все-таки существует ключ, отворяющий эти врата. Этот ключ -

истинное внутреннее раскаяние от своего имени и от имени человечества за всю человеческую вину перед природой и Божеством. И в правильном смысле понятая способность к раскаянию - это именно та сила, которая, начиная с двадцатого столетия и вплоть до шес-

той культурной эпохи, будет открывать в будущем для постоянно растущего числа людей врата, скрывающие духовный мир. Эта способность и есть "ключ Давидов", который открывает и никто не сможет закрыть, и о котором идет речь в Апокалипсисе Иоанна в связи с Филадельфийской культурной общиной. Название "ключ Давидов" дано потому, что именно Давид был первой личностью в истории христианского течения человечества, выступившей носителем и представителем этой способности.

Возьмем, например, 51-ый псалом Давида и рассмотрим его предложение за предложением в свете вышеизложенного, и тогда мы получим живое впечатление от того, что было так важно для Давида.

"Ибо беззакония мои я сознаю,
и грех мой всегда предо мною.
Тебе, Тебе единому согрешил я,
и лукавое пред очами Твоими сделал,
так что Ты праведен в приговоре Твоем
и чист в суде Твоем.

Вот, я в беззаконии зачат,
и во грехе родила меня мать моя.
Вот, Ты возлюбил истину в сердце,
и внутрь меня явил мне мудрость." (5-8).

"Сердце чистое сотвори во мне, Боже,
и дух правый обнови внутри меня.
Не отвергни меня от лица Твоего,
и Духа Твоего Святаго не отними от меня." (12-13).

"Избавь меня от грехов кровавых..." (16).

"Ибо жертвы Ты не желаешь, -
я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь.

Жертва Богу дух сокрушенный;
сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже." (18-19).

Самое существенное, что было так важно для Давида, - это "сердца сокрушенного и смиренного" жертва, которая не будет презрена. Способность раскаяния, которой он обладал, была его "ключом", отворявшим врата духовного мира. У Давида речь идет о таком осознании "закона", которое далеко опережало время. Как Меркурий (то есть Венера современной астрономии) предвещает, будучи утренней звездой, появление Солнца, так и Давид, ведающий благодаря раскаянию, был провозвестником Христова Солнца.

Но меркуриальная мудрость Давида - это познание через Манас, которое выпало на долю не только ему одному. Его сын Соломон, само имя которого означает мудрость Манаса, также обладал ею. Однако между мудростью отца и мудростью сына имелось важное различие. Давид переживал свет Манаса так, что тот являл ему его собственное несовершенство и вину, тогда как Соломон

видел несовершенство мира.

В то время как один никогда не отказывался от мира и жизни, ибо видел несовершенство в себе, другой видел несовершенство в мире, и вследствие этого в конце своей жизни смотрел на суету мирскую скучающим взглядом мудреца, который благодаря свету Манаса, ставшему его собственным светом, стал закрыт для всех светильников мира.

На примере Соломона можно понять опасность познания через Манас, что, однако, не мешает нам рассматривать этот образ с глубокой человеческой симпатией. Иной способ

рассмотрения вообще невозможен в отношении людей и людских судеб, ибо антипатия или холодная безучастность делает душу наблюдателя слепой к сущности людей и их судьбам.

3. Соломон

Когда свет Манаса излучается в астральное тело, происходит откровение Манаса. Если это происходит как следствие инициативы и усилий человеческого Я, то речь идет о познании через Манас. Если же Я в самом себе собирает лучи света Манаса и затем излучает их как собственный свет, то мудрость Манаса становится собственной мудростью человека.

Последнее имело место у Соломона. Это единственный образ человеческой мудрости в Библии. В остальных случаях речь идет либо об исполненных духа пророках, либо о "мужах Божиих", то есть о людях, лицом к лицу общавшихся с сущностями духовного мира. Последних нельзя назвать мудрецами, ибо им была свойственна способность сознательного общения с духовным миром, но то, что они черпали из этого общения, было не их мудростью, а "премудростью Божией". Так, например, Давид именовался "светочем Израиля", а не "мудрецом Израиля". Ибо свет сущности Манаса он не сделал собственным светом, но давал светить через себя всеобщему свету духовного мира и по этой причине заставлял замолкнуть самомнение. Обозначение "мудрый" было по праву применимо лишь к Соломону, взявшему в свое обладание свет Манаса и ставшему, таким образом, мудрецом. Разумеется, перевес в сторону собственной личности в познании Соломона происходил постепенно.

В начале познание Соломона было самоотверженным и лишь со временем, главным образом во второй половине жизни, стало эгоцентрическим. Ибо Соломон, в ночном переживании во сне в Гаваоне моливший Бога о сердце, преданном духу (3 кн. Царств 3; 5-14), и Соломон как Экклезиаст говорящий: "И возненавидел я жизнь; потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все - суета и томление духа!" (Экклезиаст 2; 17)* - сильно разнятся между собой. Часть жизненного пути лежит между Соломоном - сновидцем в Гаваоне и Соломоном - Экклезиастом. И этот путь вел первоначально самоотверженную душу к лишенному любви мирознанию безучастного наблюдателя. Трагизм Соломона в том, что вместо того, чтобы в качестве судьи человеческой природы стать вестником мудрости, достигаемой через раскаяние, он как судья жизни и мира стал вестником их суетности и ничтожества.

* Лютер переводит последнее предложение следующим образом: "ибо все суета и погоня за ветром". Автор видел себя вынужденным наряду с лютеровской Библией пользоваться русским авторизованным переводом Библии и в большинстве случаев предпочитать версию последнего. Это замечание относится ко всем местам Ветхого Завета, какие приводятся здесь.

Однако неудачу Соломона нельзя толковать бездушно, на обычный лад, говоря попросту: "Он был недостаточно "чист" и "возвышен", чтобы справиться со своей задачей". Легко разделаться с человеком с помощью таких положений, и так бывает очень часто. Но самом деле суть состоит в том, чтобы направить взгляд на великую душу с вопросом: каким было намерение этой великой души и в чем глубинная причина трагического крушения этого намерения?

Образцом является и остается то, как говорил о людях Рудольф Штейнер. В качестве примера того, как надо говорить о жизни и труде ближнего, можно упомянуть высказывания Рудольфа Штейнера об Эрнсте Геккеле или о Фридрихе Ницше. Почитающая любовь - вот что обостряет видение человеческого. И если постараться с этой точки зрения рассмотреть душевную жизнь Соломона, то получится потрясающая история одной великой души на Земле.

Душа Соломона была пророческой природы, то есть такой, которая предвосхищает в своей жизни далекое будущее. Но эта душа предвосхищала будущее так, что она не просто переживала в духовном мире то будущее, которое должно некогда низойти из

духовного мира в земное свершение, но она низводила это будущее в земное, чтобы преждевременно развернуть его там. Она низводила "небесный огонь" и должна была переносить за это те же страдания, какие переносил Прометей: читая Книгу Экклезиаста-Соломона, видишь, как коршун гложет печень Прометея. Неопишное пресыщение миром и томительное бессилие изменить его, составляющие основной тон этой книги, суть не что иное, как наказание Божие за низведение небесного огня на землю.

Одно слово, прадревнее слово, раздавшееся в решающий час судьбы человечества, звучало в душе Соломона как основной импульс: "вы будете как боги, знающие добро и зло". И Соломон следовал этому слову и не спрашивал более о том, что Небо говорит о Земле, а взбирался на все вершины и спускался во все глубины земные и человеческие, чтобы самому отвесть всего, что совершается под Солнцем.

Самому пройти всеми путями мудрости и глупости, самому испробовать все наслаждения, вкусить всего, что есть в жизни сладкого и горького, - такова была воля титана Соломона. И он возвел Храм согласно указаниям, оставленным его отцом, и превзошел их в красоте и великолепии. Но рядом с Храмом он воздвиг дворец не менее величественный, чем Дом Божий. И соорудил там же из слоновой кости и золота трон, каким не обладал ни один владыка под солнцем. И собрал несметное богатство и окружил себя всякой красотой, как творением человеческим, так и творением Божиим. Не необузданность и распутный нрав его были причиной того, что Палестина, Финикия, Сирия и Египет отдавали Соломону своих прекраснейших дочерей, а его почти безграничная страсть к познанию.

Но перед рассветом покидал Соломон царский дворец и как простой воин царской стражи бродил по тесным городским улочкам и по окрестным полям и виноградникам. Так он знакомился с другой стороной жизни - жизнью простого люда, вдов и сирот. Там познакомился он с Суламифью, которая смогла пробудить у него в душе то, чего не сумели дочь фараона и царица Савская, - Высокая песнь Соломона свидетельство тому.

Но его познавательное стремление не ограничивалось его окружением, ибо "он был мудрее всех людей... и имя его было в славе у всех окрестных народов. И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять; и говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил и о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах. И приходили от всех народов послушать мудрость Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его". (3 кн. Царств 4; 31-34).

Так ходила эта душа всеми путями, чтобы познать, что есть ценного под солнцем. Но при этом она исходила не из вопроса, какую ценность для Неба имеет все земное свершение, а из вопроса о ценности переживаемого на Земле в самом земном свершении. Эта душа говорила себе: человеку нет нужды заботиться о том, что Бог на небе божествен, суть в том, чтобы человек обретал на Земле божественное счастье. Бога я видел дважды лицом к лицу, отец мой также видел Его. И тем не менее душа отца моего мерзла после того, как он исполнил свой труд, когда он должен был бы быть счастлив. То, что на Небе, принадлежит Небу; то, что человек может найти на Земле, - вот чего хочу я искать. Ведь человек приходит на Землю ради Земли, а не ради Неба. Но что есть ценного на Земле, ради чего человек рождается и живет? В чем смысл рождения на Земле?

Поистине, Соломон не был ни отрицателем духа, ни эгоистом, домогающимся личного счастья. Перед этой душой стоял трагический образ его седого отца, который как помазанник Божий исполнил свой труд, который владел самими сердцами численно возросшего народа, и в конце своей жизни окруженный кругом людей, верных ему и в жизни и в смерти, тем не менее одиноко страдал от холода жизни. Друзья озабоченно искали средства, которые могла бы доставить земная жизнь, чтобы дать царю тепло для последних дней его, но все средства оказывались недейственными и ничто не могло согреть коченеющую душу. Этот образ стоял перед Соломоном как великий жизненный

вопрос: что есть земной жребий человека? Может ли вообще человек обрести что-то, что сделает его счастливым?

Так вопрос Соломона возник в его внутренней биографии в той земной жизни. Но только в действительности состояние Давида было вызвано не тем, что он разочаровался в ценности жизни, а, напротив, тем, что в течение его жизни ему не доставало самого ценного, что он обрел в юности своей: своего друга Ионафана, сына Саула, чью утрату не смогло возместить ему ничто в жизни. Слова плача его: "Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской..." (2 кн. Царств 1; 26) - раздавались на протяжении всей жизни Давида, и это они отняли у него на исходе дней живое тепло его души.

Состояние это было тоской по обретенной однажды любви, а не отчаянием от невозможности отыскать что-либо ценное на Земле. Ощущение утраты обретенного и невозместимого в корне отлично от настроения, породившего слова: "Суета сует - все суета". Результатом великого эксперимента, поставленного Соломоном в жизни, было убеждение: все ценности земной жизни - мнимы. Также напрасен отказ от земной жизни ради Неба, ибо "кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на облака, тому не жать". (Экклезиаст 11; 4).

Что же тогда остается человеку, если ни Земля, ни Небо не предлагают в земной жизни цели, достойной того, чтобы добиваться ее? Ответ, даваемый Соломоном, состоит именно в том, что нельзя ставить себе никакой цели. "Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд." (Экклезиаст 11; 9) Иными словами: дай природе быть природой в тебе и проявлять себя на природный лад, но в границах, приписываемых законом Божиим, суда ради - "доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его". (Экклезиаст 12; 6-7).

Так получилось, что Соломон, многие годы стремившийся оставить потомкам книгу оправдания жизни, оставил после себя книгу для самоубийцы. Ибо "Экклезиаст" - это книга, в которой все самоубийцы мира могут найти обоснование самоубийства. Ибо если все - суета и если наставляются лишь на скудное вкушение маленьких повседневных радостей, то кто тогда сможет жить? Должен ли тогда лишь один страх перед Судом быть достаточным основанием, чтобы переносить жизнь до конца?

Путь Соломона - это путь люциферического познания через Манас. Испытание, которое несет с собой познание через Манас, - это внутреннее окончательное объяснение с Люцифером. Ибо тогда перед человеком открыто два пути: путь раскаяния и смирения и путь суда над миром и жизнью, над всем, кроме самого себя. Сознание вины человека перед природой и перед духом - вот та почва, где может преуспеть истинное познание через Манас; восседание на троне судьи мира есть подпадение искушению Люцифера.

Выбор между двумя этими путями будет великим испытанием шестой культурной эпохи; тогда человечество в наивысшей мере будет подвержено искушению переживать разочарование в человеческих стремлениях, человеческих возможностях и человеческом познании. Это должно быть пережито человечеством. Ибо лишь тот человек, который погасил все светильники жизни, обретет новую и истинную силу жить - жить из любви.

Но прежде, чем это произойдет, он должен пройти через пустыню, ибо лишь в "пустыне" возможно нисхождение "манны небесной". Ценности нашего времени (такие, как "научный прогресс", "процветание", "единение") будут отброшены (и многими людьми гораздо раньше) как детские игрушки, и люди либо как абсолютно нищие смиренно станут перед духовным миром, либо в презрении к жизни и миру повернутся к миру спиной.

Если произойдет первое, то врата духовного мира откроются снова и в жизнь потечет сила, которая придаст новую ценность всем ценностям жизни. Человек назовет тогда все

вещи мира новыми "именами", как он назвал их однажды, в раю, до грехопадения. "Переоценка всех ценностей" есть следствие познания через Манас, но она может быть позитивной и негативной.

В девятнадцатом столетии на глазах у всего мира совершилась трагедия одного такого превращения познания через Манас в негативное - переоценка всех ценностей Фридрихом Ницше была повторением соломоновой. В то время как в великую задачу Ницше входило привести современную культуру к осознанию ее вины и великому раскаянию, он выдвинул идеал сверхчеловека, который есть не Заратустра, а освободившийся отныне от оков "страха перед судом" Соломон. Стоит представить себе Соломона свободным от осознания суда, выросшим в эпоху Дарвина и Геккеля, и узнаешь его в фигуре ницшеанского "Заратустры".

Да, все мотивы Экклезиаста вновь находишь в "Так говорил Заратустра". Не есть ли "веселая наука", свободная от "духа тяжести", лишь разработка и продолжение заключительного совета Соломона: "Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей..."? Не есть ли идея "вечного возвращения" у Ницше лишь новая форма соломонова учения, оптимистически преображенного: "Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем"? (Экклезиаст 1; 9) Да, воскресение Экклезиаста в Заратустре Фридриха Ницше идет столь далеко, что слова Соломона:

"И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она - сеть, сердце ее - силки, руки ее - оковы... мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел." (Экклезиаст 7; 26,28) - можно найти вновь у Ницше.

Так через Соломона может быть глубоко понят Ницше; через Соломона же и Ницше может быть понят трагизм люциферического познания через Манас, в конце концов подпадающего Ариману. Ибо если Прометей принес огонь с Неба, если Соломон сжег этим огнем все человеческие ценности, то в Ницше этот огонь преобразился в конце концов в огонь ненависти, полыхающий во внутренности Земли.

Ибо когда Ницше писал "Антихриста", то огонь этого сочинения более не воодушевлялся ни прометеевой жалостью к человечеству, ни огнем соломонова разочарования, но вдохновлялся огнем ненависти к Духу Христову. Так разочарование Соломона преобразилось в ненависть, водившую рукой Ницше, когда он писал "Антихриста".

Вот потрясающий пример дегенерации люциферического от жалости к человечеству до подпадения ариманической власти, в основных чертах охарактеризованной в 5-ом рассмотрении. То, что было высказано там как общая истина, может быть понято и прочувствовано здесь в свете живых лиц.

Время первых царей было временем "откровения Меркурия", то есть временем, когда должна была проявиться сущность Манаса. Время вавилонского пленения ведет нас одним шагом далее, ближе к великому прямому Солнечному откровению, совершившемуся через Христа Иисуса.

Таким образом, предметом следующего рассмотрения будут духовные страницы "эпохи Венеры", то есть времени вавилонского пленения.

X. ВАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ И МУДРОСТЬ ЗАРАТУСТРЫ

Значение "земли обетованной" исследовалось нами как в 3-ем рассмотрении (Авраам, Исаак и Иаков), так и в 8 - ом (Моисей), причем в первом случае Палестина трактовалась как "священное место", во втором - как страна, вступление в которую должно было означать для Моисея третью ступень, достигнуть которой ему было, однако, не дано.

Теперь же, в связи с вопросом о вавилонском пленении, необходимо познакомиться с новой стороной значения "земли обетованной". Ибо здесь дело уже не в подготовке этой области в посвященных землях и также не во вступлении в эту область, но прежде всего

в оставлении этой области, которое было вынужденным событием в судьбе израильского народа, как в судьбе отдельного человека вынужденными являются смерть и болезнь. Но воспринимать его просто как "наказание" было бы не только односторонне, но и близоруко. Подобное понимание не было бы плодотворным для уразумения дальнейшей судьбы израильского народа.

И, напротив, многое может выявить понимание, приобретенное в результате дальнейшей работы над указаниями, сделанными Рудольфом Штейнером в цикле лекций о Евангелии от Матфея. В этом цикле Рудольф Штейнер говорит, что задача вавилонского пленения заключалась в том, чтобы представить "сферу Венеры" в судьбе Израиля, поскольку в Вавилоне Израиль пришел в прямое соприкосновение с Заратустрой, действовавшим через Заратосу. Уже один этот намек может указать направление, в котором следует искать смысл оставления "земли обетованной".

Но прежде чем остановиться на вопросе о смысле оставления "земли обетованной" при вавилонском пленении, должен быть с определенной стороны освещен вопрос о значении заселения Палестины израильским народом.

В первую очередь необходимо понять сущность отношения народа Израиля к палестинской области. При этом объяснение связанности израильской народной общины и ее миссии с палестинской почвой не надо искать в своеобразно благоприятном положении Палестины среди трех великих культурных кругов: средиземноморской культуры Финикии, культуры Египта и месопотамской культуры. Ведь и феномен смеха можно вполне правильно объяснить мышечными движениями углов рта, но это объяснение будет неудовлетворительным для любого, кому приходилось смеяться, поскольку он пережил веселье, определившее мышечные движения. Также и связь между Палестиной и народом Израиля нельзя объяснять посредством фактов, лежащих в той же плоскости, что и приведенное выше поверхностное объяснение смеха. Ибо в таком случае давали бы просто расширенное описание процесса, но не объяснение его. Последнее же нужно искать в другой плоскости. Поэтому оставим без внимания много важного и верного, что могло бы быть сказано по данному вопросу, исходя из внешнего исторического исследования, чтобы уделить безраздельное внимание духовно-кармической стороне проблемы.

Если поступить таким образом, то проблема расчлениется на троичность взаимосвязанных отношений: во-первых, нисходящего к рождению Христова Существа, во-вторых, народа Израиля и, в-третьих, палестинской области. Уже при этом простом сопоставлении ясно, что предназначение как народа, так и области его обитания следует искать не в нем самом, а во Христе. Ибо если все всемирно-историческое дело ветхозаветной истории народа Израиля должно было подготовить рождение Христа, то и область, в которой это было совершено, должна рассматриваться в связи с этой задачей. Здесь возникает важный вопрос: для чего нужна была Христову Существу палестинская область

Вопрос этот становится более весомым, если учесть, что израильский народ мог столетиями жить и процветать за пределами "земли обетованной" (в Египте, в Месопотамии), но что три года присутствия Христа на Земле протекали лишь в пределах Палестины. Это говорит о том, что народ нуждался в этой области не столь сильно, как Христос Иисус.

Этот факт непосредственно указывает на тайну связи, существовавшей между миссией Христа и областью Палестины. И познание взаимосвязи Христа Иисуса с этой областью Земли является одним из самых потрясающих познаний о судьбе Христа Иисуса. Эта область Земли требовалась Ему не для жизни, а для смерти. Для жизни на Земле ему нужны были поколения народа, то есть поколения натовой и соломоновой линий; для смерти же на Земле Ему нужна была та область, где совершилась Мистерия Голгофы. Палестина была подготавливаемым многие годы местом погребения Христа подобно тому, как поколения народа Ягве означали подготовку места Его рождения.

Чтобы понять это, необходимо вызвать в сознании тот факт, что при рождении человек берет свое эфирное тело от Неба, физическое тело - из потока наследственности, а минеральное тело - у физического окружения. Первое означает для него жизнь, второе - участие в карме человечества ("первородный грех"), а третье - его смерть. Ибо минеральный внешний мир может означать для человека лишь смерть, единственная реальность минерального мира есть смерть (ср. с соответствующими изложениями Рудольфа Штейнера в цикле "Эволюция с точки зрения истины", 1911 г., кат. 132).

Тем самым при рождении Небо дает человеку в приданое способность жизни, предки дают ему крест, чтобы нести его, внешний же минеральный мир наделяет его необходимостью умирания. Эту последнюю способность должно было воспринять от внешнего мира также и Христово Существо. И лишь палестинская область подходила для того, чтобы сделать возможным для Него тот род смерти, который был заложен в Его миссии.

Именно с этой целью Палестина многие столетия превращалась в "священное место". С одной стороны, эта область издавна подготавливалась для того, чтобы "молоко и мед" потока откровения из духовного мира возвысить до откровения "хлеба небесного", Христа, а с другой стороны, для того, чтобы подготовить почву для умирания Христа. В чем же заключалась эта подготовка?

Минеральный слой земной поверхности - это первая из девяти сфер внутренности Земли, и он является бастионом внутренности Земли против Неба. Сам по себе он еще не зол, это как бы морально нулевая сфера, представляющая препятствие для Неба исключительно косностью отвердения. Однако стена минерального не является непроницаемой, и как зло внутренности Земли может проявляться поверх минерального слоя, так и благое Небес - действовать ниже этого слоя. Для осуществления последнего сверху делается очень многое. Так, в элементарном мире на это направлена работа сонмов гномов, постоянно разрыхляющих почву; в этом смысле действует и все человечество, слагая при смерти трупы и тем противодействуя тенденции этого слоя к отвердению.

Но самое сильное воздействие на минеральный слой может быть оказано через отдельные человеческие индивидуальности. Это происходит, когда отдельные люди в оккультных упражнениях применяют "метод Я". Тогда из точки Я между бровей вниз устремляется световой поток, который проникает минеральный слой и может проникнуть далее в подземные сферы. Через ниспослание такого светового потока были совершены те описания сфер внутренности Земли, которые дал в цикле "У врат теософии" Рудольф Штейнер (Штутгарт, 4 сентября 1906 года, кат. 95).

Подобный метод существовал также и в древние времена: то был метод Ягве, практиковавшийся в израильской народной общине со времен Авраама (об этом методе в противоположность к "методу Ваала" уже говорилось в восьмом рассмотрении). Суть метода заключалась в том, чтобы породить поток сознания, направленный вниз, в систему конечностей и обмена веществ и далее.

В мистериальных школах того времени стремление было несколько иным. Там стремились вверх, чтобы душа, освобожденная от тела, смогла переживать в духовном мире. В мистериях стремились сохранить открытыми врата в Небо.

В школе Ягве, напротив, стерегли "врата ада", о которых Христос говорил Петру. Там в земном бытии люди делали то же самое, что Ягве делал в Космосе. Ибо Ягве "стережет" врата в восьмую сферу с Луны, направляя солнечный свет во мрак ночи. Подобно ему посвященные Ягве "стерегли" врата в подземные сферы, своей работой удерживая их открытыми.

Образ открытых врат можно представить себе вполне конкретно. Это как бы перевернутый по отношению к земле вулкан небесный. И подобно тому, как подземные силы через вулкан прорываются вверх, так в Палестине работой течения Ягве создавалось место прорыва верха вниз.

Эта работа указывает нам на тот факт, что во время ветхозаветного приготовления необходимо было действовать не только в смысле египетского оккультизма, но и в направлении механического оккультизма, то есть Дух и Отец действовали совместно, чтобы сделать возможным как рождение, так и смерть Сына.

И когда во время Мистерии Голгофы случилось землетрясение, то было оно не земного, а небесного происхождения. В сущности, то было "небо-трясение", которое, однако, потрясло и раскололо Землю, - совершенно отличное по своему происхождению от землетрясений, имевших место до этого. Тогда это было зримое выражение давно подготавливаемой сверхчувственной трещины, открывающейся во внутренность Земли, ставшей в этот момент внешним событием. Через эту трещину Земля восприняла таинство Причастия и благодаря этому навечно соединилась со Христом.

Палестина была "святой землей" в том смысле, что она должна была быть местом погребения Христа, теперь же, исполнив свою задачу, она уже более не является таковой. Эта страна дала Христу смертное, то есть минеральное, тело. Этот факт был важен и для народа Израиля, но для него эта страна имела противоположное значение: это была страна, где текут "молоко и мед". Те же самые силы, которые разрушали противодействие подземных сил, люди переживали в виде истечения "молока" как астрального потока благодати и "меда" как эфирного потока благодати, живя в ожидании третьего потока - "хлеба жизни", чей благодатный ток должен был простереться вплоть до физического тела.

Это переживание таинственного истечения потоков, обозначавшихся как "молоко" и "мед" и паривших над страной подобно волшебному дуновению, которое как космическая детскость и невинность ощущалась утихшей душой особенно в час солнечного заката и воспоминание о котором продолжало жить в естественности любви мужчины и женщины и в радости о ребенке, столь свойственной древним израильтянам, это волшебное дуновение покойно веяло над страной ожидания Грядущего. Это не было иллюзией, это не было и откровением Элогима Ягве, гласившего Моисею в грозящем молниями облаке. Нет, то было присутствие эфирно-астральных сил, которые Христос нес позже в эфирном и астральном телах, тех сил, которые были свойственны невинной душе натанова Иисуса. Это была невинная сестринская душа Адама, все более соединявшая с Небес свои чистые детские силы со страной, которая должна была дать ей смертное тело минеральных субстанций. Прежде чем родиться, натанов Иисус долгое время парил над страной своего рождения, связываясь с нею невинным способом, изливая кроткую любовь и творя таким путем нежную ткань, соединяющую его с этой страной. Люди ощущали эти потоки и называли их "молоком" и "медом".

А вечная сестра Жертвующего, Архангела, несшего у сердца детскую душу, Изида-София, Небесная Мать, благословляла всякое рождение и плодородие страны и вдыхала в ее эфирную душу почитание матери, и говорила глубоко в сердцах женщин Израиля, матерей Грядущего, наполняя их молчаливым знанием: свята всякая радость, свята всякая скорбь матери. И в то время, как пророки говорили словами, в которых можно было ощутить пламена Элогима Ягве, жены Израиля хранили святое молчание о неопишемом и невыразимом откровении Изиды-Софии.

Так, благодаря невинному существу натанова Иисуса в святой земле текло "молоко" Изиды-Софии и "мед" Озириса.

Однако для полной подготовки мистерии израильской духовной жизнью должно было быть воспринято не только то, что могло сказать и дать Небо, но и то, что имелось в земном опыте от начала развития человечества. Во Христе Иисусе должны были встретиться небесное откровение и самые зрелые плоды достигнутой на земле мудрости. Индивидуальность великого Заратустры следует понимать как совершеннейшего представителя последней для всей послеплатонической эпохи развития. Это был "первый ариец", поскольку он осуществил задачу арийства, то есть послеплатонической культуры.

Заратустра не только воспринял, но и усвоил всю мудрость древнеиндийской культурной эпохи. Поэтому когда древнеиндийская культура приняла направление, не отвечавшее задаче послеатлантического человечества, он смог основать новую культуру, противопоставив ее ставшей неправомерной индийской культуре и враждебному Турану. Таким образом, между неправомерной Индией и враждебным Тураном возник импульс Заратустры. Рассматривая мудрость Заратустры в ее отношении к Индии и туранству, легче разобраться в ее сути, ибо тогда оба эти контрастирующие течения предоставят возможность сделать морально-мыслительный очерк мудрости Заратустры, что поможет разобраться в ее своеобразии.

Сущность контрастов "Индия - Иран", с одной стороны, и "Иран - Туран", с другой, обнаруживается благодаря рассмотрению изначального события в судьбе земного человечества, именуемого "грехопадением"*. "Грехопадение" было рождением кармы человечества на Земле, которая описана в Книге Бытия Моисея как Отчее "проклятие". Для человечества, живущего на Земле, оно предполагает необходимость троякого рода: боль всякого рождения, усилие при любом труде и смерть всего ставшего.

* Подробно о смысле этого события с одной стороны уже говорилось в 8-ом рассмотрении ("Моисей"); здесь это событие будет рассматриваться с иной стороны.

С тех пор происходит так, что появление на Земле всего нового, существа или мысли, связано с болью, все творчество, материальное или духовное, совершается усилием, преодолением препятствий, и все рожденное и сотворенное на Земле однажды исчезает. То, что великий Будда сказал о человечес-

ком жребии, есть, в сущности, не что иное, как повторение того, что сказано в Первой книге Моисея; Будда лишь снова довел до сознания факт Отчего "проклятия".

Изначальная карма земного человечества есть основа всех кармических течений, а также, в конечном счете, и всех индивидуальных человеческих судеб. Ибо от отношения к изначальной карме зависит то, как складывается индивидуальная карма. Однако с лемурийской эпохи существовало два, а с атлантической эпохи три основных кармических течения в человечестве, обусловленных постижением "проклятия" (после шестой культурной эпохи их снова будет только два). Уже в первое время действия изначальной кармы возникли два различных постижения: одно, ощущавшее "проклятие" как подлинное проклятие, и другое, ощущавшее его как выражение высочайшей Отчей любви, то есть как благословение.

История Каина и Авеля отображает противоположность этих двух постижений, означавших начало двух кармических течений. Жертвенный дым искренней благодарности за земной жребий вознесся вверх; жертвенный дым неудовлетворенности земной жизнью стелился у земли. Именно эти настроения и положили начало двум великим кармическим течениям.

В древний атлантический период возникло третье кармическое течение: течение активной борьбы с изначальной кармой. По существу, грех Атлантиды состоял не в чем ином, как в мятеже против необходимости троякого рода изначальной кармы: боли, труда и смерти. Темный евгенический оккультизм атлантов стремился исключить из жизни боль, тогда как их темный механический и гигиенический оккультизм неправомерным образом стремился побороть труд и смерть.

Два кармических течения послеатлантической эпохи возникли как наследие этого далекого прошлого, одно из них лелеет тоску по освобождению из юдоли скорби земного бытия, другое же с помощью подприродных сил борется против природного начала боли, труда и смерти. Первое из этих течений отклонило Индию от первоначально принятого направления, второе изживалось, напротив, в туранстве. Так, с одной стороны, возникла культура, устремлявшаяся прочь от Земли и выставлявшая в качестве высшей цели освобождение от боли, труда и смерти, а с другой стороны, культура, употреблявшая все средства, чтобы избегнуть этой троекратной необходимости.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что смысл христианского течения на Земле также состоит в преодолении изначальной кармы, и задача земного человечества

заключается в преодолении кармы. Но единственная формула борьбы против кармы, которой должно придерживаться человечество, гласит: "Прости нам вину нашу, как мы прощаем виновным перед нами".

Мировая карма - это точно взвешивающие весы: только в том случае, если на чаше человеческой инициативы лежит "прощение", на другую чашу весов духовным миром может быть положено "изглаживание греха". И этого мгновения духовный мир ждет девятнадцать столетий, ждет того торжественного мгновения, когда человечество позволит ему простить. Ибо если карма прошлого - это тяжелая ноша для расплачивающегося по своим долгам человечества, то для духовного мира она еще тяжелее. Для мира любви необходимость непростения есть большее страдание, нежели искупление вины - для мира. Христос стал человеком и принес страшную жертву, чтобы принести освобождение обоим мирам: миру земного человечества - освобождение от вины, и духовному миру - освобождение от скованности в желании дарить.

С незапамятных времен существования духовного мира держат наготове неизмеримые дары для человечества, они ждут часа, когда наступит возможность затопить человечество счастьем, но этот час пробьет лишь тогда, когда глас человечества истинно прозвучит в словах: "Отче, прости нам нашу вину, как мы прощаем виновным перед нами". А потому мы, люди, никогда не смеем говорить другому в несчастье: "Это - твоя карма". Так смеют говорить боги, потому что они говорят это с божественной скорбью, наше же дело заключается в том, чтобы смягчить и даже предотвратить заслуженную другим негативную карму. Иначе какой имело бы смысл, например, искусство врачевания, если бы оно не было борьбой человечества против заслуженных следствий кармы человечества? И все будущее целительного оккультизма покоится на положении Евангелия от Луки: "Чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на Земле прощать грехи - сказал он расслабленному: встань, возьми постель твою и иди в дом свой". (5; 24)

Для человечества единственно верный способ борьбы с кармой - это внесение в мировое свершение принципа прощения и дарения. Ибо если человечество оставит принцип "око за око, зуб за зуб", то тогда этот принцип будет применен также и по отношению к нему самому.

Преодоление кармы, к которому стремились в туранстве, было совершенно иного рода. Там стремились бежать от индивидуальной кармической ответственности в некое "мы-сознание", а "мы-человечество" стремилось опять-таки избежать общечеловеческой кармы, ища убежища в подземных сферах. Погашение индивидуальности в лоне "мы-сознания" было одной стороной туранского устремления; другой же стороной была ориентированность этого "мы-целого" на закономерность и на силы подземных сфер, главным образом, сферы, обозначаемой как "огненная земля", являющейся областью неограниченного владычества Аримана внутри земного организма. Человечество никогда бы не пришло к тому, чтобы искать прибежища во внутренности Земли, если бы в атлантическую эпоху не произошло предательства мистерий Вулкана, о котором Рудольф Штейнер говорит в "Очерке тайноведения" (кат. 13).

Эти-то "выданные", то есть предоставленные злу и им извращенные мистерии Вулкана и составили духовную основу туранской культуры - конечно, в ослабленной, по сравнению с атлантической эпохой, форме. Основная истина мистерий Вулкана гласит, что высшая цель развития Земли заключается в полном преображении человечеством внутренности Земли. Именно поэтому для седьмого и высшего состояния развития Земли Рудольф Штейнер избрал обозначение "состояние Вулкана". Обозначение это остается загадочным, если, по примеру "состояния Юпитера" и "состояния Венеры", пытаться отыскать планету, которая так же точно указывала бы на будущее состояние Вулкана, как указывают на два будущие состояния планеты Юпитер и Венера. Однако загадочность этого обозначения исчезнет, если соответствующее небесное тело искать не на небе, а во внутренности Земли, куда, кстати, помещала ее и греческая мифология.

Истинное положение вещей таково, что не существует планеты "Вулкан", но эту планету таит в себе внутренность Земли. Когда наступит время полного выворачивания Земли (верное представление об этом выворачивании дает, с точки зрения эфирного, труд д-ра Г. Ваксмута об эфирных образующих силах земного организма), то тогда выявится и объективный феномен планеты Вулкан, окруженной одухотворенным кольцом прошлого человечества Земли. Перед человечеством встанет тогда величайшая задача: в союзе с мировыми силами Отца преобразить глубочайшее зло в высочайшее благо.

Основная идея преданных и извращенных мистерий Вулкана заключалась в превращении указанного выше духовного положения вещей в его противоположность. Внутренность Земли была истолкована не как объект высшего преодоления для будущего человечества, а как источник высших сил, необходимых для преодоления. И это высшее преодоление, которое должно было совершиться с помощью сил Вулкана, состояло в преодолении проклятия Отца, то есть в преодолении боли, труда и смерти. Например, посредством сил убивающей ощущения "воздушной земли" (третьей подземной сферы) надеялись покончить со всякой болью, посредством применения буйной энергии роста "плодоносящей земли" в соединении с "техническими" силами "огненной земли" (шестая подземная сфера) надеялись освободиться от всяческого усилия. И ожидали, что более глубоко находящиеся слои внутренности Земли таят в себе силы, которые дадут Земле бессмертие, обозначаемое Рудольфом Штейнером как "идеал ариманического бессмертия". В сущности, это было бы уже не бессмертие, а

"лишенность смерти", то есть бегство от изначальной кармической необходимости смерти в ту область, на которую эта необходимость уже не распространяется.

Эти интенции жили в основах туранской культуры и определяли многие ее черты, например, своего рода коммунизм, распространявшийся вплоть до семейной жизни. В этом и выразилось "мы-сознание"* туранства, как во враждебном отношении туранства к земледелию выразилась его внутренняя ориентация на внутренность Земли. Ибо когда человеческая рука бороздит плугом землю и разбрасывает зерна, которые теплом, светом и дождем небесным приводятся к росту и плодоношению, она совершает деяние, осуществляемое в союзе с Небом и противостоящее союзу с внутренностью Земли.

* Человек, сведущий в фактах древней истории человечества, особенно атлантического человечества, мог бы возразить, что кармический исходный пункт туранства послепалеолитической эпохи был определен эгоистическим самообожествлением пра-туранцев и что указанное здесь "мы-сознание" не может рассматриваться как существенная черта пра-туранцев. Это возражение, однако, отпадает само собой, если учесть, что эгоизм делает людей впоследствии гораздо более похожими друг на друга, нежели альтруизм, формирующий людей в индивидуальности. То, что называют "великой массой", сплотилось вследствие чистейшего эгоизма прошлого. Так, туранское "мы-сознание" есть следствие пра-туранского самоутверждения в атлантическую эпоху.

Поэтому великий Заратустра учил собравшуюся вокруг него маленькую иранскую общину земледелию как религиозному долгу человека. Для индуса земледелие было повинностью человека, понуждающей природной необходимостью; для туранца оно было чем-то враждебным; для древнего же перса, который в упорном труде должен был влачить свою жизнь в неплодородной горной стране, оно стало земным выражением верности Аура-Маздао.

То, что Заратустра придавал земледелию религиозное значение, указывает на самое существенное в мудрости Заратустры и опосредованном ею древнеперсидском культурном импульсе, а именно, на третье отношение к изначальной карме человечества, отделяющее кармическую общину древних персов от индусов и противопоставляющее ее туранству.

Позитивное отношение к "проклятию" Отца, бывшее корнем мудрости Заратустры, было возможно благодаря познанию грехопадения в его истинном значении. Ибо это

познание показывает, что труд, боль и смерть представляют великие вспомогательные средства для того, чтобы уберечь людей от падения в бездонную пропасть зла.

Трудом человек предохраняется от опасности безвольной пассивности; боль защищает его от опасности чрезмерного субъективизма, поскольку благодаря боли он вспоминает об остальном мире; смертью он спасается от полного отделения от духовного мира. Труд, страдание и смерть берегут волю человека от пассивности, его чувствование от замкнутости и его мышление от помрачения. Таким образом, Отчее "древнее проклятие" означает не что иное, как тройственный вал, защищающий человека от беды. Одни ощущают его как тюрьму, другие - как вражеское укрепление, третьи, напротив, как заслон против зла. Так возникли три кармических течения, обусловившие около семи тысяч лет назад три основных культуры послеатлантического периода. Позитивное отношение к изначальной карме человечества вызвало не просто праведное и благодарное отношение к ведущим властям мира, но также и нечто иное: внутреннее преобразование труда, страдания и умирания в радость, покой и мир. Это произошло благодаря тому, что в назначенную Отцом троекратную необходимость судьбы мог вливаться Святой Дух. Оттого, что Дух мог войти в труд, страдание и умирание, возникла возможность "труда в Духе", "страдания ради Духа" и "умирания в Духе", то есть возникло подлинное существо мистерий. Ибо существо мистерий заключалось в соединении изначальной троекратной необходимости Отца со Святым Духом. Так посредством одухотворения труда возникло "духовное упражнение", медитация мистерий, посредством одухотворения страдания - их "испытания", и посредством одухотворения умирания - их "инициация". Принцип оккультизма (метод оккультизма меняется с каждой эпохой, но его принцип до определенной ступени еще и поныне все тот же) состоит во внутреннем одухотворении труда в духовном упражнении, страдания - в мистериальных испытаниях, и умирания - в процессе инициации.

Три основных ступени мистерий - подготовка, или очищение, просветление и посвящение - возникли благодаря тому, что три "проклятия" Отца были возведены в свет Святого Духа.

Арийский метод посвящения (то есть основные принципы наиболее передовых послеатлантических мистерий) был создан великим Заратустрой. Во время египетско-халдейской эпохи эти принципы были развиты его учениками Гермесом и Моисеем и приспособлены к потребностям других народов. В начале же четвертой культурной эпохи они были обновлены в Вавилонии самим Заратустрой, и в их обновлении участвовали как ведущие личности Израиля, так и Пифагор.

Но труд Заратустры не ограничивался познанием изначальной кармы человечества как выражения целительной воли Отца и выработкой посвячительного метода как сочетания исконных установлений Отца с Духом Святым. Заратустра был также первым духовным водителем человечества, пророчески указавшим на грядущее рождение Сына. Поэтому он стал водителем человеческого течения сознательной подготовки рождения Сына. Но подготовка рождения Сына была смыслом "ветхозаветного" отрезка послеатлантического развития. Суть того, что произошло в это время, можно выразить следующим образом: в ветхозаветную эпоху Отец действовал в карме, а Дух - в познании ради того, чтобы осуществилось рождение Сына.

Рождение Сына было осуществлено со стороны духовного мира и сознательно подготовлено со стороны человечества. Именно Заратустра смог глубже всего познать мистирию этого приготовления, и благодаря этому он стал водителем мистериального течения, воплощающего смысл послеатлантической эпохи. В седьмом и шестом столетиях до Р.Х. содержание этого мистериального течения состояло в познании мировой кармы, то есть "дней" и "ночей" Мирового года, и в познании Существа Солнца, нисходившего к Земле.

Заратустра обладал мудростью, ведающей время, которой было подвластно познание кармы, в которой действовал Отец, и Заратустра обладал также мудростью, ведающей

пространство, то есть он обладал познанием отношений между Солнцем и Землей в потоке времени. Поэтому тот, кто восходил до познания Отчей мировой кармы, именовался на языке этого мистериального течения "отцом", тогда как тот, кто достигал познания тайны пространства, обозначался как "солнечный герой". Так, например, Моисей, который в Книге Бытия смог изобразить творение и становление изначальной кармы, именовался "отцом", а Гермес, возвестивший мистерию Озириса, - "Солнечным героем". Человека же, который мог познать миссию кармической общины, выступавшей как народ, в деле общечеловеческой подготовки рождения Сына, именовали в соответствии с народом, чья духовная задача была познана этим человеком, например, "персом" или "израильтянином".

На этой ступени стоял Нафанаил, познавший Христа как Того, Кого ожидали (см. цикл лекций Рудольфа Штейнера о Евангелии от Иоанна, 1908 г., кат. 103). Из названных трех ступеней лишь первая, то есть "ступень отца", соответствовала одухотворению смерти, тогда как две другие достигались посредством одухотворения страдания, причем так, что ступень "солнечного героя" достигалась через страдание от ответственности за все человечество, а ступень "перса" - через страдания, причиняемые ответственностью за кармическую общину внутри человечества. К этим трем высшим ступеням вели четыре подготовительные ступени ("ворон", "окультист", "воин", "лев"), представлявшие этапы одухотворения труда. Человек, сумевший подняться до мыслительной способности, направленной на тьму неведения, становился благодаря этому "вороном". Если же ему удавалось и познавать в этой тьме, то есть находить там сокровенный свет, то он становился "окультистом", "сокрытым". Если достигнутое таким способом знание созревало в нем до силы представлять его в мире в противоположность злу и заблуждению, он становился "воином". Если он достигал, наконец, высшей степени внутренней активности, то есть той непоколебимости мужества, которая не отступит ни перед каким усилием, он становился "львом".

Во время вавилонского пленения произошла встреча израильского течения Ягве с охарактеризованной выше школой Заратустры. Эта встреча была одним из значительнейших событий духовной истории человечества. Суть ее заключалась не только в том, что представители обоих течений встретились в пространстве, но главным образом в том, что встретились израильское течение откровения и познавательное течение мистерий Заратустры, и это подготовило грядущее соединение натована Иисуса с соломоновым Иисусом, то есть невинной сестринской души Адама с индивидуальностью великого Заратустры. Чтобы встреча эта могла произойти, народ Израиля на определенное время должен был покинуть Палестину, землю "молока" и "меда", ибо ему нужно было оказаться за пределами потока откровений "молока" и "меда", чтобы быть в состоянии причаститься высшему познавательному стремлению человечества. Душевное откровение сестринской души Адама должно было смолкнуть на это время, лишь духовное откровение Ягве, совершавшееся через Я, могло и должно было тогда действовать дальше. Человеческий познавательный опыт должен был тогда быть воспринят внутрь, божественное же откровение Ягве, напротив, должно было быть передано наружу - в этом состояла "встреча" в Вавилонии. То, что Даниил, например, выдержал "испытание львами" во львином рву и одновременно смог передать откровения, неведомые халдейским мудрецам, указывает на внутреннее содержание встречи, которая произошла в Вавилонии: выдержав львиное испытание мужества, Даниил был признан достойным пятой мистериальной ступени и возвышен до соправителя и советника царя; передавая откровения во имя бога иудеев, он был глашатаем мистерии Ягве для неиудеев.

Так, благодаря встрече обоих течений в Вавилоне совершился духовный обмен. С тех пор у других народов были мистериальные посвященные, ожидавшие рождения Спасителя человечества в народе Израиля, в то же время в Израиле были мистериальные посвященные, знавшие о всечеловеческом значении грядущего Мессии. Именно поэтому три мудреца с Востока как представители мистерий смогли придти в Вифлеем, чтобы

приветствовать соломоново дитя - Иисуса; по той же причине и в Палестине могли быть введены школы познания (например, высоко стоявшее вначале ессейство, лишившееся, однако, позже своей чистоты и замененное иной, египетски ориентированной мистериальной школой в миссии подготовки познающего сознания всечеловеческого значения грядущего Мессии), стремившиеся сознательно соединить невинность "непавшей" сестринской души Адама с мистериальной мудростью. Приход трех мудрецов в Вифлеем стал возможным благодаря тому, что откровение Ягве получило доступ в мистерии Заратустры. Пастухи смогли услышать небесное благовестив лишь благодаря тому, что в стране, где текли "молоко" и "мед", сердца с давних времен сознавали единение с невинной сестринской душой Адама. А то, что оба мальчика Иисуса могли родиться, то есть найти сознательный прием, было возможно благодаря тому, что были люди, которые могли заключить союз откровения и познания, невинности и сознательной зрелости. Но этот союз был бы невозможен, если бы задолго до этого он не был подготовлен описанным способом посредством вавилонского пленения.

В то же время, вавилонское пленение имело для народа Израиля значение прохождения через определенную возрастную ступень. Ибо если исход из Египта представлял лунную ступень, время первых царей - ступень Меркурия, то вавилонское пленение являло собой ступень Венеры (см. цикл лекций Рудольфа Штейнера о Евангелии от Матфея, 1910г., кат. 123). Этим сказано не только то, что поток истории Израиля стоял во времени непосредственно перед Христовым событием, которое могло произойти только на ступени Солнца, но и что в сознании ведущих личностей Израиля имела место встреча с мудростью, приближенной к Христову Существо. Встреча с мудростью Заратустры во время вавилонского пленения была соприкосновением с сознанием Венеры. Это событие означало одновременно изменение духовно-морального содержания традиции Израиля. Если вначале она была ориентирована именно на то, чтобы защищать и охранять свое своеобразие от традиций соседних народов, то теперь она получила общечеловеческую направленность.

Этот факт понятен уже благодаря описанной встрече со школой Заратустры, но он может быть понят глубже, если при его постижении привлекать не только факты горизонтально текущей истории человечества, пусть даже и мистериальной, но и явления мира духовных иерархий, то есть постигать его в вертикальном направлении. При этом необходимо учитывать, что обозначенные как возрастные ступени Луны, Меркурия и Венеры суть одновременно ступени в духовном пространстве, соединяющем Солнце и Землю. Тогда они суть сферы, каждая из которых представляет область одной духовной иерархии. Так, лунная сфера - это область иерархии Ангелов, тогда как сфера Меркурия - это область Архангелов.

Если рассмотреть с этой точки зрения две первые эпохи истории народа Израиля, то будет видно, что во время эпохи судей "закон" парил над людьми как моральное установление, но с началом эпохи царей он начинает звучать в душах. Иными словами, во вторую эпоху откровенный свет закона обретает душевное тепло. Это изменение отражает вступление сознания в сферу Архангелов. Но теперь, на этой ступени, израильское сознание переживает себя как носителя определенной народной миссии. Однако это переживание меняется во время вавилонского пленения. Оно поднимается до постижения своей общечеловеческой миссии. Это произошло именно как следствие восхождения в сферу Венеры, которая есть сфера иерархии Архаев. С этой точки зрения следует рассматривать откровения Даниила, они относятся к будущему всего человечества, он зрит "дни" истории человечества катящимися в отдаленное будущее. Так сознательно пережил он сферу Архаев; народ же пережил ее бессознательно как общее расширение кругозора, произошедшее от совместной жизни с другими народами.

О Данииле подробно говорилось в пятом рассмотрении. Уже то, что говорилось там, может сделать понятным характер ступени вавилонского пленения. Тем не менее он был бы неполон, если бы была оставлена без внимания другая фигура этого времени. Могучие

откровения Иезекииля дают возможность познать духовную историю того времени с иной стороны, нежели то было возможно на примере Даниила. Ибо Даниил познает рождение Сына, осуществляемое Отцом; Иезекииль же познает Сына через сферу Святого Духа. Даниил описывает карму человечества во времени; Иезекииль изображает правление Святого Духа, светящего в карму человечества. Таким образом, Иезекииль открывает определенную истину, принадлежащую к величайшим сокровищам, таящимся в Библии, поэтому следующее рассмотрение и будет посвящено откровению пророка Иезекииля.

XI. СВЯТОЙ ДУХ И ДЕЙСТВИЕ СОФИИ В ВЕТХОЗАВЕТНОЙ ДУХОВНОЙ ИСТОРИИ

1. История пророка Иезекииля

Рассматривая историю человеческого познания, видишь проходящий непрерывной нитью вопрос об общем изначальном источнике внешнего мира и человеческого сознания. Вселенское Божество в его отношении к миру и человеку было и остается всегда самым значительным вопросом земного человечества. С момента самого зарождения мышления на этот вопрос отвечали по-разному. Однако сколь ни разнообразны ответы на этот вопрос - исключая атеизм, представляющий собой душевное заболевание, а не явление познавательного порядка - в конечном счете все они объединяются в три группы. Согласно этому Божество воспринимают главным образом или пантеистично, или теистично, или деистично, то есть Оно есть или сама Вселенная в целом, или начало, направляющее извне созданную Им Вселенную, или покоящаяся над миром творческая Сущность, сотворившая мир однажды, но более уже не участвовавшая в свершающемся в нем. Для одних Божество - это все сознание, которое светит в мире, и вся жизнь, которая течет сквозь свершающееся в мире; для других - это высочайшая Личность, пред Которой предстоит мир; для третьих - это трансцендентальный Творец мировой системы, присутствующий в мире столь много и столь же мало, сколь и часовщик в изготовленных им часах.

Эти воззрения проистекают из определенных основных ощущений, которые испытывают человеческие души по отношению к жизни. В то время как одна душа чувствует себя проникнутой лучами и потоками Божественного, другая чувствует себя самостоятельным существом, противостоящим Божественному в свободном общении, третья ощущает не поток Божественного в мире и не откровение его в свободном общении, а только воспоминание о Божественном в облике разумной закономерности, правящей в мире. Представители этих воззрений часто непримиримо противостоят друг другу, полагая, что истина их воззрения безусловно изобличает заблуждение других воззрений. Так, теистическое понятие Бога кажется пантеисту чрезмерно антропоморфным, а теист считает пантеистическое понятие Бога натуралистичным и расплывчатым, тогда как понятие Бога у деиста (например, у Вольтера) отвергается обоими как абстракция, лишенная субстанции. Деист же, напротив, рассматривает оба иные понятия о Боге как ненаучные и нефилософские. Но истинное христианство означает не только проповедь мира, но и действительно вносит мир в распрю мировоззрений. Ибо христианское представление о Боге, Троице, которое есть, в сущности, представление о Боге святой мудрости изначальных мистерий, позволяет деисту, теисту и пантеисту дружески протянуть друг другу руку. Ибо в свете христианской Троицы обнаруживается, что деист - это человек, признающий одного только Отца, тогда как теист обращает свое внимание лишь на одного Сына, а пантеист столь же исключительно представляет только Святого Духа. Все три представителя основных воззрений на Божество правы в той мере, в какой они могут говорить позитивно; однако они не правы, отрицая другие воззрения.

Истина в том, что Божество как покоится вне совершающегося в мире, так и присутствует в мире как высший пример всем существам, и также светом и жизнью течет

и пульсирует во всех существах. Троиство Божества - это то высочайшее, куда может вознестись человеческая мысль, что может охватить человеческое сердце и человек - исповедать всем своим существом. Человек лишь не должен думать, что он сможет достичь истинного представления о Троице на одном пути. Если он предается лишь внешнему наблюдению природы, то обретает через это не Троицу, а достигает только признания Отца; если он предается наблюдению только своей собственной внутренней жизни, он получает представление о всеобщем действии Святого Духа; если же он рассмотрит как внешний, так и внутренний мир, исходя из вопроса: "Чего недостает внешнему миру?" или: "Чего недостает внутреннему миру?", то есть спрашивая не о том, что есть, но о том, что еще несовершенно в мире и в человеке, он найдет космический праобраз Сына.

Взгляд, смиренно направленный на источник сознания и жизни, неизбежно ведет человека к признанию Святого Духа; взгляд наблюдающий, познающий, направленный на внешний мир, убеждает человека в существовании Отца, Творца, на которого указывает творение, раскинувшееся пред познающим взором; а взгляд, с участием взирающий на беды и несовершенство мира, ведет человека к уверенности относительно Сына. Кому недостает смирения души, для того Святой Дух - это только абстрактное понятие; тот, чье усердие к истине слабо, не сможет признать Отца; кто бессердечен в жизни, тот не сможет исповедовать Сына. Исповедовать Троицу - значит суметь решиться взирать на жизнь религиозно, объективно и целительно-художественно.

Таково требование, с которым христианство подходит к человечеству, ставя перед ним идею Троицы.

Если пути, ведущие к исповеданию Троицы, различны, то различны и внутренние процессы осуществления этого исповедания применительно к каждому члену Троицы. Так, Отец вообще не может быть познан, но только - признан. В человеке может быть усилено только действие Отца, самого же Отца взор воплощенного земного человека узреть не может. Действие же Отца в человеке выявляется благодаря тому, что душа попеременно находится под исходящим влиянием как света, так и тьмы. Если сначала душа была озарена, чтобы затем погрузиться в полное уединение и молчание, то сила, остающаяся после этих состояний в душе, и есть сила воздействия Отца. Ибо Отец не открывается ни в свете, ни в безмолвной тьме, но посредством света или посредством тьмы. Непосредственное опытное переживание (в отличие от мыслительного признания) Отчего Существа, которое возможно для человека на Земле, ограничено переживанием действия Отца, возможное лишь благодаря чередованию высочайшего счастья и глубочайшего одиночества. Лишь тот, кто знает блаженство неизреченной ясности духовно просветленной души и одновременно неопишное одиночество души, что должна неподвижно ждать, подобно паруснику с повисшими парусами при полном безветрии, не побуждаемая к действию и познанию, знает тот внутренний душевный покой, который есть отблеск покоя Отца на Небесах. Этот покой и есть человеческий опыт переживания Отца; он делает человека сильным перед лицом жизненных испытаний и смерти. Он есть вертикальная ориентация воли в человеке, превращающая человека как бы в столп, который соединяет Небо и Землю. Так непоколебимо, подобно столпу воли стоял Рудольф Штейнер в то время, когда вокруг него бушевали бури. Это была воплощенная в жизнь реальность слов "Отче наш": "Да свершится воля Твоя на Земле, как свершается она на Небе", - выразившаяся в душевной выправке Рудольфа Штейнера.

Святой Дух тоже не может быть объектом познания. Ибо действие Святого Духа стоит за познанием и делает его возможным. Святой Дух - это свет, озаряющий сознание при познании и делающий зримыми объекты познания. Поэтому никогда не говорится о познании Святого Духа, но лишь об "исполненное™ Святым Духом". Нельзя пережить встречу со Святым Духом, можно быть внутренне исполненным его светом и тогда познавать в этом свете вещи, процессы и существа мира. И тогда через Святой Дух познают вещи, процессы и существа мира, но не познают самый Святой Дух. Святой Дух

всегда течет и пронизывает лучами все существа; сквозь каждого человека непрерывно протекает Святой Дух, только человек не замечает этого, поскольку поток духовного воздействия не задерживается его сознанием. Если же он задерживается сознанием, так что Я становится центром света Святого Духа, то переживается "исполненность Святым Духом". В настоящее время, конечно, эта исполненность выражается иначе, нежели в прошлом, когда было отчеканено это выражение. Ибо в настоящее время это уже не "говорение языками", а состояние наивысшей уверенности и ясности в познании великих морально-духовных вопросов бытия. Человек просто переживает гораздо больше света сознания, нежели прежде, он становится бодрствующим. И это сознание повышенного бодрствования, в сравнении с которым обычное сознание кажется ленивой мечтательностью, есть современный вид "исполненности Святым Духом". То, что эта исполненность одновременно открывается как блаженство, ничего не меняет в существе этого состояния повышенного бодрствования сознания.

Иначе бывает при познании Сына. В этом случае происходит встреча человека с Сыном, при которой Сын противостоит человеку как пример. Эта встреча есть следствие той установки по отношению к миру и к жизни, которая была обозначена выше как терапевтическая. Сына встречают, спрашивая о том, чего недостает миру. И это не абстрактный вопрос, а обобщение многих жизненно - конкретных вопросов, которые все суть выражение той установки души, когда она не может признать жизнь совершенной, но стремится ее усовершенствовать. Так, например, камни, минеральное можно рассматривать, исходя из вопроса: "Что есть в камне?". Тогда это рассмотрение явит познание минерального в его закономерности, которую оно приобрело в настоящей космической эпохе. Но минеральное можно рассматривать также и исходя из вопроса: "Чего недостает минеральному? Чего в нем нет, но что в нем должно быть?" Тогда узнали бы, что камень холоден, что он лишен тепла, которым он некогда обладал в космическую эпоху древнего Сатурна. Потом тепло покинуло Землю вместе с Солнцем, и остывшее минеральное стало "камнем". Так познают минеральное как явление космического болезненного процесса и познают то, в чем оно нуждается, чтобы вернуть свое истинное состояние: то тепло воли, которое имеется в виду в Евангелии, когда Христос произносит многозначительные слова о том, что вера может двигать горы. Горы неподвижны именно потому, что они покинуты первоначальным огнем воли древнего Сатурна, и задача человека - вернуть минеральному миру огонь, который, проходя через человеческое Я, становится "верой".

Рассматривая таким же образом растительный мир, познаешь, что он лишен света, присущего ему некогда в космическую эпоху древнего Солнца, но позже покинувшего Землю вместе с Солнцем. С тех пор растение томится но свету и получает его извне, от Солнца; но своего истинного состояния оно достигнет лишь тогда, когда оно будет нести солнечный свет в себе самом. Настоящее томление растительного мира не исчерпывается стремлением быть освещенным Солнцем, но растение стремится внутренне стать солнечным. Растительный мир - это зримое выражение множественного томления земного организма по новому соединению с Солнцем, но это томление Земли останется безысходным, пока из и через себя человек не даст излучаться свету солнечной любви.

Если направить терапевтический взор на мир бессловесных животных, познаешь, что он живет в смутной надежде когда-нибудь целиком предаться слову и жить уже не темными побуждениями, а светлыми мотивами господствующей над ним мысли. Повиновение человеку прирученных животных - это соответствующее судьбе выражение этой надежды: животное хочет стать исполнительной силой действующей мысли, то есть слова.

Но и сам человек открывает такому взору то, чего ему недостает. Факт, что человек мыслит, указывает на то основное условие его бытия, что смысл этого бытия не дан ему непосредственно. Ведь человеку не надо было бы утруждать себя мыслью, если бы то, что открывается ему посредством мышления, было дано ему непосредственно. Живи смысл

жизни в человеческом сознании непосредственно, человек направлял бы свои деяния сообразно с ним, а не искал бы его посредством мышления. Человеку, чтобы сделаться человеком в подлинном смысле, недостает именно живого присутствия в нем смысла жизни.

Факт падения человека и царств природы дает познать, что было утрачено вследствие этого падения. Грехопадение зримо в трех царствах природы и в человеке, так как каждая из этих четырех областей может быть дополнена, чтобы достичь своего истинного состояния. Если же, подытоживая, спросить: "Чего недостает природе и человеку?", то суммарный ответ на этот вопрос гласит: истинного человека.

Земному бытию недостает истинной человечности, которая может дополнить, то есть спасти все существа Земли. Ибо все существа Земли вышли однажды из великого Человека, Адама Кадмона. То, что они утратили при грехопадении, составляет томление всех земных существ. Животное царство - это захиревшая человеческая природа, то же самое относится к растительному царству и царству минералов. Избавление этих царств возможно лишь посредством нового обретения утраченной человечности. Но и человек Земли также пал. И он также - отставшее в развитии проявление истинного человека, Адама Кадмона. Поэтому в земном бытии человек представляет собой некую арену, на которой томление всех созданий достигает самосознания. Когда выпрямившийся человек стоит на земле, то в природном свершении это явление означает, что застывший мировой трагизм камней, смутное томление растений, немая надежда животных стали сознательным стремлением к избавлению. Но чтобы полностью познать свою ответственность перед природой, человек должен сделать один сознательный шаг, а именно: полностью познать также и свое несовершенство - несовершенство отставшего в развитии, падшего человека. Лишь тогда он пробуждается для сознания своей ответственности. Процесс этого познания изображен Рудольфом Штейнером в сочинении "Как достигнуть познания высших миров" (кат. 10), когда он описывает встречу с так называемым "Малым Стражем порога". Ибо испытание этой встречи состоит именно в том, что человек познает себя таким, каким он стал вследствие и со времен грехопадения.

Познание своего падшего существа ведет человека к познанию того, кем он должен стать. Тот, кто смог вынести познание захиревшего человека, приводится благодаря этому к познанию истинного человека. Если это познание переживается вполне сознательно, то происходит встреча с Сыном, изображенная в "Как достигнуть познания высших миров" как встреча с "Великим Стражем порога". Если эта встреча происходит без овладения всеми душевными силами восприятия, познания и памяти, то совершается менее сознательная встреча с Сыном, которая тем не менее дает душе человека непоколебимую уверенность в познании Христа как смысла Земли.

Таким образом, встреча с Сыном является для человека объективным событием познания. Познавая так, человек встречается со своим праобразом. Одновременно с этим он познает праобраз всех земных существ, ибо он таит в себе то тепло, тот свет и то слово, по которым тоскуют три царства природы. И Сын встречается человеку в облике "нового Адама", возрожденного Адама Кадмона.

Однако облик этот является праобразом не только человека, но и всех существ духовных иерархий. Ибо и существам духовных иерархий кое-чего недостает, и именно это должен принести в миры их бытия человек. Задача четвертой иерархии, человечества, состоит в том, чтобы восполнить недостающее первой, второй и третьей иерархий. Это - свобода, которая достигнет своего космического предназначения, когда будет преодолена мировая карма. Этого волят существа высших иерархий, но для осуществления этого им нужен человек. Ибо лишь слепой земной человек может отменить кармические следствия слепоты другого земного человека. Этого не могут иерархические существа. Но они волят, чтобы вплоть до внешнего процесса природы закон справедливости был заменен любовью, что подвластно лишь воплощенному человеку, но человек не хочет этого, ибо воля его после грехопадения зла по своей сути. Поэтому воление открывающегося через

высочайшего Элогима Сына есть, с одной стороны, высший праобраз любви для человека; с другой же стороны, умение мочь прежде становящегося человеком, а теперь ставшего человеком высочайшего Элогима есть высший праобраз для сущностей духовных иерархий. Богочеловек - это идеал развития всех существ мира: как духовных, так и земных. Ибо духовные существа стремятся в определенном смысле очеловечиться, то есть обрести власть над преодолением кармы; задача же человечества заключается в обожествлении, то есть в принятии в свою волю любви богов.

Эту центральную истину мирового свершения познал Иезекииль, когда в средоточии своего космического видения деятельности иерархий Духа узрел восседающего на престоле Сына как "Подобного человеку". Конечно, праобраз Богочеловека он узрел пророчески, то есть как космический замысел будущего, ибо тогда Христос еще не стал человеком, но он созерцал его в центре грандиозной картины деятельности Святого Духа, направленной на осуществление этого замысла.

Рассматривая подробнее центральный образ видения, которое было дано Иезекиилю у реки Хобар (Иезекииль 1-3), видишь, что этот образ представляет конкретный ответ на вопросы природы и человека о бытии. В этом образе содержится то, что отсутствует в природе и в человеке. Ибо отдельные составляющие этого образа, как описывает их Иезекииль, как раз те самые, на которые выше было указано как на отсутствующие в природе и в человеке. Ибо Иезекииль говорит не только о "подобии человека", но и о глазе, раздающемся поверх четырех Херувимов, там, где стоит престол, на котором восседает "Тот, Кто подобен человеку". Говорит он также и об огне, "что пылает раскаленными металлами" в руках и ногах Того, Кто подобен человеку. И, наконец, говорит Иезекииль о свете, что от Него исходит и что подобен "радуге во время дождя на облаках".

Истинный, божественный человеческий лик, голос, раздающийся над сущностями, представляющими четыре групповые души, металлический огонь и свет, - эти четыре элемента, составляющие переживание центрального образа видения Иезекииля, суть ощущаемые минеральным, растительным, животным и человеческим царствами как недостающие им, сущностные дары, по которым томятся все земные существа. "Металлический огонь" рук и ног, то есть воли Узренного Иезекиилем - это тепло воли, утраченное минеральным на пути падения. Свет Узренного, светящийся всеми цветами радуги, - это тот свет, по которому томится растительный "мир после выхода Солнца. Голос, раздающийся над групповыми душами, - это слово, составляющее надежду всего животного бытия. А божественный человеческий лик - это имагинация цели всякого истинного человеческого устремления на Земле.

Как Иезекииль воздвиг для 'будущих "читателей"', то есть для инспирированного познания будущих поколений, имагинацию смысла земного бытия. Он сделал это как "сын человеческий", и именно так к нему всегда обращался духовный мир (например, Иезекииль 2; 1,3, 6, 8; 3; 1, 3, 4, 10, 17), но имя это имеет вполне определенное значение. Рудольф Штейнер дал следующее объяснение этого обозначения относительно Евангелий: "сын человеческий" - это представитель некоего будущего состояния сознания, которое родится из современного как его потомок ("сын"). И в этом смысле "человек" является представителем четырех членов человеческого существа: физического тела, эфирного тела, астрального тела и Я. "Сын человеческий", напротив, был бы человеком, который бы переживал и представлял собой также и принцип Манаса, Самодуха, в качестве пятого члена. Именно таким был Иезекииль. Он жил в будущем не только благодаря содержанию своих откровений, но и благодаря тому, что действовал и познавал с помощью будущего члена человеческого существа. Этим обусловлен и основной характер его откровений. Его откровения относятся прежде всего к Высочайшему - Восседающему на престоле над Херувимами, и лишь потом спускаются до человеческих дел. Это нисходящее познание и есть особенность познания "сына человеческого", то есть познания через Манас.

В 9-ом рассмотрении (о Давиде и Соломоне) уже шла речь об этой особенности, здесь же автор лишь хочет пояснить читателю, почему для дальнейшего рассмотрения откровений Иезекииля выбран нисходящий путь.

Но прежде чем продолжить разбор откровения Иезекииля, следует сделать одну оговорку, важную для ясности изложения. Подразумеваемое здесь нисходящее познание не имеет ничего общего со спекуляцией и полностью противоположно ей. Ибо спекуляция (например, философская спекуляция) исходит из опыта нижнего мира и посредством цепи аналогий выводит из него заключения относительно верхнего мира. Подразумеваемое здесь "нисходящее познание", напротив, пролагает связующие нити от верхнего мира к нижнему. Таким образом, оно отличается от спекуляции тем, что стремится познавать факты и события нижнего мира, исходя из мира верхнего, тогда как спекуляция обычно объясняет верхний мир посредством нижнего. Уяснить это тем более важно, что именно в этом вопросе в настоящее время царит полная неразбериха. Сегодня пророков и Апокалипсис часто толкуют, проецируя на них содержание нижнего мира. Как следствие возникают либо сектантские, либо "научные" интерпретации, не имеющие ничего общего с содержанием самих откровений, потому что последние нельзя искать "в этом мире". Образы и иносказательность откровений должны говорить сами по себе; если они молчат, то всякая интерпретация с точки зрения обычного опыта - это только интерпретация от себя.

Чтобы понять всю картину видения Иезекииля, недостаточно, разумеется, понять лишь один ее центральный образ; принимая во внимание этот центральный образ, необходимо также рассмотреть и все особенности видения. А эти особенности относятся к определенным существам духовных иерархий и к особому роду их деятельности. Поэтому сначала надо достигнуть более ясного представления о соответствующих существах и их деятельности.

В 1-ом рассмотрении свершение ветхозаветного периода духовной истории человечества было охарактеризовано следующим образом: тогда Отец действовал в судьбе, в которой Святой Дух подготавливал рождение Сына. Вторая часть этого положения ("в которой Святой Дух подготавливал рождение Сына") включает в себе совокупное содержание видения Иезекииля у реки Хобар до того самого момента, как на него были возложены поручения, предназначавшиеся окружающим его людям. Ибо видение являет Сына в средоточии деятельности Святого Духа. Все отдельные образы, окружающие центральный образ, относятся к этой деятельности. Ведь как уже излагалось выше, Святой Дух сам по своей сути не мог быть предметом познания, но лишь деятельность его могла быть познана через определенные сущности. Сущность Святого Духа наполняла субъект познания, Иезекииля, и поэтому не могла быть объектом познания. На языке Библии этот факт выражен словами: "возлежание руки Божией на человеке". Так и на Иезекииле с первого мгновения его узрений "покоилась рука Божия", и именно поэтому его видения и стали возможны (Иезекииль 1; 3).

Действие Святого Духа, о котором здесь идет речь, простирается на все иерархии, но существуют иерархии, связанные со Святым Духом особым образом. И как Архангелы, Элогимы и Серафимы являются представителями Сына, так же и Ангелы, Динамис (Духи движения) и Херувимы суть представители Святого Духа. Ибо они главным образом осуществляют космическую задачу Святого Духа, тогда как другие иерархии посвятили себя исполнению в Космосе задач, поставленных Сыном и Отцом. В отношении воплощенного человечества задача Святого Духа состоит в наполнении человека светом сознания, который пусть смутно, но присутствует в мышлении человека. Этот свет даруется человеку, и человек может как свободно использовать его, так и злоупотреблять им, то есть человек может либо свободно подчинить ему свою волю, либо, наоборот, овладеть им своей волей, и тогда происходит злоупотребление светом сознания.

Но в любом случае всяким притоком света сознания человек обязан тому источнику, который именуется Святым Духом. Но прежде, чем этот свет достигнет человека, он

перерабатывается сущностями духовных иерархий и доставляется человеку в таком виде, чтобы человек мог вынести его. В этом несении света сознания человеку участвуют главным образом три иерархии: Херувимы, Динамис и Ангелы. Херувимы выдыхают свет. Они излучают вечный свет в направлении материи. Динамис определяют силу его действия в мире вещественного. Ангелы направляют отдельные лучи этого света к отдельным людям. Если бы из этого совокупного процесса выпала деятельность Ангелов, то среди людей не было бы индивидуальных различий во внутреннем притоке света сознания, все люди одновременно обладали бы одним и тем же действием света без различий в цвете, мере и моменте времени. Большая часть человечества была бы ослеплена тогда белым светом обрушивающегося на них сознания. Если бы приостановилась и деятельность Динамис, то человечество должно было бы застыть в свете вечности. Бездыханно стояло бы оно в свете неподвижной вечности; всякое движение замерло бы, и движение человечества по пути эволюции было бы невозможно.

Человечество зависит от духовных иерархий точно так же, как иерархии зависят друг от друга. Ангелы избавляют человечество не только от полного помрачения сознания вследствие жизни в круге вещественного, но и от ослепления сознания непосредственным, неприглушенным светом Духа. Духи движения придают вечному свету Херувимов возможность движения, прогресса. Херувимы же излучают свет во мрак вещественных миров, тот свет, что истекает от вечной Троицы.

Ангелы представляют самый крайний предел действия света Святого Духа у границы тьмы; они суть "сыны сумерек" в самом прямом смысле этого слова. Они являют собой множество очей духовного мира, направленных на земной мир из непосредственной близости к нему. И на каждом человеке покоится взгляд духовного мира, его Ангел-Хранитель. Ни один человек не забыт; око Божие, говоря религиозным языком, действительно покоится на каждом отдельном человеке.

Но это не просто наблюдающее око, а сияющее, излучающее свет. Ибо Ангелы не только подают весть высям духовного мира об умонастроении и деяниях людей, но и возвещают людям намерения и деяния сущностей духовного мира. Они - вестники как для мира иерархий, так и для мира земного человечества. Они постоянно стараются побуждать души земного человечества для великих космических замыслов. Они пытаются привести движения человеческих душ в созвучие с великими космическими побуждениями.

Но великие космические побуждения исходят именно от иерархии Динамис, Духов движения. Духи движения сообщают горнему свету мудрости побудительную движущую силу. О побудительной силе Динамис надо говорить лишь в том смысле, что они отказались от развертывания силы; "динамизм" Динамис надо понимать не просто как "движение", а как деятельность, пробуждающую томление. Ариман движет существа "динамически", Люцифер движет их заманиваниями, Динамис же движут существа на пути томления по свету истинного, прекрасного и доброго.

История великого космического томления от его рождения до исполнения есть одновременно история определенного космического кругооборота в эволюции. Так, например, Земля как четвертый эволюционный кругооборот в своей истории от полярной эпохи до момента ее перехода в состояние пралаи есть, в сущности, история определенного космического томления, с грехопадением вступившего во внешне-свершение, а с Мистерией Голгофы -- получившего надежду на исполнение. Выше уже была сделана попытка охарактеризовать это томление, теперь же надо познать его взаимосвязь с действием Духов движения. Откровения Духов движения являют собой круги движения томления, которые обозначаются также как "колеса". Поэтому о Духах движения можно говорить как о "колесах, чьи ободья полны очей", и "очи" эти на ободьях "колес" Динамис - Ангелы.

Побудительная сила Динамис обусловлена Херувимами. Они излучают свет гармонии, томление по которому возбуждают Динамис. Духи гармонии (так обозначает Херувимов

Рудольф Штейнер в "Очерке тайноведения") дают содержание томлениям существ. Человечеству же они являют праобраз гармоничного человека, совершенного человека. Но человек гармоничен лишь тогда, когда четыре члена его существа находятся в созвучии, когда Я-человек находится не в отношении борьбы, а в отношении союза к астральному, эфирному и физическому человеку. На языке древней оккультной символики сказали бы: гармоничный человек уравнивает в себе "человека", "орла", "льва" и "тельца". У него четыре "лика": спереди - лик "человека", сзади - "орла", слева - "тельца" и справа - "льва".

Но если человек гармоничен, то он готов к тому, чтобы достигнуть еще более высокого состояния, ибо гармонизация есть предварительное условие вступления более высокой силы. Для того, чтобы гармонизированный человек стал человеком любви, четыре силы человеческого существа должны стать ареной рождения пятой сущностной СИЛЫ.

Если Святой Дух гармонизирует человека, то настанет момент рождения Сына. Если на Земле будет наличествовать человеческая организация, воплотившая херувимский праобраз, то Сын, Христос, родится на Земле. Однако чтобы это произошло, история Израиля - так познавал Иезекииль - в определенном смысле должна продолжиться далее. И для Иезекииля миссия его проистекала из познания того, как должна была она продолжиться.

Если теперь рассмотреть предложение за предложением текст, описывающий видение Иезекииля у реки Хобар, то явление это станет понятным. За недостатком места автор не будет здесь этого делать, но надеется, что теперь уже этот труд окажется под силу самому читателю. Читатель будет в состоянии верно трактовать каждое предложение в описании видения Иезекииля в его взаимосвязи с остальными, если он понял основные истины этого откровения, а именно: что Иезекииль зрит действие Святого Духа через Херувимов, Динамис и Ангелов, чья деятельность направлена на рождение Сына в гармонической человеческой организации. Ведь рождение Сына означает исполнение томления всех земных существ: как человечества, так и царств природы.

Таким образом, видение Иезекииля является драгоценнейшим документом человечества, содержащим точные познания о действии Святого Духа. Но в связи с изложенным выше рассуждением о различных путях и различных родах познания, соотнесенных с тремя членами Троицы, возникает вопрос: если для признания Отца, познания Сына и исповедания Святого Духа необходимы различные пути и

душевные качества, то как осуществляется познание Троицы как единства? Есть ли возможность воспринять неразделенную истину, которая не есть сведение в единое целое трех различных познаний, достигнутых на разных путях, но которая являет собой синтетическое воззрение?

Этот вопрос ведет нас к рассмотрению важных для ветхозаветной духовной истории сущности и действия Софии.

2. Сущность и действие Софии в ветхозаветной духовной истории

Рудольф Штейнер говорил однажды о различных родах познания Христа в Западной, Средней и Восточной Европе. На Западе познается главным образом лишь человек - Иисус из Назарета, в Средней Европе, напротив, - Христов импульс как всеобъемлющее мифотворческое духовное течение, тогда как в Восточной Европе может быть познано Богочеловечество Христа Иисуса. Рудольф Штейнер упомянул при этом о трех личностях как о представителях этих трех духовных направлений, а именно: Эрнеста Ренана, Давида Фридриха Штрауса и Владимира Соловьева. Эти высказывания Рудольфа Штейнера явились для автора важным побуждением к тому, чтобы обстоятельно заняться Владимиром Соловьевым. Результат этой работы привел его к признанию, что он не встречал труда, написанного до Рудольфа Штейнера, который содержал бы столь

глубокое, постигающее глубины мировой истории понимание сущности и миссии Христа Иисуса. Так, например, соловьевские "Чтения о Богочеловечестве" содержат самое глубокое и всеобъемлющее, что было сказано на языке современной мысли об этом предмете Рудольфом Штейнером. Но именно поэтому встал вопрос: как пришел Соловьев к этим потрясающим познаниям глубоких тайн Сына и Божественной Троицы? Труды Соловьева, в сущности, не дают никакого пути, никакого метода, которые привели бы к этим познаниям. Правда, его мыслям можно следовать и таким образом убеждаться в их истинности, но труды Соловьева не разъясняют, каким образом можно придти к новым подобным познаниям. Этими познаниями просто обладают или не обладают - такой, в конечном счете, ответ получаешь из произведений Соловьева. Но при этом все-таки остается впечатление, что Соловьев пришел к своим познаниям совсем не тем путем, каким он делает их понятными для других. Язык мысли для него только язык; в форме кристально ясной логики он сообщает о познаниях, которые возникли не на логическом пути. О том же, как они возникли, узнаешь не из произведений, а из биографии Соловьева. В своем стихотворении "Три встречи", где юмором и остроумием он защищает от злого языка посторонних самое святое и величественное в своей жизни, Соловьев говорит о трех сверхчувственных переживаниях, которые он имел в 1862, 1875 и 1876 годах. Первое он пережил ребенком во время богослужения в церкви. Тогда ему явилась сущность, которую четырнадцать лет спустя он пережил иначе, в облике Богоматери. Второе переживание было у него в Лондоне, когда в Британском музее он разыскивал источники по некоторым вопросам духовной истории человечества. Там услышал он внутреннее слово, зовущее его в Египет. В уединении египетской пустыни он имел затем третье и решающее переживание. Он узрел тогда - и одновременно познал узренное - космическую сущность Софии как откровение Премудрости Божией. Это переживание было истинным источником его "философии". Его дальнейшая работа была просто борьбой за мыслительные формы, в которых можно было рассказать о содержании узренного тогда.

Что узрел Соловьев в пустыне египетской? Кто такая София? София - не абстрактное понятие и не мистически - религиозное состояние, но конкретная духовная сущность, действующая как архангельское существо с особой задачей. Ее особая задача охватывает также преждевременно приходящее через отдельные индивидуальности откровение Манаса. Этому откровению способствовали, конечно, и другие сущности, но именно от Софии исходит откровение, которое делает возможным познание единства Троицы (а также единства трех родов оккультизма). Оно означает для людей не отдельные познания в определенных областях, а познание значимости всех частных познаний. Ибо частные познания, если они не служат практическим задачам, в конечном счете, буквы, с помощью которых читают великие космические тайны Троицы. А всеобъемлющее познание тайны построения Храма Мира, отдельные камни которого суть отдельные познания, передает София, называемая на языке Библии "Премудростью Божией". Ибо план строения был объят мыслью до строения; мудрость как целое существовала еще до того, как возникли вещи и процессы, преисполненные мудрости. Об этом говорит Соломон, строитель Иерусалимского Храма, вкладывая в уста Премудрости следующие слова:

"Господь имел меня началом пути Своего,
прежде созданий Своих, искони;
от века я помазана,
от начала, прежде бытия земли.
Я родилась, когда еще не существовали бездны,
когда еще не было источников, обильных водою...
Когда Он уготовлял небеса, я была там.
Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны...
когда полагал основания земли:
тогда я была при Нем художницею..." (Притчи 8; 22-30).

Премудрость[^] "которая построила себе дом, вытесала семь столбов его" (Притчи 9; 1) - это для Соломона глаголящая, зиждительная Премудрость, "художница у Бога". Тем самым, Соломон понимает ее не просто как сумму познаний, а как конкретную духовную сущность. Сущность, о которой говорит Соломон и которую узрел Соловьев, одна и та же - иерархическая сущность, в первые столетия христианского летоисчисления обозначавшаяся гностиками как София. *"Дом" Софии - это для человечества полное познание плана строительства мира, замыслов _эволюции.*

Мы встречаем этот "дом" в мистериальных драмах Рудольфа Штейнера в образе "сверхчувственного Храма мудрости" как место, из которого исходят великие импульсы трех посвященных: Бенедикта, Феодосия и Романа.

Этот "храм" стоит с незапамятных времен, он являет собой место посвящения человеческих душ, ибо "вступление" в него означает не что иное, как интуитивное познание великого космического эволюционного плана. Быть посвященным не значит познать все вещи, этого не может ни один человек, а также и ни одно существо духовных иерархий, но это означает познание в одновременном созерцании великих направляющих линий развития всех вещей. Это созерцание становится возможным благодаря сверхчувственному "зданию" "Храма мудрости", состоящему из линий интуиции. "Здание" "Храма", если представить его себе в зримых формах, это обращенная вниз чаша, из которой текут семь потоков Откровения. Потоки - это "колонны" Храма, а чаша - его "купол". Семь "колонн" "Дома премудрости", о которых говорит Соломон, суть одновременно семь путей или "методов" восприятия нистекающего содержания чаши, то есть купола Храма.

То, что понимают под логикой, есть в действительности один из этих потоков, направленный сверху вниз. Если этот поток достигает самосознательной точки Я, то возникает правомерная аристотелева логика. Если же человек отклоняет поток логики еще дальше вниз до точки пищеварительной деятельности, то возникает такого рода логика, где логические заключения определяются желудком и интересами желудка. На этом пути, например, возникла та логика, которая лежит в основе марксизма. Если же логический поток низводится еще глубже вниз, в область инстинктивной жизни, то возникает та совершенно особая логика, которая выражается, например, во фрейдизме.

Но логика может нисходить еще ниже. Если это происходит, то человек начинает применять логику, направляемую из подземных сфер. Эта логика также может быть железной, она также может необычайно убедительно действовать. Это логика, применяемая теми людьми, о которых Рудольф Штейнер говорит в "Трех лекциях" (от 18, 19 и 25 ноября 1917 г., кат. 178).

Все это суть этапы того процесса, который Рудольф Штейнер в своем цикле лекций "Взаимосвязи судьбы Антропософского общества" обозначает как "похищение космического разума Ариманом". Если космический разум (созвучие всех иерархий, как определяет его Рудольф Штейнер) достигает ног, через которые действуют вверх в человеке силы подземных сфер, то космический разум, то есть "логика", похищается Ариманом. Тогда мыслит уже не сам человек, но Ариман мыслит через него.

Часть космического разума, нисшедшая до точки Я и глубже, - это "павшая София", София-Ахамот гностиков. Чистая же София пребывает все еще в высях духовных миров. Ее действие в откровении находится в настоящее время под защитой Михаила. Михаил - это "правитель космического разума" в том смысле, что он направляет всеобъемлющее откровение Софии так, что оно может быть воспринято лучшими силами души сознательной человека. Он прокладывает мосты между светом Манаса и душой сознательной, вливая волевую силу в моральное содержание мыслеоткровений. Он укрепляет волю мышления, и этим он защищает мышление от похищения, ибо в мышление, укрепленное Михаилом, нелегко внести другое волевое содержание.

В ветхозаветную эпоху София также была деятельна. Это можно усмотреть не просто из приведенных выше речений Соломона, но и главным образом из гораздо более

глубокого факта рождения Иисуса из Назарета, представляющего цель ветхозаветной истории. Рождение натанова Иисуса было возможно лишь благодаря тому, что жило сознание значения его рождения. То, что обозначается как "непорочное зачатие", было рождением, вызванным не бессознательными силами, а силами сознания. Только, само собой разумеется, это были сознательные силы не головы, а сердца, которые таким образом были действительны у матери натанова Иисуса. То было откровение Софии, которое как откровение сердца жило в матери Иисуса.

И это откровение Софии подготавливалось с давних времен. Ибо наряду с действующим в Я откровением пророков в Израиле постоянно существовал другой поток откровения. Это был поток сердечного откровения матерей и прародительниц ожидаемого Мессии. Ибо Мессия был не только пророчески обетован, но и любим в познании и любовно познан в тихих сердечных глубинах. Это любовное познание не было смутным, оно было просто безмолвным, молчаливым познанием, не имеющим ничего общего с неуверенностью и неясностью. Ведь уверенность и ясность могут быть достоянием познания сердца, даже если для выражения этого познания в словах нет соответствующего органа. Такое безмолвное, немое познание на протяжении столетий жило наряду с познанием, возвещаемым пророками в словах. В сущности, наряду с написанной книгой Ветхого Завета надо представлять себе другую, ненаписанную книгу безмолвного сердечного откровения Софии. Светящееся средоточие этой незримой книги жило в сердце Марии, тогда как мыслительное средоточие писанной книги присутствовало в сознании Иосифа, который поэтому в традиционном искусстве изображался "старым человеком". В этой традиции искусства живет верная имагинация основного сущностного свойства сознания Иосифа как весьма зрелого сознания, обнимающего опыты долгого времени.

В облике Иисуса из Назарета, шествующего к Крещению в Иордане, дан итог и исполнение Ветхого Завета. Ибо этот облик есть результат действия всех сил, течений и сущностей, о которых говорилось или на которые указывалось в этих рассматриваемых. Результатом совокупного действия Элогима Ягве, архангельского существа Иисуса, невинной сестринской души Адама, сущности Илии, великого Заратустры и его ученика Будды, а также Софии был человек Иисус из Назарета, который при Крещении в Иордане смог принять в себя Сущность Христа. Поэтому следующее и последнее рассмотрение Ветхого Завета, подытоживающее весь труд, будет посвящено образу Иисуса из Назарета перед Крещением в Иордане. Ибо момент Крещения в Иордане - это граница между ветхозаветной и новозаветной историей человечества. Все, предшествующее ему, принадлежит ветхозаветному отрезку истории; все, последовавшее за ним, принадлежит новозаветной истории человечества. Это мгновение, когда живой итог великого прошлого воспринял в себя живые семена великого будущего. И задача следующего и последнего рассмотрения заключается в том, чтобы сделать это мгновение на один шаг ближе для понимания.

XII. ИИСУС ИЗ НАЗАРЕТА

1. Сошествие Христа и существование Иисуса

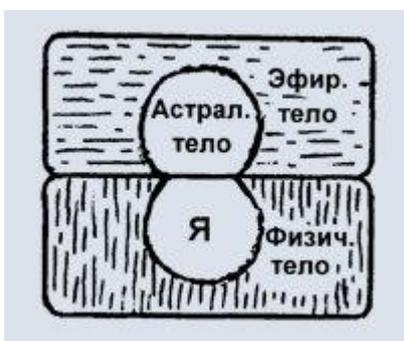
Ветхий Завет - это документ, дающий нам сведения о подготовке сошествия Христова Существа. Но чтобы верно понять это событие, необходимо рассмотреть его с двух сторон. С одной стороны, перед нами подготавливающий это событие, текущий в горизонтальном направлении поток ветхозаветной истории, а с другой стороны, перед глазами встает образ Христова Существа, спускающегося по ступеням к Земле в вертикальном направлении. Схождение Христа было путем, означавшим не просто пространственно-мыслимое приближение к Земле, но состоящим из ряда деяний и жертв. Каждый шаг в этом направлении означал вступление на ступень сознания, жертвовавшую

своим своеобразием, чтобы дать "место" Христу. И последний шаг, вступление в человеческое существо, также был возможен лишь благодаря тому, что Я Заратустры отказалось от своего присутствия в этом человеческом существе.

Как человечество могло предложить Христу нечто, где Он мог действовать и жить, и должно было принести жертву, чтобы дать Ему место, так же действовали и духовные Иерархии. "Путь", которым шел Христос, приближаясь к земной жизни, состоял из жертвенного предоставления Ему членов существа и самоотреченного отказа со стороны определенных существ духовных иерархий.

Так Элогим Ягве отрекся от своей солнечной деятельности и покинул Солнце, чтобы действовать из лунной сферы. Благодаря этому иерархия Элогимов в солнечной сфере смогла воспринять Христа как седьмого Элогима. Отказавшись от своего участия в солнечной духовной ауре, Ягве предоставил Христову Существу возможность не только действовать через иерархию Элогимов, но и как седьмому Элогиму находиться внутри этой иерархии. Он уступил Христу свое "солнечное тело". Но он сохранял на Луне воздействовал силами Я на физическое тело. В первой половине атлантической эпохи произошло внутреннее пронизание существа Иисуса Христом и его нисхождение во второй раз; тогда Христос Иисус гармонизировал жизненные процессы эфирного тела силами астрального тела. Во второй половине атлантической эпохи, когда действенное соединение Христа с Иисусом произошло в третий раз, силами эфирного тела было гармонизировано астральное тело людей, так что могла реализоваться способность объективного употребления языка. Четвертое соединение существа Иисуса со Христом свершилось в Палестине девятнадцать столетий назад. Теперь из физического тела нужно было гармонизировать Я. Поэтому на сей раз Существо Христа Иисуса должно было воплотиться в физическом теле.

Непосредственно предшествующие положения (в той мере, в какой они касаются соответствующего способа действия Христа Иисуса) можно будет лучше понять, представив себе, что бодрствующий человек составляет, в сущности, двуединство. Присутствующее в физическом теле Я составляет одну часть человека, которую обычно принято называть "сознательной", а другую часть составляет действующее в эфирном теле астральное тело, чье соединение обозначается обычно как "подсознательная часть" человека. Отсюда получается следующий схематический рисунок, пригодный, однако, для того, чтобы пояснить различие родов действия Христа Иисуса при его четырехкратном вхождении в судьбу человечества.

Из этой схемы можно увидеть также, что гармонизация Я, то есть превращение бодрственно-сознательного Я из разделяющей сущности в соединяющую сущность, может произойти лишь в пределах физического тела. Поэтому для этой миссии и была необходима инкарнация Христа Иисуса, и она издавна ожидалась и подготавливалась, что именно составляет смысл Ветхого Завета.

Предшествующие вводные изложения подводят теперь непосредственно к существу Иисуса как сущности третьей Иерархии, с незапамятных времен дававшей Христу возможность действовать на четвертую иерархию, то есть человечество. Здесь возникает первый вопрос: еще можно понять, что архангельское существо Иисуса способствовало вступлению Христа в третью иерархию, вплоть до ступени Ангела, но из вышеизложенного еще не видно, что оно одновременно означало великую возможность вхождения в участь четвертой иерархии. Почему, будучи в соединении с Иисусом, Христос мог больше сделать для судьбы человечества, нежели без этого соединения? В чем состоит особое отношение к человечеству существа Иисуса?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ближе рассмотреть то связующий звено, благодаря которому существо Иисуса находилось в совершенно особой связи с человечеством, а именно невинную сестринскую душу Адама.

2. Существо Иисуса и невинная сестринская душа Адама

В своем "Очерке тайноведения" Рудольф Штейнер говорит о различных внутренних свойствах человеческих душ и их различных путях в Космосе по времени около того события, которое описывается в Библии как "грехопадение". Человеческие души, бывшие тогда недостаточно сильными, чтобы воплощаться в изменившихся земных условиях, должны были покинуть Землю и "отправиться" на другие планеты. Так возникло семь сообществ душ с общей судьбой, из которых лишь солнечные люди обладали силой, чтобы оставаться на Земле. Вместе с тем эти солнечные люди внутренне были устроены так, что односторонними свойствами человеческих душ, направившихся к внешним планетам, как и человеческих групп, направившихся к внутренним планетам, они обладали в определенном равновесии. Благодаря этому в то время, когда решалась судьба всего земного человечества, они могли считаться представителями всего человечества. И когда был достигнут тот критический пункт этого критического времени, когда и из солнечных людей лишь самая сильная пара, именуемая Библией Адамом и Евой, могла оставаться на Земле, то тогда эта пара велением судьбы представляла все человечество. Изменения, произошедшие с астральным, эфирным и физическим телами этой пары из-за грехопадения, коснулись всего человечества и положили начало древней кармы человечества, которую Библия называет "первородным грехом".

Но грехопадение - это лишь одна сторона процесса. Существовала и иная сторона, состоявшая в том, что в то время, как члены существ пары, представлявшей человечество, "пали", то есть восприняли в себя зло, части членов этих существ были в то же время "возвышены", то есть соединились с определенными сущностями духовных иерархий. Эти "части" суть: насажденный на древнем Сатурне зачаток Духочеловека (Атма), сотворенная на древнем Солнце несущая Жизнедух (Будхи) часть эфирного тела и перестроенная на древней Луне в носителя Манаса часть астрального тела. Атма - организация физического тела, Будхи - организация эфирного тела, и Манас - организация астрального тела при грехопадении были взяты "под защиту", тогда как остальная организация трех тел предоставлена падению.

Итак, совокупный процесс грехопадения был двойственным: "падение" трех членов человека сопровождалось "возвышением" трех членов. Образно можно было бы сказать: когда возгорается однородное тело, то, с одной стороны, образуются дым, испарения и пепел, а с другой стороны, восходящее вверх пламя с его светом и его теплом. Наряду с образованием "дыма" падшего астрального тела, "испарением" падшего эфирного тела и "пеплом" становящегося минеральным физического тела ввысь поднялись "невинная" тепловая сущность воли древнего Сатурна, световая сущность древнего Солнца и подвижная сущность огненных языков Манаса. Там они были приняты "под защиту" и "сохранены" для будущего, то есть они были восприняты там высокими духовными существами. "Невинная" астральная сущность Евы была воспринята той духовной сущностью, что почиталась в Египте как богиня Изиды и что еще ныне почитается в христианской церкви как Царица Небесная, Матерь Божия. В предыдущем рассмотрении о ней говорилось как о Софии.

"Невинная" эфирная сущность Адама была воспринята архангельским существом Иисуса, которое тоже было известно и почиталось с древнейших времен под различными именами и обликами.

"Невинная" физическая сущность человека поднялась еще выше и была воспринята более высокой Сущностью, стоящей над Иисусом и Софией. Это сохранение от грехопадения физического тела, обозначаемое Рудольфом Штейнером в цикле лекций "От

Иисуса ко Христу" (кат. 131) как "фантом", было возвращено человечеству самим высочайшим Элогимом при его воплощении в Палестине. Это - "тело воскресения" "Нового Адама", пользуясь выражением апостола Павла.

Итак, грехопадение состоит не только в помрачении астральной, эфирной и физической организации человека, но и в том, что принципы Манаса, Будхи и Атма человечества были подняты из чувственного мира в сверхчувственный мир, и тем самым изъяты у земного человечества. Это "изъятие", однако, лишь временная мера убережения ради будущего. Ибо, например, если для будущего сберегается чистая сущность Будхи одного человека, то это значит, что чистая сущность Будхи сберегается для всего человечества до того момента, когда земные отношения будут готовы к откровению Будхи. Ибо духовное может передаваться, если только оно существует и осталось в чистоте. Сколь мало человек, передающий другим мысли, становится бедным мыслью, хотя мысли его делаются сущностным достоянием других людей, столь же мало Жизнедух (Будхи) исчерпывается тем, что он передает другим людям духовную жизнь или живой Дух.

Невинная сестринская душа Адама, оберегаемая от инкарнаций до момента рождения натанова Иисуса в Палестине, - это не только индивидуальное существо, но индивидуальная сущность общечеловеческого принципа Будхи. При повторном вхождении Христа в судьбу человечества во время лемурийского, атлантического и послеатлантического периода эта сущность составляла связующее звено с человечеством и орган воздействия на человечество для существа Иисуса, связанного, с одной стороны, с сестринской душой Адама, а с другой, внутренне предавшейся Христу.

Так что ответ на вопрос об особом отношении существа Иисуса к человечеству гласит следующее: возможность исцелять различные последствия грехопадения, какой обладало существо Иисуса, лежала в его тесной связи с сестринской душой Адама, представлявшей собой чистый Жизнедух человечества. Повторная гармонизация падшей человеческой организации была возможна благодаря тому, что силы непадшего Жизнедуха человечества могли быть употреблены Христом Иисусом как целительное средство, составив канал связи, через который Христос мог действовать в человеческой судьбе.

3. Существо Иисуса и натанов Иисус

Если нисхождение Христа через третью иерархию может быть понято теперь как сумма жертв греко-латинского Духа времени и существа Иисуса (во взаимодействии с Софией), то, естественно, возникает вопрос относительно той части пути Его нисхождения, которая ввела Его в человеческое существо.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить себе тот факт, что человеческое существо обладает двумя сторонами, которые могут быть входными вратами. Одна сторона - это телесность, то есть физическое, эфирное и астральное тело; другая сторона - духовность, то есть существо Атма, Будхи и Манаса. Посередине, в фокусе Я, находится человеческое как таковое, к которому ведут и те, и другие врата. Впечатления достигают Я через внешние врата телесности; моральные же интуиции, напротив, достигают Я через внутренние врата духовности. Как благодаря активности человеческого Я осуществляется связь обоих потоков для познания и действия, Рудольф Штейнер описал в своей "Философии свободы" (кат. 4).

Воспринимая человеческое существо таким, каким оно описывается в "Философии свободы", можно понять, что вступление Христа в человеческое существо совершилось через "внутренние врата", то есть не как "внешнее событие", а как высочайшая моральная интуиция. Иными словами, путь, которым шел Христос, чтобы при Крещении в Иордане овладеть Я-организацией Иисуса из Назарета, вел через Атма, Будхи и Манас, а не через физическое, эфирное и астральное тела. На языке Библии можно было бы сказать также: при Крещении в Иордане свершилось "Крещение духом и огнем" в дополнение к

"Крещению водой". В великом тогда произошло то, что Рудольф Штейнер в "Философии свободы" пишет о процессе познания как соединении восприятия извне и интуиции изнутри. Глубокое христианское содержание "Философии свободы" выявляется через познание Крещения в Иордане, а с другой стороны, Крещение в Иордане едва ли можно будет понять недогматически, не очистив прежде закоулки своего мышления и ощущения "Философией свободы".

Сошествие Христа в человеческую сущность совершилось, таким образом, на пути через Атма, Будхи и Манас, то есть Его путь сначала привел Его к внутренней связи с "фантомом" или "сатурническим человеком", затем - с невинным солнечным существом человека и, наконец, с его чистым лунным существом - прежде чем охватить Я-организацию человека. Лишь после охвата Я-организации произошло проникновение трех тел Христом; после Крещения в Иордане имели место три искушения в пустыне.

Этот факт устраняет кажущееся противоречие, которое может возникнуть при сопоставлении ряда лекций Рудольфа Штейнера, а именно следующее: с одной стороны, при Крещении в Иордане Христос воздействовал вплоть до костной системы, а с другой стороны, лишь при искушении в пустыне Он вступил в три тела и полностью воплотился в физическом теле лишь в Гефсиманский час. Это противоречие оказывается мнимым, если осознать тот факт, что то, что обозначается как "физическое тело", включает в себя как систему сил Духочеловека (Атма), так и систему сил вещественного физического тела.

В связи с Крещением в Иордане Рудольф Штейнер говорит о первой стороне физического тела; в связи с событием в Гефсиманском саду он говорит о второй стороне физического тела.

Высочайшей интуиции, благодаря которой Христос смог вступить в человеческую сущность, предшествовало всеобъемлющее наблюдение общечеловеческой доли. Переживание до Крещения в Иордане несостоятельности всех путей человечества, которыми оно шло в прошлом, и неотвратимого угасания мистериальной жизни переросло в Иисусе из Назарета в вопрос, ответом на который было сошествие Христова Существа.

Почему же Иисус из Назарета смог так пережить судьбу человечества, что это переживание принесло с собой нисхождение целящего Существа?

Потому что он, с одной стороны, нес в себе обширный опыт Я Заратустры, а с другой, соединял в своей телесности совесть человечества и третьей иерархии, и это было высшим проявлением совестливости. Ибо совесть совершенна не тогда, когда она проявляется во взвешивании и обдумывании, но когда телесность сама следует совести так же точно, как растение - солнечному лучу. Растение не "рассуждает" и не "взвешивает", оно дает расти своим листьям навстречу солнечному свету. Так и вся душевно - телесная организация Иисуса из Назарета тосковала по совести мира, Христу-Солнцу.

Астральное тело Иисуса из Назарета хранило в себе внутренние движения, вызванные в нем иерархической сущностью Иисуса при ее прежних соединениях с Христом. Оно состояло из уплотненных до душевной телесности инспираций Ангела Иисуса, который трижды в прошлом был проникнут Христом. Живые воздействия, сохранившиеся от этой прежней пронизанности, делали астральное тело Иисуса из Назарета "телом томления по Христу". При этом, также вследствие своей причастности прежним целительным воздействиям Христа на человечество, это тело было во всей своей организации сплошным сочувствием всем судьбам человечества. Иными словами, астральное тело Иисуса из Назарета в своих направленных вверх токах было тоской человечества, а в своих направленных вниз токах - болью человечества.

У носителя этого астрального тела не могло бы быть никакой физической телесной организации, если бы жившее в нем Я не обладало необычайной силой сдерживания и если бы его сверхчеловеческая способность потрясаться не уравновешивалась противодействующей силой. Благодаря тому, что Я Заратустры могло давать мудрое направление необычайным силам тоски натанова Иисуса, физическая организация могла переносить эту тоску; благодаря тому, что сущность Будды посылала лучи в астральное

тело натанова Иисуса, в необычайно подвижную душевную жизнь вливался умиротворяющий покой Будды. Поток покоя, истекающий от Будды, предохранял физическую организацию от разрушения пламенем чрезмерной боли; концентрирующая сила Заратустры предохраняла ее от оцепенения из-за избытка тоски. Так астральное существо натанова Иисуса соединило в себе величайшую способность экстаза, то есть распространения в чистой самоотдаче, с величайшей способностью *энстаза**, то есть концентрированного в самом себе покоя. Первая способность дала возможность выдержать испытание Крещением в Иордане, которое есть принятие космической сущности Христа; другая способность доказала свою силу главным образом вскоре после того - при искушении в пустыне.

* Выражение, использовавшееся русским востоковедом проф. Розенбергом (Петербургский университет) для различения буддистского самоуглубления и заратустровского "выхода из самого себя".

Эфирное тело Иисуса из Назарета было носителем невинного существа Жизнедуха сестринской души Адама, что выражалось главным образом в том, что юные силы придавали всем душевным движениям Иисуса, как и человечеству, свежесть первого дня творения. Когда Он говорил, Он говорил так, как могут говорить лишь самые детские из детей, обладая самой зрелой тысячелетней мудростью одновременно. Мудрость великого Заратустры светилась в Нем в юной свежести, безо всякой утомленности, безо всяких ран бесчисленных разочарований, безо всякой меланхолии, которую должны были пройти и испытать души на путях, ведущих их к этой мудрости. Опыт дает мудрость, но он утомляет, утомляет также и души. С незапамятных времен истории Земли душа Заратустры несла в себе опыт, но этот опыт она отдала душе, не имевшей никакого земного опыта. Благодаря этому возникло чудесное соединение самой зрелой мудрости с самым детским сердцем; возник человек, умевший говорить так, что он не просто говорил истину, а говорил ее так, что она жила жизнью первого дня творения. Утренняя заря мира жила в великих вечерних итогах человеческой судьбы, когда Он говорил - в то время, которое предшествовало Крещению в Иордане.

Эта чудесная сущность жила в физическом теле, подготавливавшемся с давних времен, чтобы принять ее. Это подготавливание было разноплановым, в частности, оно состояло в том, что силы наследственности были направлены так, что они сохранили позитивное из прошлого человечества. Наследственность употреблялась так, что она служила замыслам духовного водительства. Она была подвластна этим замыслам благодаря тому, что некоторое число индивидуальностей все снова воплощалось в одной линии происхождения и через многие поколения передавало по наследству позитивное, а негативное искореняло усилиями и трудом. Так возникла линия позитивного наследования, ведшая "до Адама", "до Бога", как изображает ее Библия.

То Божественное, что формирующе действовало в теле во время Адама, могло действовать также в теле натанова Иисуса, и именно об этом говорит Евангелие от Луки.

Но была духовная сущность, оберегавшая и развивавшая дальше благое в наследственности, - сущность Элогима Ягве.

С момента, когда Мельхиседек передал через Авраама потоку наследственности изначальное благо, Элогим Ягве был той Властью (Эксузией), что хранила и пестовала это изначальное благо из поколения в поколение. Оно достигло высочайшего развития в физическом теле натанова Иисуса. Это выражалось главным образом в одной особенности физического тела Иисуса, которую нельзя обозначить иначе, как "высшая пластичность в отношении душевно-духовного". Эта пластичность простиралась столь далеко, что вообще нельзя было говорить об определенном, пребывающем внешнем Иисусе. Ибо внешнее Его было столь совершенным отражением души, что правомерно было говорить не об "Иисусе" вообще, а лишь, например, об "Иисусе скорби", "Иисусе сострадания", "Иисусе благоговения", "Иисусе мудрости" и т.д., если хотели говорить о Его внешнем.

Но эта особенность не ограничивалась способностью лица и облика к выражению; она простиралась глубоко во внутреннюю организацию тела. По своей сути эта организация

не обладала ничем механическим. А ведь сегодня, когда ценят "сильного человека" и превыше всего восхищаются им, это восприняли бы как большой недостаток. Физически Иисус был полной противоположностью "сильному человеку" нашего времени: Он не смог, когда Ему пришлось, нести крест. Для этого Он был слишком слаб. Его "сила" и Его "слабость" вообще зависели не от мускулов, а от душевного состояния. Он был силен телесно, когда

душевно-духовное воспламенялось в нем; Он был слаб телесно, когда ненависть и слепота человечества угнетали Его. И тем не менее Он обладал самым здоровым телом человечества, это было даже первое действительно здоровое тело. Но только при этом "здоровье" и "силу" нужно понимать иначе, нежели привыкли делать сегодня. Ибо сегодня под здоровьем тела понимают максимально возможное приближение к животному состоянию. Однако если хотят понять, что значит человеческое здоровье, то его надо искать в совершенствовании тела как средства выражения и действия души и духа, а не в конкуренции с животными. Ибо задача человека не в том, чтобы обладать мускулатурой, лучшей, чем у льва или быка, но его задача состоит в том, чтобы осуществить истинное очеловечение человеческого тела и жизни.

Итак, натавов Иисус обладал физической организацией, которую можно назвать организацией любви, в противоположность организации силы кентавра.

Однако рассмотрением астрального, эфирного и физического тела организация существа натанова Иисуса еще не исчерпана. Ибо к организации всякого воплощенного человеческого существа относится еще нечто, что окутывает это существо точно так же, как окутывают его тела. Всякий воплощенный человек приносит с собой еще одно "тело", которое может быть названо "кармической оболочкой". Эта кармическая оболочка состоит из сил добра и зла, но не коренящихся в трех телах данного человека, а привлеченных в его окружение его прошлой кармой наподобие кольца следствий. Это могут быть определенные высшие духовные существа, которых человек вовлекает в свое окружение через внутреннее средство. Силы и существа, составляющие кармическую оболочку человека, могут быть весьма различны. Но самое существенное в представлении "кармическая оболочка" можно уловить, сказав: кармическая оболочка - это обусловленная прежней кармой возможность действия для вне-человеческих существ в окружении данного человека.

Однако натавов Иисус представлял в этом отношении исключение. У него не было индивидуальной человеческой кармы из прошлого, поэтому его "кармическая оболочка" была совершенно отлична от кармических оболочек других людей. Его окружала не индивидуальная кармическая оболочка (поскольку он не имел прошлой индивидуальной кармы), а кармическая оболочка человечества. Но это должно было означать, что в его окружении действовали всеобъемлющие импульсы общечеловеческого значения, несомые духовными сущностями, которые представляли их в чистейшем виде. В его окружении действовали три значительных импульса, "прокладывающие" в нем "путь" Христу. Эти импульсы выражались в простой форме "понимания", "самопожертвования" и "покаяния". Позднее эти импульсы во всей их значимости понял Павел и обозначил их, преобразенные присутствием Христа, как "веру", "любовь" и "надежду*".

Но за тем, что обозначено такими простыми словами, в действительности находились определенные духовные сущности, представлявшие собой всеобъемлющие импульсы человечества. Так, уже в материнской астральной оболочке, окружавшей маленького Иисуса, действовала сущность Софии, подательницы всеобъемлющего познания. Позже она действовала в его окружении вплоть до момента Крещения в Иордане и далее - до смертного часа на кресте посредством процесса, описать который здесь не представляется возможным. "Вера", которую Христос Иисус мог находить в своем окружении, была действием Софии, и непоколебимая уверенность, которую оставило в душах учеников огненное познание в Духов день, также была следствием содействия сущности Софии

За "самопожертвованием", в котором Христос Иисус безусловно нуждался в своем окружении, стояла другая духовная сущность. Это была та самая духовная сущность, астральный член существа которой Иисус нес в себе, тогда как ее Я действовало сначала через Иоанна Крестителя. Силы иерархической сущности Иисуса действовали отдельно на внутреннюю жизнь Иисуса из Назарета и на его окружение: извне действовали силы Я, внутри действовали астральные силы. Узы любви, связывавшие окружавших людей с Иисусом, были реальной сущностью, которая разделилась, чтобы в Иисусе и в его окружении действовало общее им родственное. Именно иерархическая сущность Иисуса соединяла учеников Иоанна Крестителя с Иисусом из Назарета, которая присутствовала подобно Я в Крестителе и астрально в Иисусе. Потому и переход учеников Иоанна ко Христу Иисусу был столь естественным: в Нем ощущали они душу мыслей Крестителя.

После смерти Крестителя Я иерархической сущности Иисуса продолжало действовать далее на окружение Христа Иисуса.

Но через Крестителя действовала не одна сущность Иисуса. В 7-ом рассмотрении была сделана попытка представить особый род того, как сущность Илии действовала именно в словесном воздействии Крестителя. И она же стояла за силами "покаяния" в окружении Иисуса. После смерти Крестителя она стала групповой душой круга учеников Христа Иисуса. Ибо великое превращение, которое должны были пережить ученики, могло совершиться лишь исходя из общего всем им настроения устремленности к "изменению сознания". Но за этим настроением, жившим в душах учеников, стояла сущность Илии. Ее задача заключалась в том, чтобы поддерживать учеников бодрствующими настолько, чтобы они были готовы достигнутое вчера признать за несовершенное сегодня и преодолеть его. Вопрос же о том, могла ли быть выполнена эта задача или нет, принадлежит к тем вопросам, к которым можно будет обратиться лишь в "Рассмотрениях Нового Завета". Здесь достаточно обозначить задачу сущности Илии, чтобы указать этим на тот факт, что наряду с действием Софии и сущности Иисуса кармическая оболочка Иисуса из Назарета охватывала действие сущности Илии.

Так действовали всеобъемлющие импульсы человечества в "кармической оболочке" Иисуса из Назарета, которая была кармической оболочкой всего человечества. София действовала в ней озаряя, сущность Иисуса - согревая, а сущность Илии - пробуждая; они действовали различно, но все вместе так, что "пролагали пути" Христу. Причем София действовала так, как действует в Космосе Святой Дух, а род действия сущности Илии отвечал больше всего самой Сущности Христа, то есть космической Сущности Сына, сущность же Илии действовала в качестве представителя принципа Отца. Таким образом, можно сказать: "кармическая оболочка" Иисуса из Назарета состояла из действия Вечной Троицы, которая благодаря трем определенным сущностям делала окружение Христа Иисуса восприимчивым к Его словам и деяниям.

4. Иисус из Назарета как сосуд Христа

Чтобы понять полный облик Иисуса из Назарета как результат действия всех тех сил и сущностей, о которых шла речь, необходимо, подытожив все предыдущее, рассмотреть его как сосуд для нисходящего Христа. Ибо именно задача воспринять Христа соединила воедино все многообразие сил Иисуса. Происхождение этих сил было различно, но все они соединились воедино в стремлении образовать сосуд для Христа. Это было свободным решением Я Заратустры, с этой целью вошедшего в существо двенадцатилетнего натанова Иисуса и покинувшего его при Крещении в Иордане, предоставив Я-организацию Я Христа. Это было также стремлением астрального тела, в котором жила древняя самоотдача архангельского существа Иисуса Христу и в котором лучи Будды как Учителя мудрости, сострадания и любви указывали на живую сущность сострадания и любви в просветленности сердца. Это же было жизненной необходимостью для присутствовавшей в эфирном теле невинной сестринской души Адама; невинное

солнечное существо всеми своими силами любило ведущую сущность Солнца. Это было и голосом одухотворенной многими поколениями крови, в которой действовали великие импульсы традиции Ягве.

Ни один из членов существа Иисуса не переживал принуждения; свободно стремились все члены его существа к соединению со Христом. Ибо ведущая сущность всей любви мира не могла бы воспользоваться ничем вынужденным, в том числе и физическим телом, не готовым отдать себя по своему собственному побуждению. Самое же чудесное в сущности Иисуса из Назарета состояло в том, что все ее члены свободно приняли Христа. Для того, чтобы могла возникнуть такая сущность, необходимо было все подготавливающее развитие Ветхого Завета. И истинная задача истинного египетского оккультизма была и есть - свободный человек.

То, о чем образно говорил в своей сказке о белой Лилии и зеленой Змее Гете, о чем языком мыслей говорил в своих "Письмах об эстетическом воспитании" Шиллер, что как трагическая проблема судьбы было поставлено перед человечеством Львом Толстым, было той самой проблемой, что как живая реальность была разрешена сущностью Иисуса.

В чем же было действительное содержание снов наяву Гете, идеалов Шиллера, жизненного трагизма Толстого? То был Иисус из Назарета как существо, у которого тело не прекословило сердечности и истине, сердечность была истинна, а истина - сердечна, и через плоть и кровь сердечная истина выражалась тем сильнее и теплее. Невозможно не полюбить Иисуса из Назарета, рассматривая Его существо в свете познания. Ибо Он стал осуществлением того, по чему томится все лучшее, все здоровое в теле, душе и духе человека.

Но господство духа над душой и телом человека не может удовлетворить надолго, ибо всякая "аскеза" духа в отношении тела внутренне цинична, а всякая "аскеза" духа в отношении души - это внутренняя жестокость. Тот, кто хочет прямолинейно следовать "лишь истине", сначала становится строгим с самим собой, затем - строгим с другими, затем - жестоким к себе и, наконец, жестоким к другим. Возможно, он будет жить великими идеями и целями, но ради их осуществления он будет беспощадно отодвигать в сторону многое, что имеет право на жизнь и рост. Он не сможет удовлетвориться ни "аскезой" души в отношении тела, ибо она становится внутренне удушливой мистикой или удушливой моралью, ни "аскезой" души в отношении духа (которая тоже ведь существует). Ибо она ведет в наше время не к "святой простоте", а к хитрости и ханжеству. Тот, кто запрещает себе развертывание свободной мыслительной жизни, начинает мыслить с помощью подсознания, то есть он становится хитрым, а его "чистая душа" - средством для достижения цели. Истинная же, здоровая человечность томится по свободному союзу в любви тела, души и духа.

Таким был Иисус из Назарета, и поэтому организация Иисуса была и есть сознательный или бессознательный предмет томления лучших представителей человечества. И именно поэтому Сердце мира, Христос, смог войти в Иисуса из Назарета: сошествие Христа было ответом Неба на любовь духа, души и тела натанова Иисуса.

Если теперь, в заключении всей работы над Ветхим Заветом, посмотреть на сущность Иисуса из Назарета как на сосуд Христа, то сосуд этот предстает в виде чаши, образованной из астрального тела архангельской сущности Иисуса, при этом внутренняя сторона этой чаши сформирована Я Заратустры, а внешняя сторона - Буддой. Чаша эта опирается на "ножку" эфирного тела, в котором жила невинная сестринская душа Адама. Нижнюю часть "ножки" составляет подготовленное деятельностью Ягве физическое тело. Этот сосуд был окружен тройственной оболочкой, образованной деятельностью существа Я Архангела Иисуса, сущности Илии и сущности Софии. Этот окутанный сосуд, образованный семью духовными сущностями, был наполнен при Крещении в Иордане содержанием, для которого он предназначался.

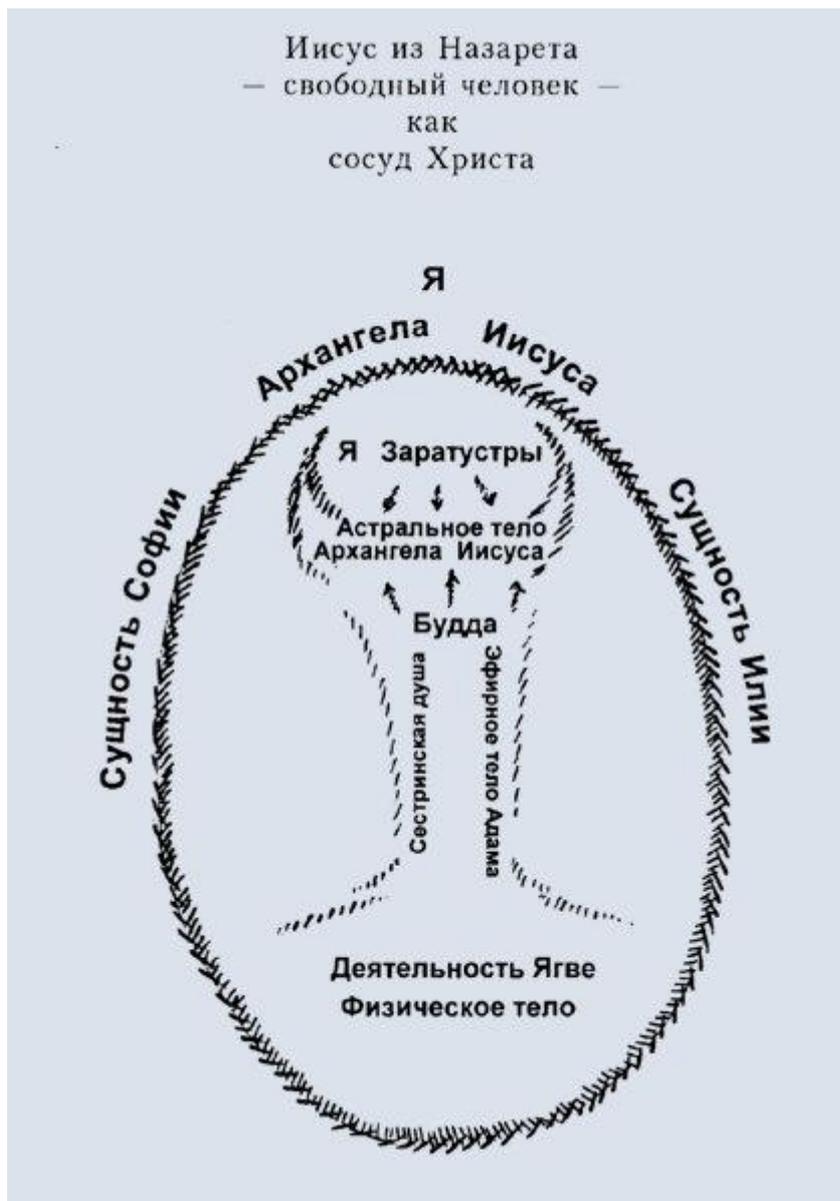
Если при Крещении в Иордане этот сосуд принял в себя Христа, то это означало, что он принял в себя также и бессмертие. И когда Иосиф Аримафейский доставил на дальний

Запад чудесную чашу с холма Голгофы, то это была та самая чаша, которая вечно хранит свойство наполняться Духом Христа.

Мистерия святого Грааля - это мистерия членов существа Иисуса, принявших в себя Христа. "Отпечатки", как обозначает их Рудольф Штейнер, этих членов составляют в их соединении совершенную Мистерию Грааля; они составляют священный сосуд, в который может быть воспринят "святой Грааль", то есть отпечаток Я Христа Иисуса.

Но все вышесказанное составляет предмет рассмотрений Нового Завета, которые последуют непосредственно за этим заключительным рассмотрением Ветхого Завета.

Ибо в то мгновение, когда при Крещении в Иордане над Иисусом из Назарета раздался голос: "Сей Сын есть мой возлюбленный, сегодня зачал Я Его" - закончилась ветхозаветная и началась новозаветная история человечества.

Дополнение к "Антропософским рассмотрениям Ветхого завета".

Среди круга читателей "Рассмотрений" к автору было обращено много вопросов, возникших не из полемического духа, а из честной познавательной озабоченности. По существу эти вопросы можно свести к двум: каким образом многое из вышесказанного в "Рассмотрениях" - особенно то, что противоречит господствующим воззрениям и

настроениям - может быть обосновано трудами Рудольфа Штейнера? Каким образом оно может быть обосновано другим обычным опытом?

Автор не в состоянии подтвердить все сказанное в "Рассмотрениях" местами из трудов Рудольфа Штейнера или его устными высказываниями; для этой цели ему пришлось бы написать толстую книгу, которая имела бы по крайней мере вдвое больший объем, чем сами "Рассмотрения". Поэтому он ограничится тем, что на примере некоторых основополагающих мыслей и фактов первого "Рассмотрения" покажет, что основания для сказанного можно найти как у Рудольфа Штейнера, так и в самой жизни, если искать действительно внимательно и непредубежденно.

Принципиальные вещи, высказанные в первом "Рассмотрении", могут быть сведены к следующим положениям.

1. Белый оккультизм мира представляет собой трехчленное единство, которое и в прошлом, и в будущем пребывало и будет пребывать в поступательном познавательном движении.

2. Он всегда представлен "советом" трех ведущих личностей, каждая из которых являет собой одну определенную ветвь трехчленного оккультизма.

3. Непрерывная традиция всего белого оккультизма заключается, по существу, не в прежних познаниях, сохраненных в памяти или в письменном виде, а в постоянном сознательном общении - посредством имажинации, инспирации и интуиции - с духовным миром.

4. Задача антропософского движения состоит в том, чтобы, не останавливаясь на общем обзоре духовного мира и духовной истории человечества, с помощью конкретного оккультизма искать средства и пути для того, чтобы справляться со всеми вновь возникающими задачами жизни. Но это означает познавательный прогресс в направлениях эвгенического, гигиенического и механического оккультизма.

5. Неоценимую пользу в решении этой задачи могут принести три части Библии (Ветхий Завет, Новый Завет и Апокалипсис), ибо там могут быть найдены или вновь обреты глубочайшие истины трех ветвей конкретного оккультизма.

Обозначив эти пять пунктов, мы можем перейти к вопросу о том, могут ли они быть обоснованы через Рудольфа Штейнера и через обычный опыт.

Был ли Рудольф Штейнер здесь один, или существовали также и другие знающие? В цикле "Рассмотрения времени" (теперь "Судьба человечества и судьба народов", Берлин, 1915 г., кат. 157) в 5-ой лекции (19 января 1915 г.) Рудольф Штейнер говорит об убийстве эрцгерцога Фердинанда как о символе большой важности. "Я не испытывал этого никогда прежде, ни на прямом пути, ни через других оккультистов", - говорит Рудольф Штейнер, указывая таким образом на два пути, на которых он мог узнавать прежде о важных вещах, а именно: через собственное исследование и через сообщения других оккультистов, которые явно существовали и к которым Рудольф Штейнер относился со всей серьезностью.

В лекциях Рудольф Штейнер, разумеется, не говорил прямо о двух других великих посвященных, ибо это относилось к более интимной стороне его жизни. Тем не менее в частном разговоре он делал это. Один такой разговор приводит на страницах своей драгоценной книги "Моя жизненная встреча с Рудольфом Штейнером" д-р Фридрих Риттельмейер. Д-р Риттельмейер пишет: "Странно было столь непосредственно в подробностях слышать, что действительно есть такие духовные водители человечества, которые хорошо защищены в своей закрытости и царят, предвидя и направляя, в истории человечества... Особенно незабываем для меня взгляд, с которым Рудольф Штейнер сказал об одном из этих двух духовных людей: "Это была очень значительная личность". Его глаза долго словно смотрели ему вслед. И в его взгляде было почитание, которым один великий посвященный платил дань другому великому... На мой вопрос, живет ли еще один из этих двоих и видится ли он с ним иногда, он отвечал: "Я не нуждаюсь в этом". - В более позднем разговоре Рудольф Штейнер указывает на тот важный факт, что

в настоящем открыто может действовать лишь один из трех, а именно - представитель мышления. Два других должны оставаться в тени.

Кто эти три ведущие индивидуальности? В девятой лекции цикла "Восток в свете Запада" (Мюнхен, 31 августа 1909 г., кат. 113) Рудольф Штейнер говорит, что в школе розенкрейцерства хранился план будущего земного развития. Ее Учителями были индивидуальности Скитианоса, Будды и Заратустры. В начале 17 столетия индивидуальность Будды покинула Землю (см., например, "Жизнь между смертью и новым рождением", 5-ая лекция, Берлин, 22 декабря 1912 г., кат. 141). чтобы действовать на Марсе. Так на Земле остались лишь индивидуальность Заратустры и индивидуальность Скитианоса. И тем не менее Рудольф Штейнер говорит о третьей индивидуальности. В 8-ой лекции цикла об Апокалипсисе (Нюрнберг, 25 июня 1908 г., кат. 104) Рудольф Штейнер говорит: "Мани - вот та высокая индивидуальность, которая снова и снова воплощается на Земле и которая есть направляющий Дух тех, кто находится здесь для обращения Зла.

Говоря о великих вождях человечества, мы должны помнить и об этой индивидуальности, поставившей себе такую задачу. Хотя в настоящее время этот принцип Мани должен держаться глубоко на заднем плане, поскольку существует мало понимания для спиритуализма, этот удивительный прекрасный принцип манихеев будет приобретать все больше и больше учеников".

Таковы три ведущие индивидуальности, которые "все снова и снова воплощаются" (под "воплощением" подразумевается не только инкарнация, но и простирающаяся вплоть до физического возможность действия через других людей: Заратустра, Мани и Скитианос.

Это имеет значение для розенкрейцерства как духовного течения. Но в последней лекции цикла "Миссия отдельных народных душ" (Осло, 1910 г., кат. 121) Рудольф Штейнер указывает на идентичность "источников розенкрейцерства" и духовной науки.

Итак, вполне обоснованно можно сказать, что Рудольф Штейнер говорит о трех индивидуальностях - и он приводит их "имена" - которые руководят течением христианского оккультизма, причем "принцип Мани" находится сегодня на заднем плане, и еще больше на заднем плане находится "принцип Скитианоса".

Но каковы же эти "принципы" в действительности? Не индивидуальности, а принципы, представляемые этими индивидуальностями. Принцип Мани достаточно охарактеризован в приведенной выше лекции как принцип преобразования зла в добро, то есть принцип исцеления. А что такое принцип Заратустры? Заратустра был той индивидуальностью, которая, руководя, участвовала в событии рождения Иисуса из Назарета и сделала возможной инкарнацию Христа. Он представляет принцип евгенического оккультизма. И лишь в отдаленном будущем на первый план выйдет принцип Скитианоса как принцип механического оккультизма.*

* Автор просит читателя не забывать, что речь здесь идет не о том, чтобы показать, как автор пришел к своим воззрениям относительно трех учителей и трех ветвей оккультизма, а об одном примере того, как эти воззрения могут быть обоснованы через Рудольфа Штейнера.

Здесь можно было бы сделать возражение относительно трех направлений оккультизма: в цикле "В изменившейся обстановке эпохи" (Дорнах, 1918 г., кат. 186) Рудольф Штейнер говорит о механических, евгенических и гигиенических способностях, которые явятся в будущем, а не о трех ветвях современного белого оккультизма. Как можно подтвердить наличие этих ветвей оккультизма?

Это можно подтвердить как лекциями Рудольфа Штейнера, еще не изданными, так и другими фактами. Автор должен отказаться от цитирования лекций из архива, так как не располагает ими; но на один красноречивый жизненный факт он хотел бы указать.

В начале 1893 года председатель "Общества Берина" Ч.Дж. Гаррисон прочитал ряд лекций, в которых употреблена не только та же самая терминология, что и у Рудольфа Штейнера, но часто попадают буквально те же самые формулировки. Эти лекции

появились и на немецком языке в виде книги ("Трансцендентальная вселенная", Лейпциг, в двух изданиях). В этой книге говорится следующее: "Относительно знания, принадлежащего области потустороннего, существует расхождение во мнениях, насколько умно было бы открывать его. Сообщить миру об этом знании было бы явным долгом, если бы мы были уверены, что оно не будет употреблено во зло. Каждому было бы полезно познакомиться с фактами, связанными с человеческим зачатием. Много зла, проистекающего от незнания причин болезней, можно было бы легко предотвратить, а болезни снять без обращения к аптечным средствам. Было бы сэкономлено много времени и труда, если бы стало известно соотношение взаимосвязанных эфирных колебаний, и наши искусные механики были бы в состоянии воспользоваться благодаря этому "тонкими силами природы". О чем говорит здесь, в сущности, Гаррисон? Он говорит, что есть три рода познания практического значения, которые должны были бы быть открыты, если бы для этого были условия. Эти три отрасли знания относятся к зачатию, здоровью и механике. Причем знание об этих вещах существует. Но оно - содержание предания. Гаррисон еще много говорит об этих вещах, но здесь невозможно цитировать все главы книги, здесь важно на примере Гаррисона показать, что в наше время - во всяком случае, в 1893 году - знание о трех областях оккультизма существует. В сущности, Рудольф Штейнер сообщил многое из этого знания, во всяком случае достаточно, чтобы предоставить надежные точки опоры для поступательной работы в этом направлении. Автор мог бы показать это на многих примерах, но должен от этого отказаться и предоставить этот труд самому читателю.

Но довольно о трех областях оккультизма и их ведущих личностях. Теперь очередь вопроса о прогрессе духовного познания. В этом отношении можно было бы довольствоваться лишь одним высказыванием Рудольфа Штейнера: "Прогресс духовного познания - это один из тех импульсов, что лежат в основе всего нашего духовнонаучного движения" ("Экскурсы в область Евангелия от Марка", Берлин, 1-ая лекция от 17 октября 1910 г., кат. 124). Если рядом с этим высказыванием поставить следующее: "И мы хотим быть союзом людей, не просто верящих книгам и людям, но верящих живому Духу" ("Импульс Христа и развитие Я-сознания", Берлин. 7-ая лекция от 8 мая 1910 г., кат. 116), - то мы имеем недвусмысленное выражение отношения Рудольфа Штейнера к догматизирующим тенденциям, отрицающим познавательный прогресс. Ибо говоря о "книгах и людях", он имел в виду также и свои книги, и себя как человека. Сам он никогда не считал духовное познание ограниченным результатами его исследований, ибо как иначе он мог бы сказать: "Возможно, многое будет собрано здесь об оккультных вещах; за пятьдесят лет те или иные пункты быть может будут исследованы точнее, то или иное будет выражено иначе..." ("Земной и космический человек", Берлин, 9-ая лекция от 20 июня 1912 г., кат. 133).

И существует множество таких мест, где Рудольф Штейнер говорит о прогрессе познания как жизненном нерве движения. Высказывание о том, что если антропософия не будет воспринята человечеством теперь, то она должна будет ждать сто лет, толкуется так, что человечество якобы "обеспечено" на сто лет. На самом же деле, смысл этого высказывания заключается в том, что лишь через сто лет представится возможность с начала воспринять духовное в открытую культурную жизнь; при этом речь не идет о прогрессе познания у людей, которые воспримут его при этой возможности.

О новых духовных познавательных возможностях Рудольф Штейнер говорил весьма много. Он говорил о новом ясновидении (об "эфирном ясновидении", которое сможет познавать кармические взаимосвязи), которое наступит у некоторого числа людей с тридцатых годов этого столетия. Он говорил о великом подъеме познания благодаря новому появлению индивидуальностей великих учителей Шартра во второй половине этого столетия. Он говорил о постоянном притекании "науки о Граале" в течение всей пятой послееатлантической эпохи вплоть до шестой ("Тайноведение", кат. 13).

И еще о многом другом говорил Рудольф Штейнер, о чем здесь нет необходимости упоминать, иначе внимание легко могло бы быть отвлечено от принципиального вопроса к частностям, но что, конечно, известно сотням антропософов.

Сделанных выше указаний, однако, уже достаточно, чтобы показать, что основополагающие вещи, высказанные в 1-ом рассмотрении, ни в малейшей степени не противоречат Рудольфу Штейнеру. Да и следя за неантропософской литературой, внимательный взгляд может обнаружить достаточно фактов, обосновывающих их. Здесь приведены лишь отдельные пункты, чтобы наметить линии, могущие привести к полной ясности. И цель, стоящая за этим "Дополнением", состоит именно в том, чтобы побудить читателя к такой проверке на основе трудов Рудольфа Штейнера, а также на основе всеобщей духовной жизни человечества.